

Омар Хайям

Рубаи

Омар ХАЙЯМ РУБАИ

аргументпринт

2010

ББК 84.5
О-57

Редактор
Наталия Соломадина

Макет и верстка
Алексей Пилипенко

Корректор
Анна Синица

Серия «Красота ума»

Омар Хайям
О-57 Рубаи.— Х.: Издательство «Аргумент Принт», 2010.— 304 с.
ISBN 978-966-2307-93-1

ББК 84.5
О-57

ISBN 978-966-2307-93-1

© Тамилла Гамзаева, иллюстрации, 2010
© Издательство «Аргумент Принт», 2010

Омар Хайям РУБАИ

Поэтический перевод
К. Бальмонта

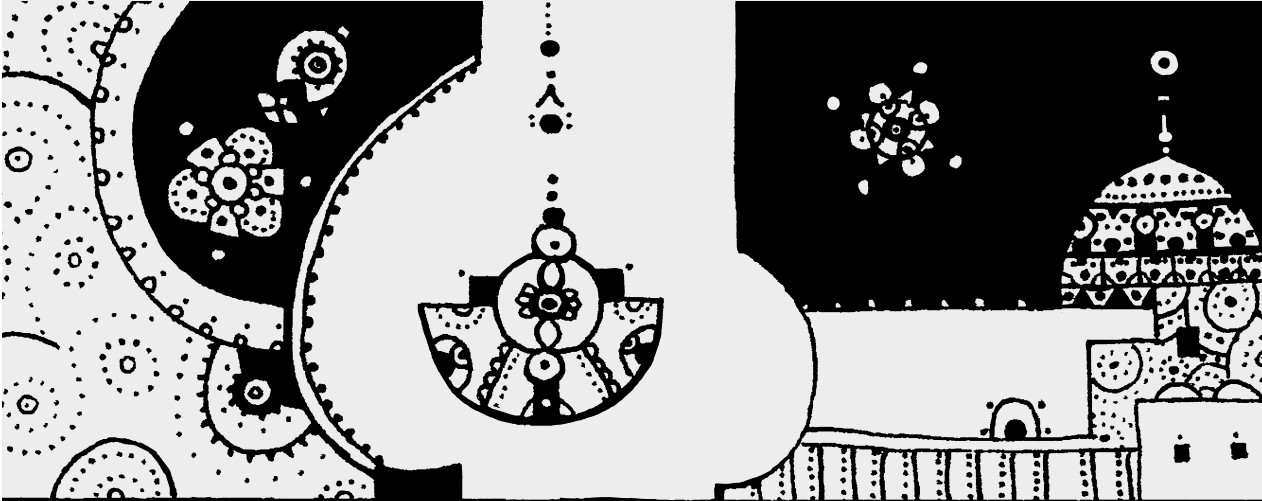
Омар ХАЙЯМ

РУБАИ

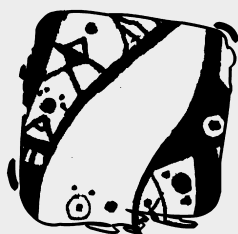
Поэтический перевод
К. Бальмонта

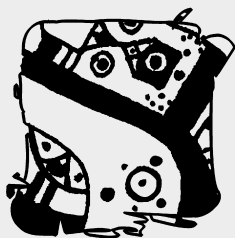
Если в лучах ты надежды — сердце ищи себе,
сердце,
Если ты в обществе друга — сердцем гляди
в его сердце.
Храм и бесчисленность храмов меньше,
чем малое сердце,
Брось же свою ты Каабу, сердцем ищи
себе сердце.

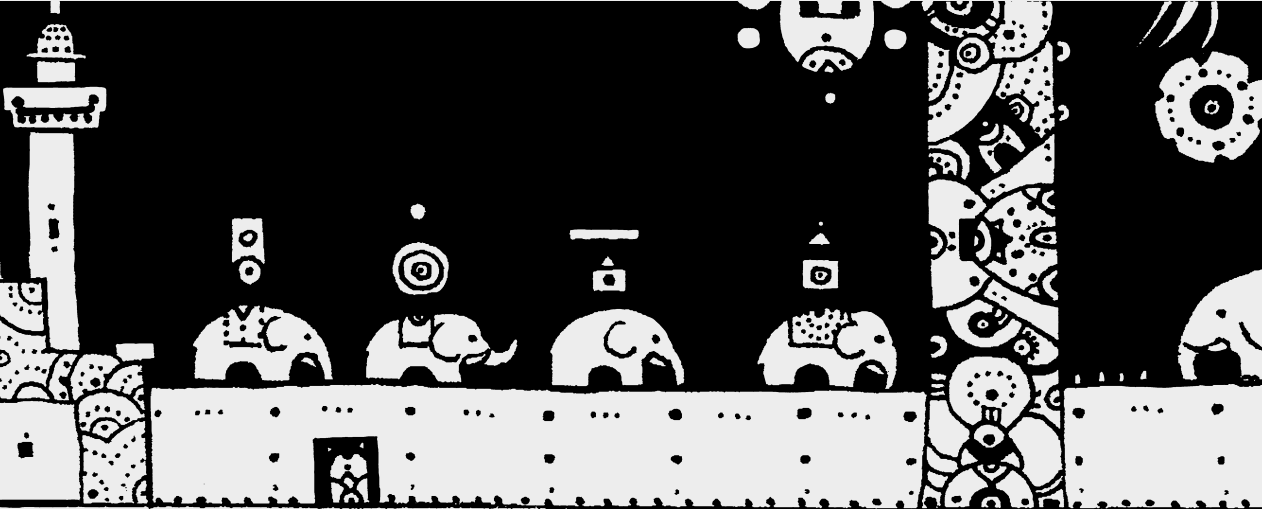
Этот ценный рубин — из особого здесь рудника,
Этот жемчуг единственный светит особой печатью,
И загадка любви непонятной полна благодатью,
И она для разгадки особого ждет языка.

Древо печали ты в сердце своем не сажай,
Книгу веселья, напротив, почаще читай,
Зову хотенья внимай и на зов отвечай,
Миг быстротечный встречай и лозою венчай.

Плакала капля воды: «Как он далек, Океан!»
Слушая каплю воды, смехом вскипел Океан.
«Разве не все мы с тобой? — капле пропел Океан, —
Малой раздельны чертой», — капле гудел Океан...

До тебя и меня много сумерек было и зорь.
Не напрасно идет по кругам свод небес золотой.
Будь же тщателен ты, наступая на прах,— этот прах
Был, конечно, зрачком, был очами красы молодой...

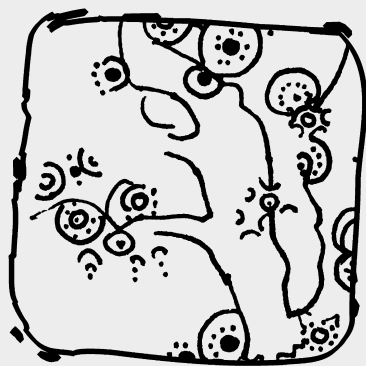

Когда я пью вино — так не вино любя.
Не для того, чтоб все в беспутстве слить в одно.
А чтоб хоть миг один дышать вовне себя,
Чтоб вне себя побыть — затем я пью вино.

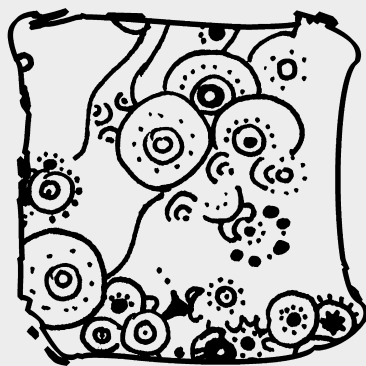

Ты весь мир обежал. Все, что ты увидал, есть ничто.
Все, что видел кругом, все, что слышал кругом, есть ничто.
Ты весь мир обошел — что ж ты в мире нашел? О, ничто.
Ты вошел в свой покой, в домик маленький твой, он — ничто.

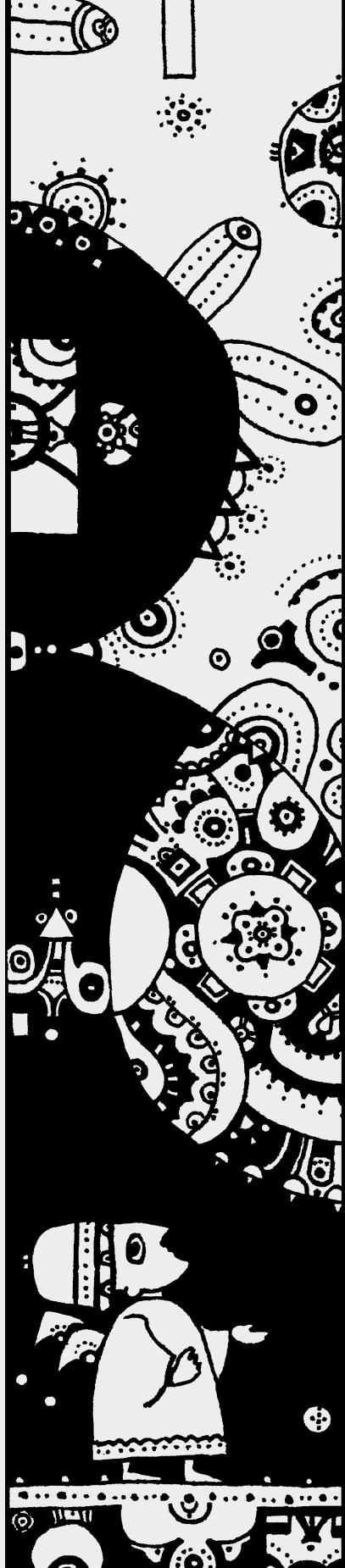
Мы цель создания, смысл его отменный,
Взор Божества и сущность зрящих глаз.
Окружность мира — перстень драгоценный,
А мы в том перстне — вправленный алмаз.

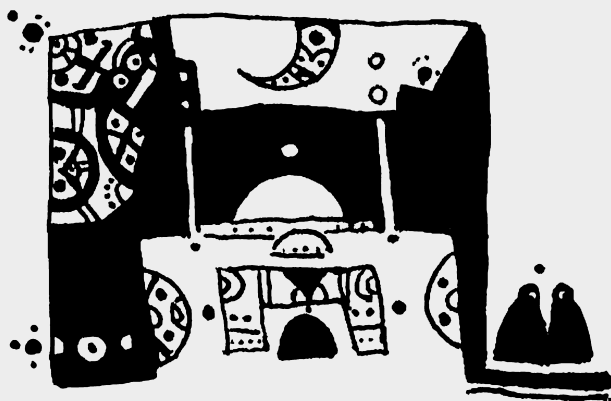

Грядущий день и прошлый век
Меня не беспокоят.
Но в этот день, в текущий день
Мне струны песню строят.

Поток времен свиреп, везде угроза,
Я уязвлен и жду все новых ран.
В саду существ я сжавшаяся роза,
Облито сердце кровью, как тюльпан.

[illegible]

Омар Хайям

РУБАИ

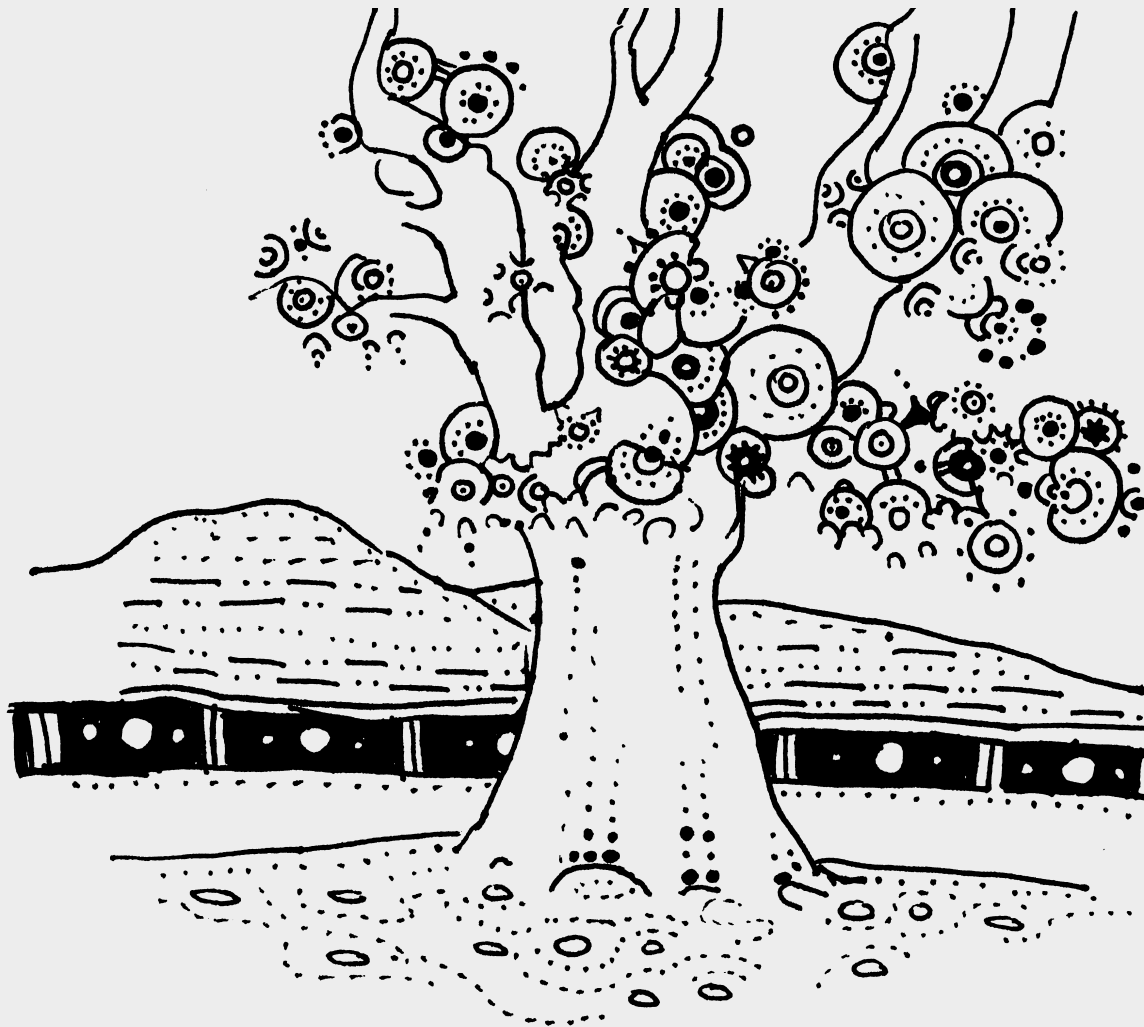
Поэтический
перевод
И. Тхоржевского

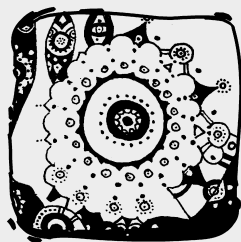
Омар ХАЙЯМ

РУБАИ

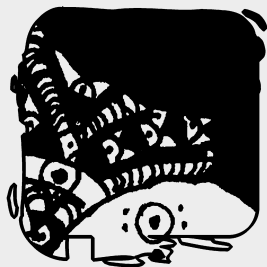
Поэтический перевод
И. Тхоржевского

Ты обойден наградой? Позабудь.
 Дни вереницей мчатся? Позабудь.
 Небрежен Ветер: в вечной Книге Жизни
 Мог и не той страницей шевельнуть...

«Не станет нас». А миру — хоть бы что!
 «Исчезнет след». А миру — хоть бы что!
 Нас не было, а он сиял и будет!
 Исчезнем мы... А миру — хоть бы что!

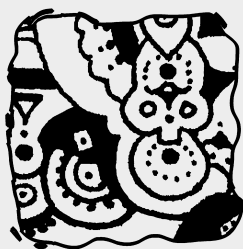
Ночь. Брызги звезд. И все они летят,
Как лепестки Сиянья, в темный сад.
Но сад мой пуст! А брызги золотые
Очнулись в кубке... Сладостно кипят.

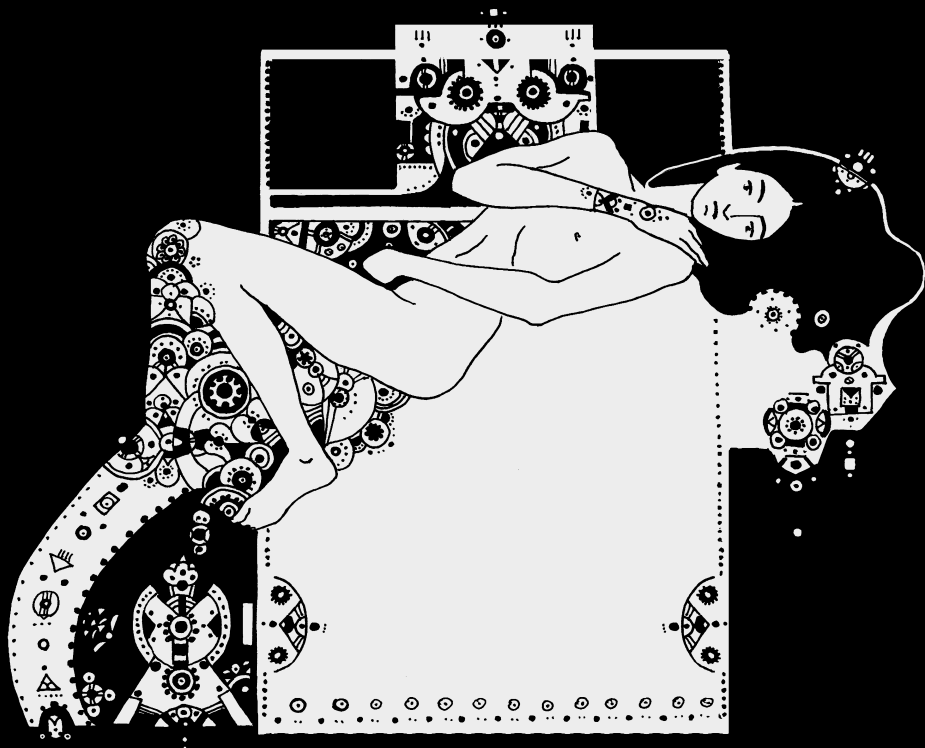
Весна. Желанья блещут новизной.
Сквозит аллея нежной белизной.
Цветут деревья — чудо Моисея...
И сладко дышит Иисус весной.

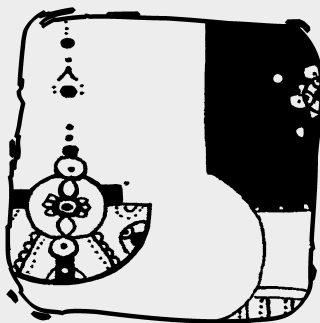
Без хмеля и улыбок — что за жизнь?
Без сладких звуков флейты — что за жизнь?
Все, что на солнце видишь,— стоит мало.
Но на пиру в огнях света и жизнь!

Умчалась Юность — беглая весна —
К подземным царствам в ореоле сна,
Как чудо-птица, с ласковым коварством,
Вилась, сияла здесь — и не видна...

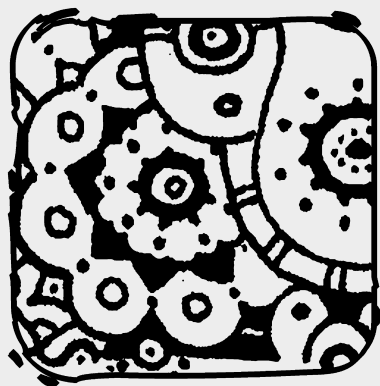

Проходит жизнь — летучий караван.
 Привал недалог... Полон ли стакан?
 Красавица, ко мне! Опустит полог
 Над сонным счастьем дремлющий туман.

Мечтанья — прах! Им места в мире нет.
 А если б даже сбился юный бред?
 Что, если б выпал снег в пустыне знойной?
 Час или два лучей — и снега нет!

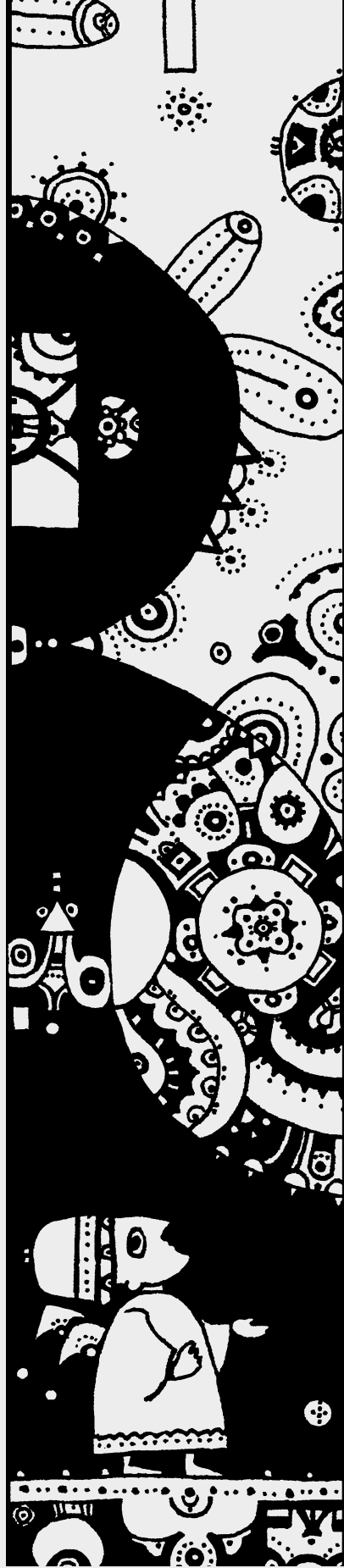
«Мир громоздит такие горы зол!
Их вечный гнет над сердцем так тяжел!»
Но если б ты разрыл их! Сколько чудных,
Сияющих алмазов ты б нашел!

В одном соблазне юном — чувствуй все!
В одном напеве струнном — слушай все!
Не уходи в темнеющие дали:
Живи в короткой яркой полосе.

Кто в чаше Жизни капелькой блеснет,—
Ты или я? Блеснет и пропадет...
А виночерпий Жизни — миллионы
Лучистых брызг и пролил и прольет...

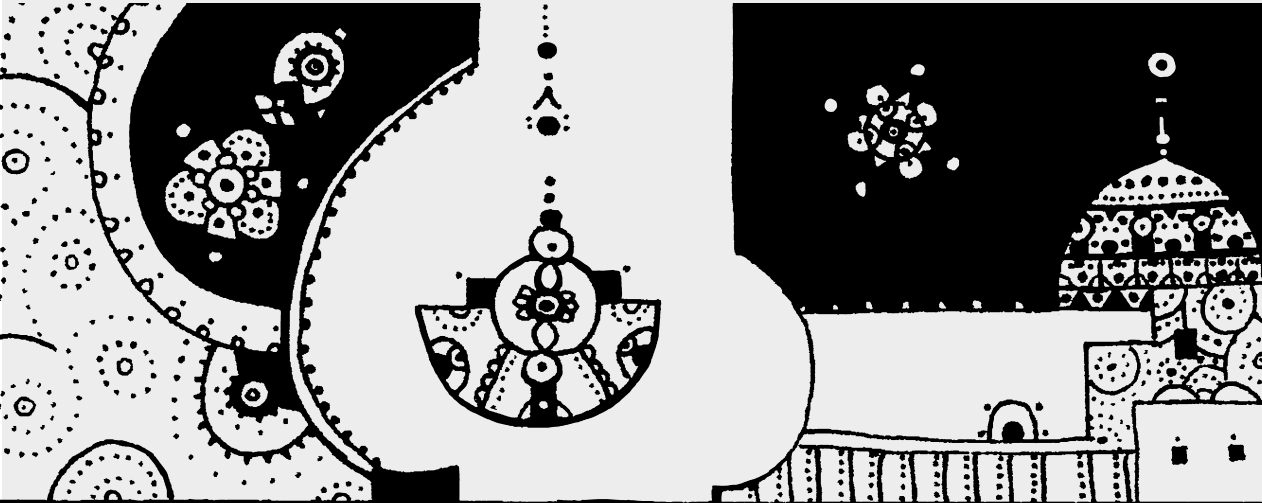
Там, в голубом небесном фонаре,—
Пылает солнце: золото в костре!
А здесь, внизу,— на серой занавеске —
Проходят тени в призрачной игре.

Бог создал звезды, голубую даль,
Но превзошел себя, создав печаль!
Растопчет смерть волос пушистый бархат,
Набьет землю рот... И ей не жаль.

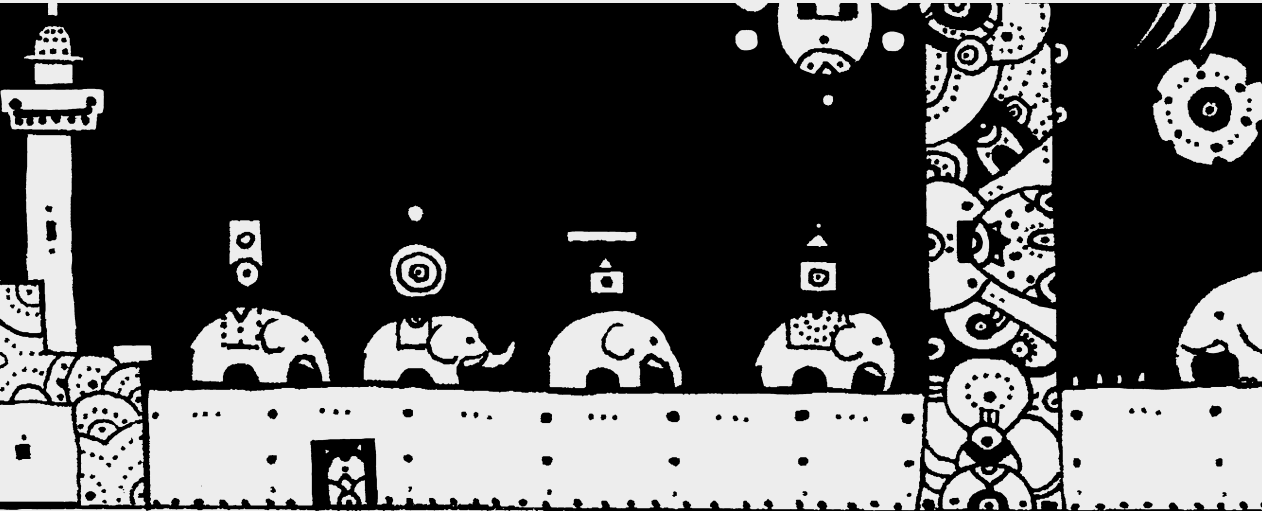
В венце из звезд велик Творец Земли! —
Не истощить, не перечесть вдали
Лучистых тайн — за пазухой у Неба
И темных сил — в карманах у Земли!

Хотя стройнее тополя мой стан,
Хотя и щеки — огненный тюльпан,
Но для чего художник своенравный
Ввел тень мою в свой пестрый балаган?

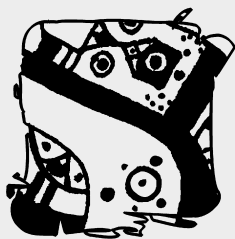
Один припев у Мудрости моей:
«Жизнь коротка,— так дай же волю ей!
Умно бывает подстригать деревья,
Но обкорнать себя — куда глупей!»

Дар своевольно отнятый — к чему?
Мелькнувший призрак радости — к чему?
Потухший блеск и самый пышный кубок,
Расколотый и брошенный,— к чему?

Подвижники изнемогли от дум.
А тайны те же сушат мудрый ум.
Нам, неучам,— сок винограда свежий,
А им, великим,— высохший изюм!

Что мне блаженства райские — «потом»?
Прошу сейчас, наличными, вином...
В кредит — не верю! И на что мне слава:
Под самым ухом — барабанный гром?!

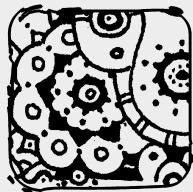

Вина! — Другого я и не прошу.
Любви! — Другого я и не прошу.
«А небеса дадут тебе прощенье?»
Не предлагают,— я и не прошу.

Над розой — дымка, выюшаяся ткань,
Бежавшей ночи трепетная дань...
Над розой шек — кольцо волос душистых...
Но взор блеснул. На губках солнце... Встань!

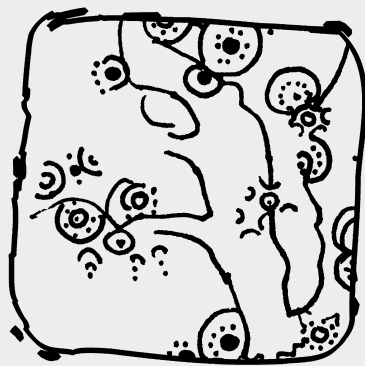

Вплетен мой пыл вот в эти завитки.
Вот эти губы — розы лепестки.
В вине — румянец щек. А эти серьги —
Уколы совести моей: они легки...

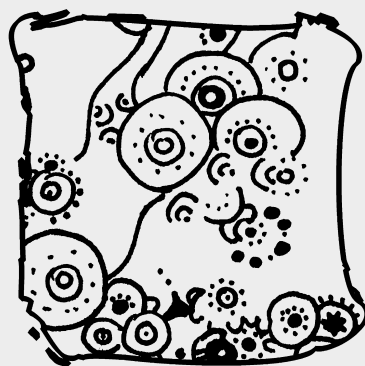

Ты опьянел — и радуйся, Хайям!
Ты победил — и радуйся, Хайям!
Придет Ничто — прикончит эти бредни...
Еще ты жив — и радуйся, Хайям!

В учености — ни смысла, ни границ.
Откроет больше тайный взмах ресниц.
Пей! Книга Жизни кончится печально.
Укрась вином мелькание границ!

Все ароматы жадно я вдыхал,
Пил все лучи. А женщин всех желал.
Что жизнь? — Ручей земной блеснул на солнце
И где-то в черной трещине пропал.

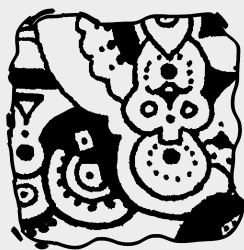
Для раненой любви вина готовы!
Мускатного и алого, как кровь.
Залей пожар, бессонный, затаенный,
И в струнный шелк запутай душу вновь...

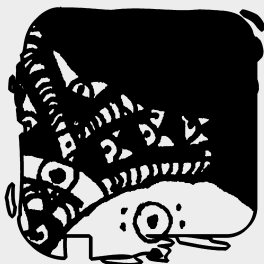
В том не любовь, кто буйством не томим,
В том хворостинок отсырелых дым.
Любовь — костер, пылающий, бессонный...
Влюбленный ранен. Он — неисцелим!

До шек ее добраться — нежных роз?
Сначала в сердце тысячи заноз!
Так гребень в зубья мелкие изрежут,
Чтоб слаше плавал в роскоши волос!

Не дрогнут ветки... Ночь... Я одинок...
Во тьме роняет роза лепесток.
Так — ты ушла! И горьких опьянений
Летучий бред развеян и далек.

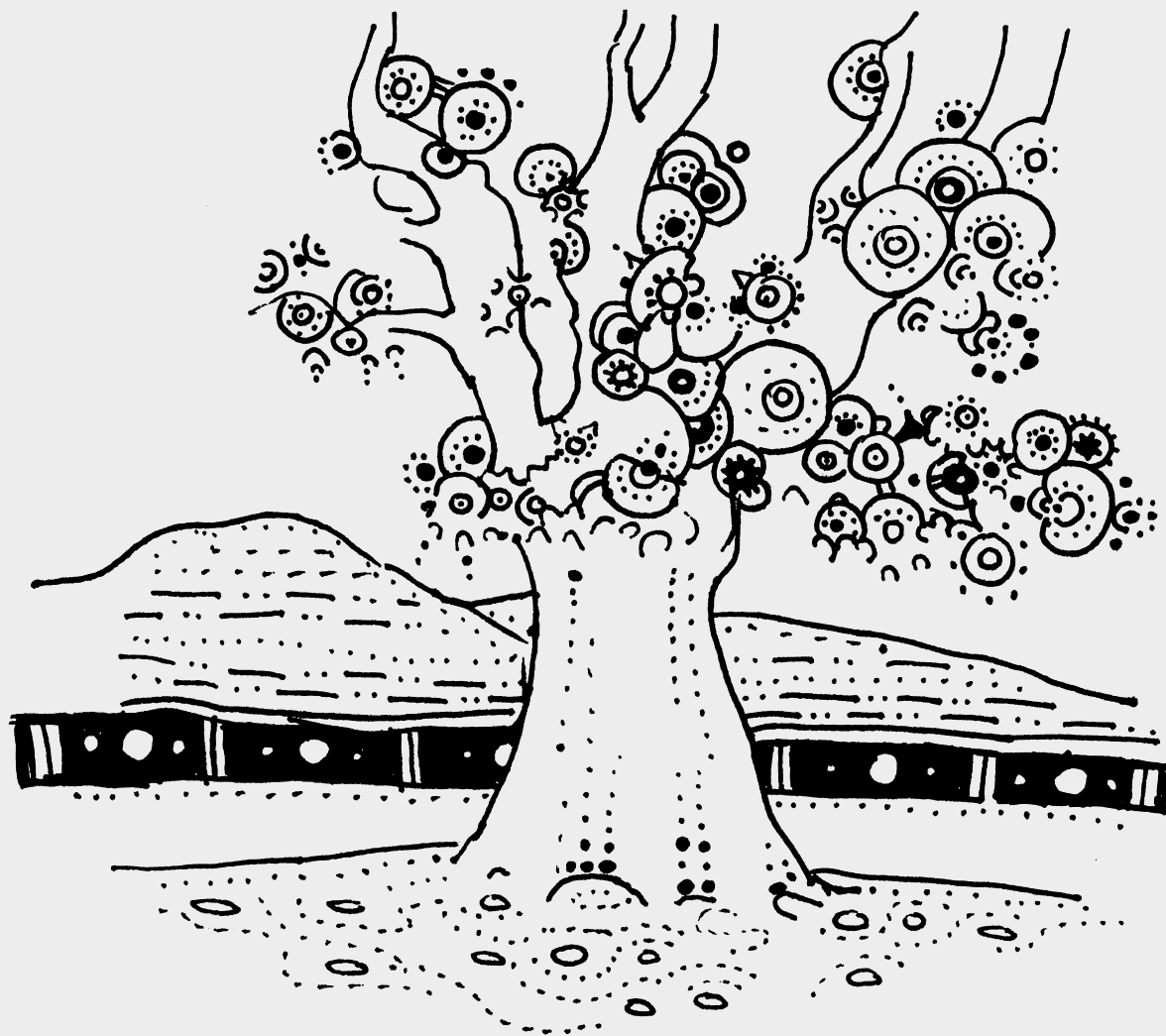

Пока хоть искры ветер не унес,—
Воспламеняй ее весельем лоз!
Пока хоть тень осталась прежней силы,—
Распутывай узлы душистых кос!

«Не пей, Хайям!» Ну, как им объяснить,
Что в темноте я не согласен жить!
А блеск вина и взор лукавый милой —
Вот два блестящих повода, чтоб пить!

Мне говорят: «Хайям, не пей вина!»
А как же быть? Лишь пьяному слышна
Речь гиацинта нежная тюльпану,
Которой мне не говорит она!

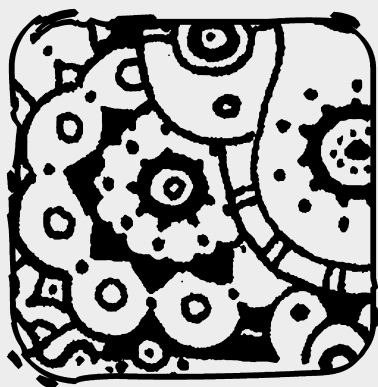
Развеселись!.. В плен не поймать ручья?
Зато ласкает беглая струя!
Нет в женщинах и в жизни постоянства?
Зато бывает очередь твоя!

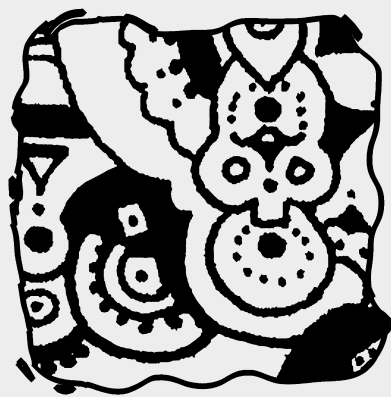
Любовь вначале — ласкова всегда.
В воспоминаньях — ласкова всегда.
А любишь — боль! И с жадностью друг друга
Терзаем мы и мучаем — всегда.

Шиповник алый нежен? Ты — нежней.
Китайский идол пышен? Ты — пышней.
Слаб шахматный король пред королевой?
Но я, глупец, перед тобой слабей!

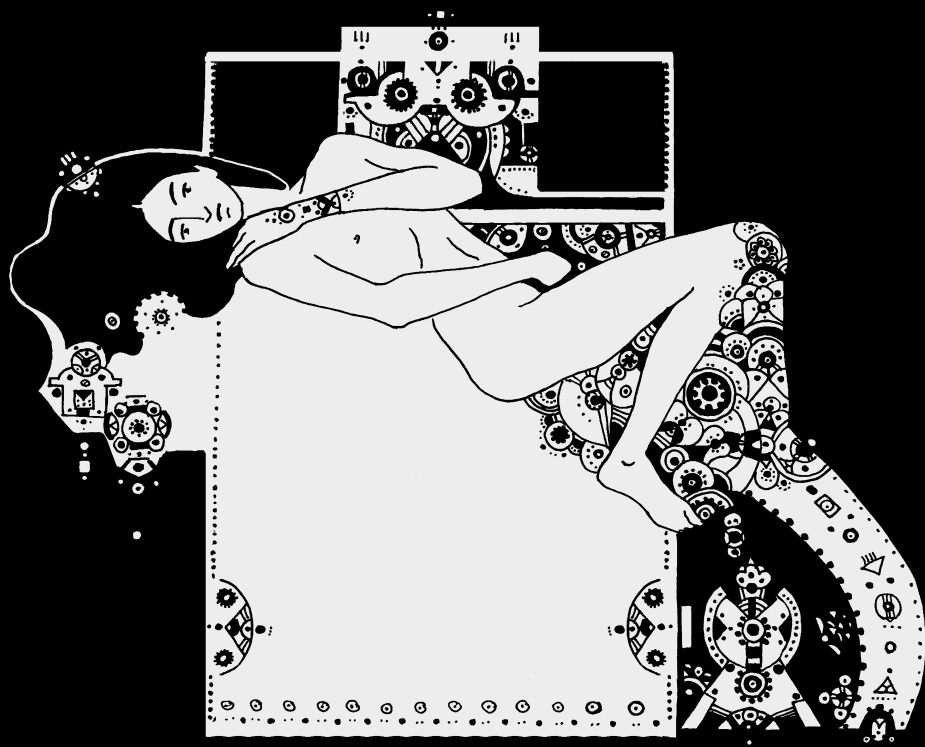
Любви несем мы жизнь — последний дар!
Над сердцем близко занесен удар.
Но и за миг до гибели — дай губы,
О, сладостная чаша нежных чар!

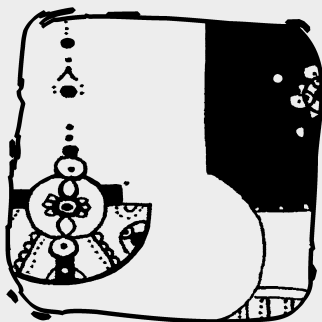
«Наш мир — аллея молодая роз,
Хор соловьев и болтовня стрекоз».
А осенью? «Безмолвие и звезды,
И мрак твоих распушенных волос...»

«Стихий — четыре. Чувств как будто пять,
И сто загадок». Стоит ли считать?
Сыграй на лютне,— говор лютни сладок:
В нем ветер жизни — мастер опьянять...

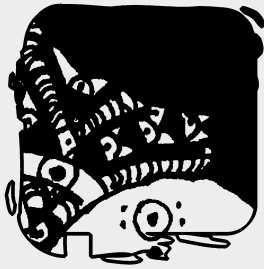
В небесном кубке — хмель воздушных роз.
 Разбей стекло тщеславно-мелких грез!
 К чему тревоги, почести, мечтанья?
 Звон тихий струн... и нежный шелк волос...

Не ты один несчастлив. Не гневи
 Упорством Неба. Силы обнови
 На молодой груди, упруго нежной...
 Найдешь восторг. И не ищи любви.

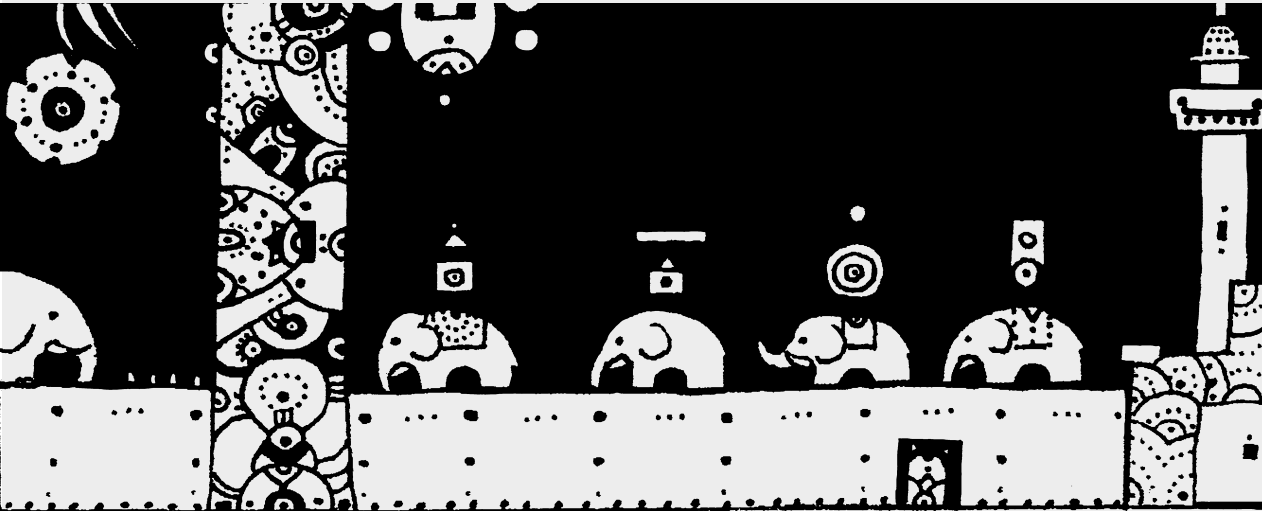
Я снова молод. Алое вино,
Дай радости душе! А заодно
Дай горечи и терпкой, и душистой...
Жизнь — горькое и пьяное вино!

Сегодня — оргия. С моей женой,
Бесплодной дочкой Мудрости пустой,
Я развожусь! Друзья, и я в восторге,
И я женюсь на дочке лоз простой...

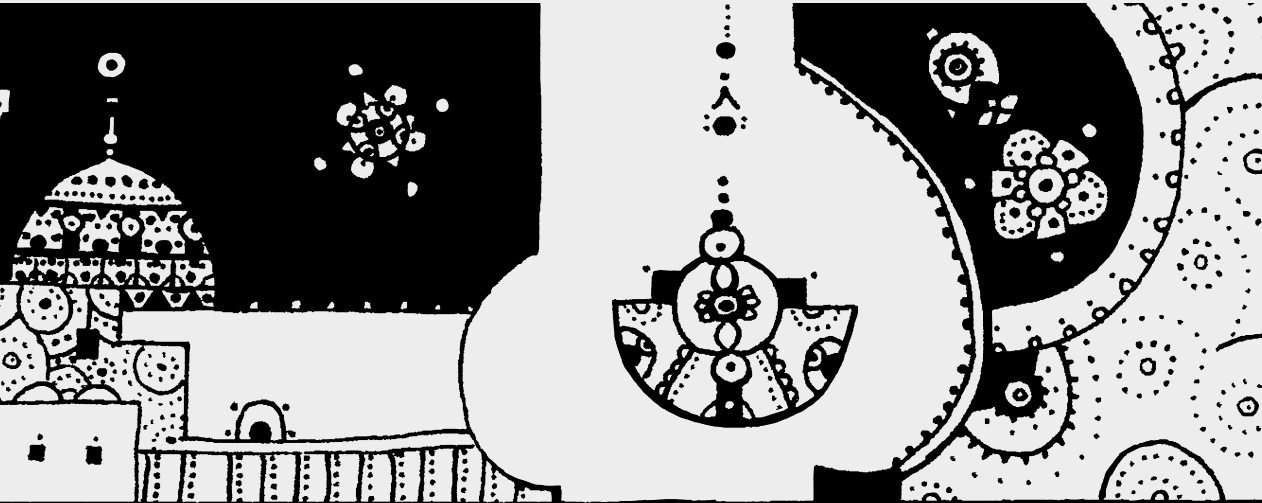
Не видели Венера и Луна
Земного блеска сладостней вина.
Продать вино? Хоть золото и веско, —
Ошибка бедных продавцов ясна.

Рубин огромный солнца засиял
В моем вине: заря! Возьми сандал:
Один кусок — певучей лютней сделай,
Другой — зажги, чтоб мир благоухал.

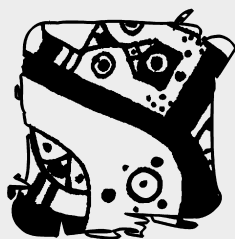
«Слаб человек — судьбы неверный раб,
Изобличенный и бесстыдный раб!»
Особенно в любви. Я сам, я первый
Всегда неверен и ко многим слаб.

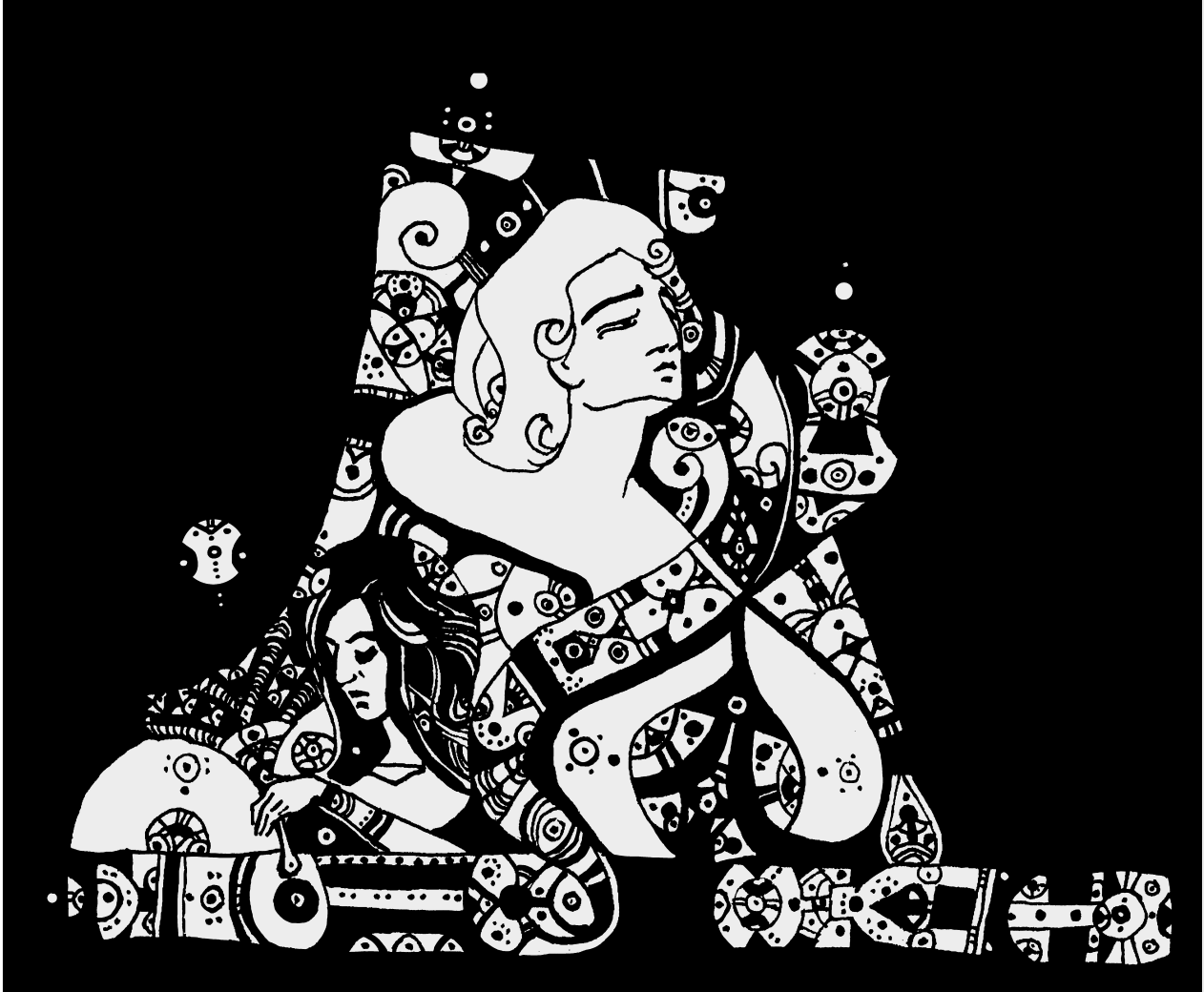
Сковал нам руки темный обруч дней —
Дней без вина, без помыслов о ней...
Скупое время и за них взимает
Всю цену полных, настоящих дней!

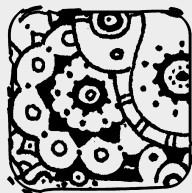
На тайну жизни — где б хотя намек?
В ночных скитаньях — где хоть огонек?
Под колесом, в неугасимой пытке
Сгорают души. Где же хоть дымок?

Как мир хорош, как свеж огонь денниц!
И нет Творца, пред кем упасть бы ниц.
Но розы льнут, восторгом манят губы...
Не трогай лютни: будем слушать птиц.

Пируй! Опять настроишься на лад.
Что забегать вперед или назад! —
На празднике свободы тесен разум:
Он — наш тюремный будничный халат.

Пустое счастье — выскочка, не друг!
Вот с молодым вином — я старый друг!
Люблю погладить благородный кубок:
В нем кровь кипит. В нем чувствуется друг.

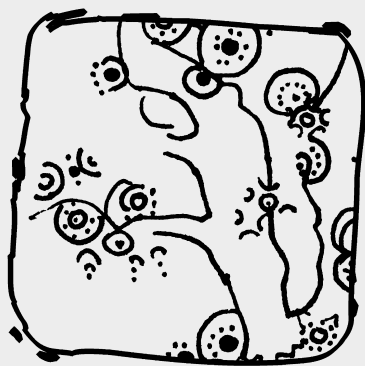
Дни — волны рек в минутном серебре,
Песка пустыни в тающей игре.
Живи Сегодня. А Вчера и Завтра
Не так нужны в земном календаре.

Как жутко звездной ночью! Сам не свой.
Дрожишь, затерян в бездне мировой.
А звезды в буйном головокруженье
Несутся мимо, в вечность, по кривой...

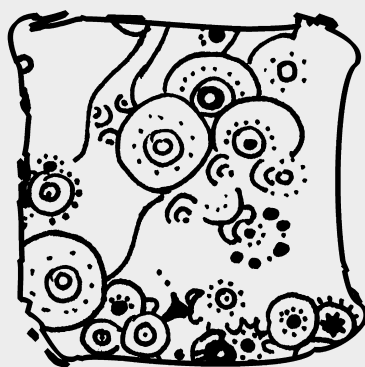

Осенний дождь посеял капли в сад.
Взошли цветы. Пестреют и горят.
Но в чашу лилий брызни алым хмелем —
Как синий дым магнолий аромат...

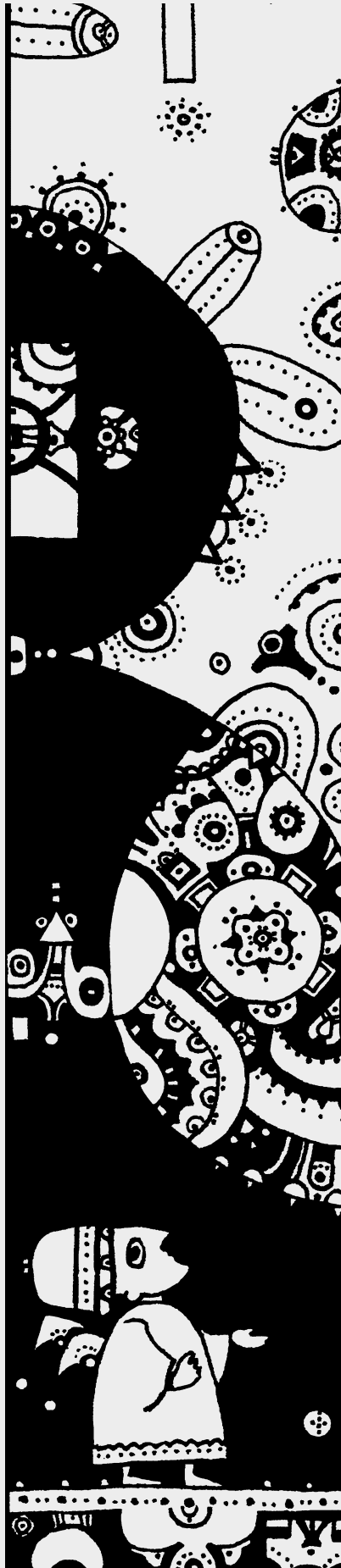
Я стар. Любовь моя к тебе — дурман.
С утра вином из фиников я пьян.
Где роза дней? Ошипана жестоко.
Унижен я любовью, жизнью пьян!

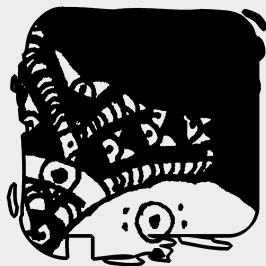

Что жизнь? Базар... Там друга не ищи.
Что жизнь? Ушиб... Лекарства не ищи.
Сам не меняйся. Людям улыбайся.
Но у людей улыбок — не ищи.

Из горлышка кувшина на столе
Льет кровь вина. И все в ее тепле:
Правдивость, ласка, преданная дружба —
Единственная дружба на земле!

Друзей поменьше! Сам день ото дня
Туши пустые искорки огня.
А руку жмешь,— всегда подумай молча:
«Ох, замахнутся ею на меня!..»

В честь солнца — кубок, алый наш тюльпан!
В честь алых губ — и он любовью пьян!
Пируй, веселый! Жизнь — кулак тяжелый:
Всех опрокинет замертво в туман.

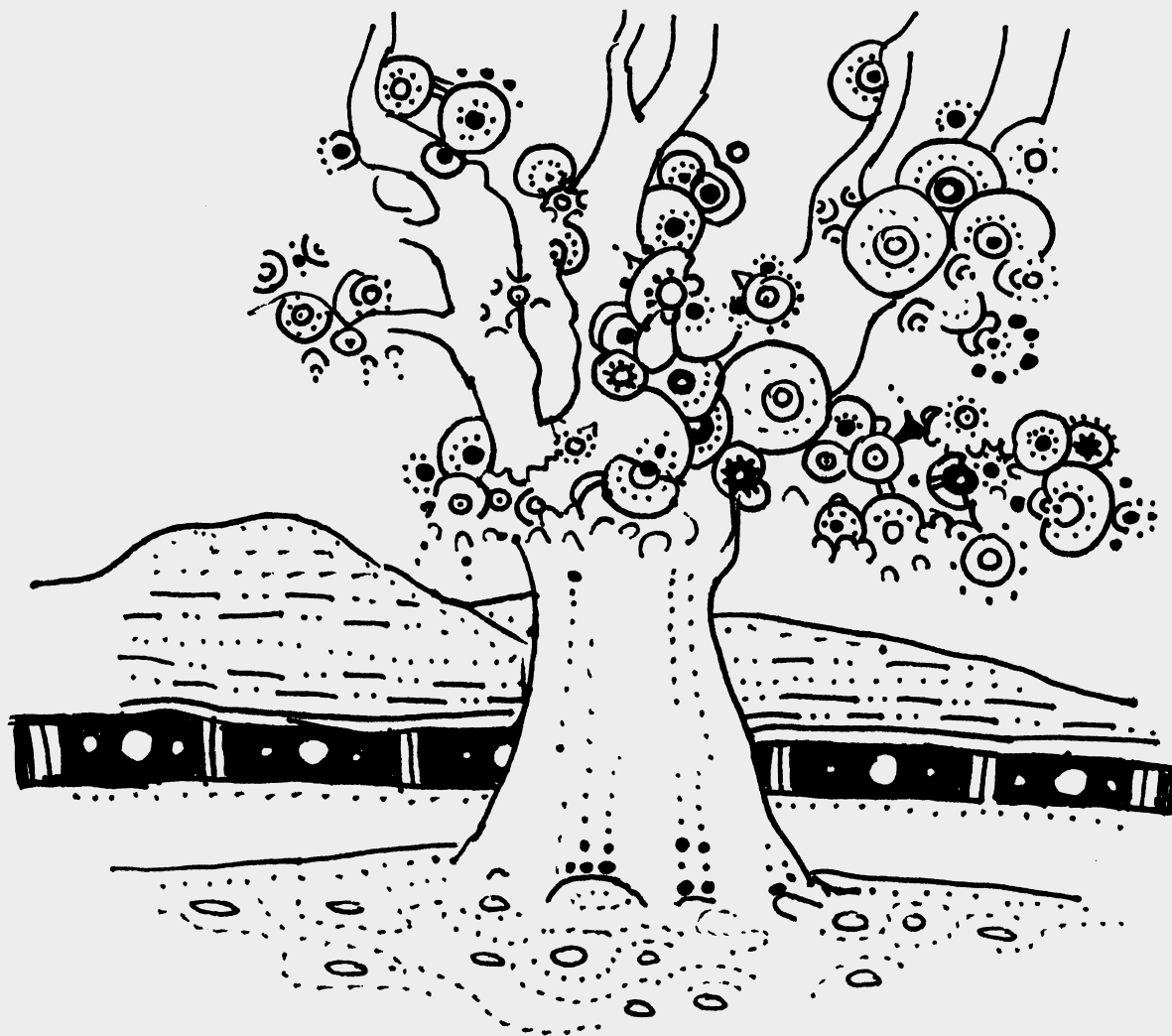

Смеялась роза: «Милый ветерок
Сорвал мой шелк, раскрыл мой кошелек,
И всю казну тычинок золотую,—
Смотрите,— вольно кинул на песок».

Гнев розы: «Как, меня — царицу роз —
Возьмет торгаш и жар душистых слез
Из сердца выжжет злою болью?!» Тайна!..
Пой, соловей! «День смеха — годы слез».

Завел я грядку Мудрости в саду.
Ее лелеял, поливал — и жду...
Подходит жатва, а из грядки голос:
«Дождем пришла и ветерком уйду».

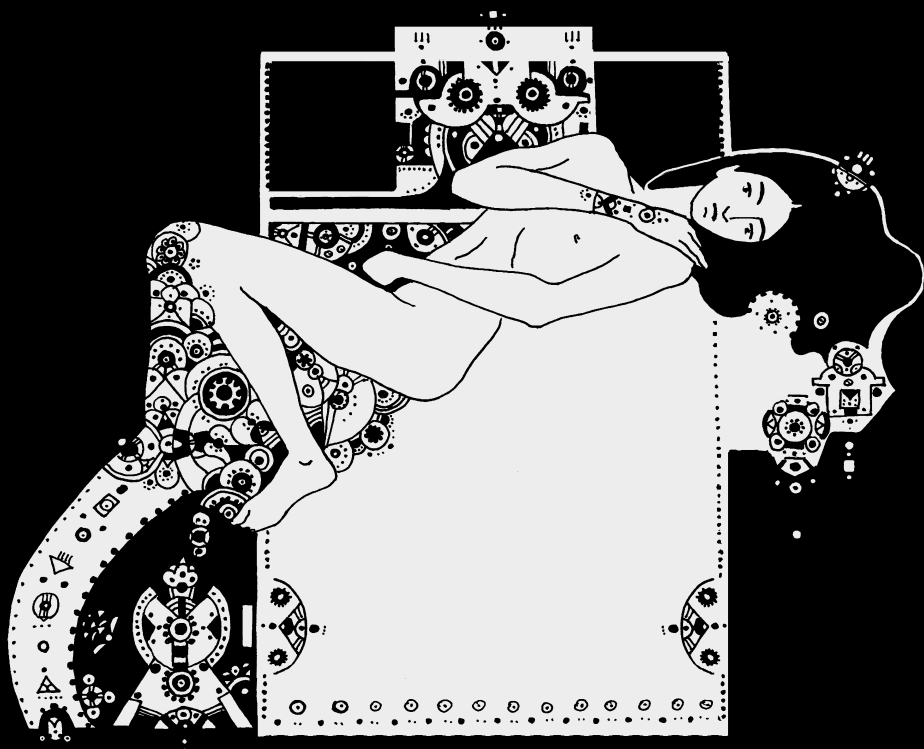

Я спрашиваю: «Чем я обладал?
Что впереди?..» Метался, бушевал...
А станешь прахом, и промолвят люди:
«Пожар короткий где-то отпылал».

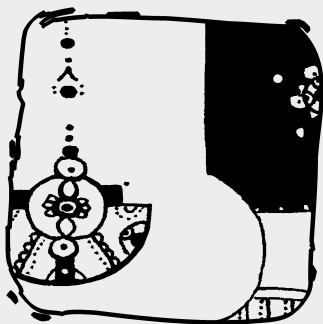

Ночь. Ночь кругом. Изрой ее, взволнуй!
Тюрьма!.. Все он, ваш первый поцелуй,
Адам и Ева: дал нам жизнь и горечь,
Злой это был и хищный поцелуй!

— Что песня, кубки, ласки — без тепла?
— Игрушки, мусор детского угла.
— А что молитвы, подвиги и жертвы?
— Сожженная и дряхлая зола.

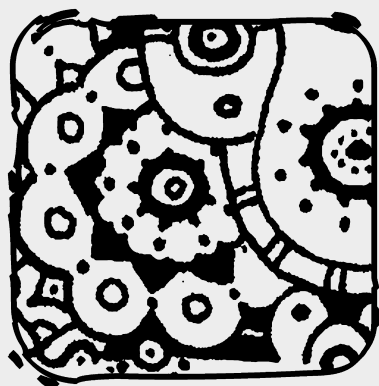

«Из края в край мы к смерти держим путь.
Из края смерти нам не повернуть».
Смотри же: в здешнем караван-сарае
Своей любви случайно не забудь!

Где вы, друзья? Где вольный ваш припев?
Еще вчера, за столик наш присев,
Беспечные, вы бражничали с нами...
И прилегли, от жизни охмелев!

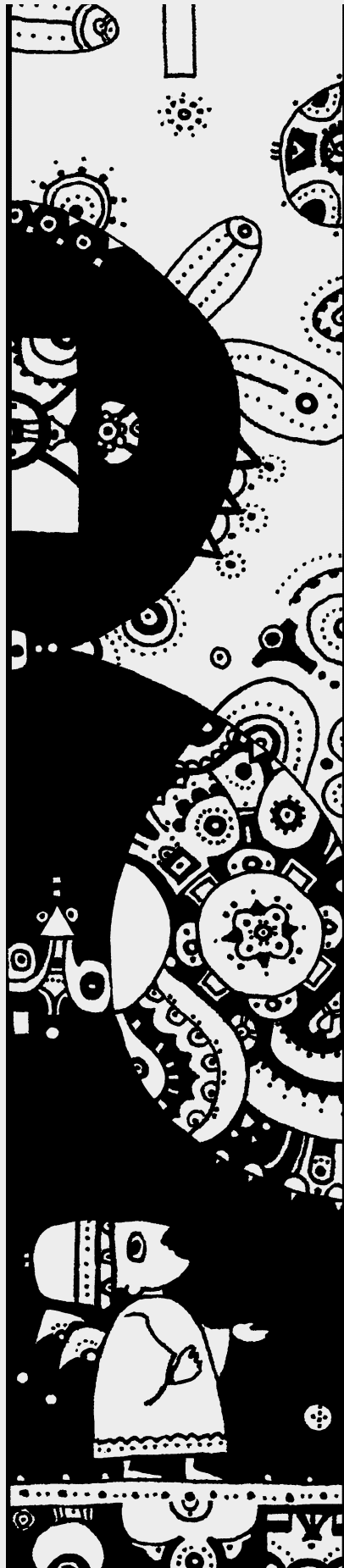
Кем эта ваза нежная была?
Вдыхателем! Печальна и светла.
А ручки вазы? Гибкою рукою
Она, как прежде, шею обвила.

Сосуд из глины влагой разволнуй:
Услышишь лепет губ, не только струй.
Чей это прах? Целую край — и вздрогнул:
Почудилось — мне отдан поцелуй.

Что алый мак? Кровь брызнула струей
Из ран султана, взятого землей.
А в гиацинте — из земли пробился
И вновь завился локон молодой.

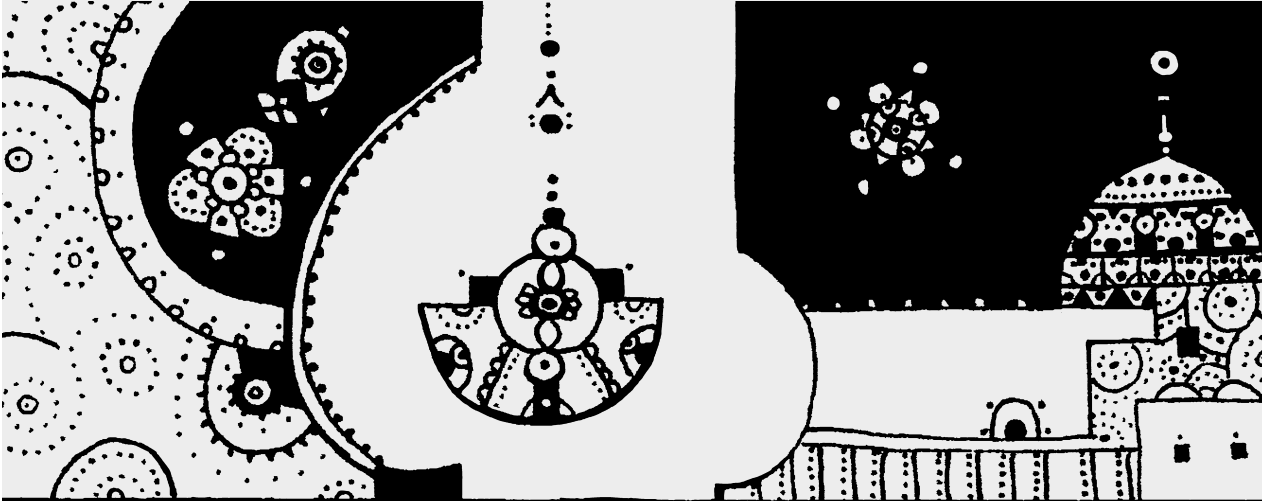
Над зеркалом ручья дрожит цветок;
В нем женский прах: знакомый стебелек.
Не мни тюльпанов зелени прибрежной:
И в них — румянец нежный и упрек...

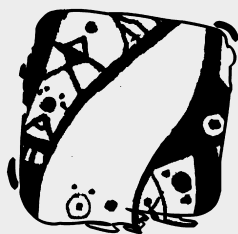
Сияли зори людям — и до нас!
Текли дугою звезды — и до нас!
В комочке праха сером, под ногою,
Ты раздавил сиявший юный глаз.

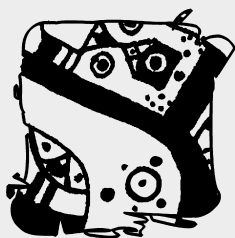
Светаёт. Гаснут поздние огни.
Зажглись надежды. Так всегда, все дни!
А свечереет — вновь зажгутся свечи,
И гаснут в сердце поздние огни.

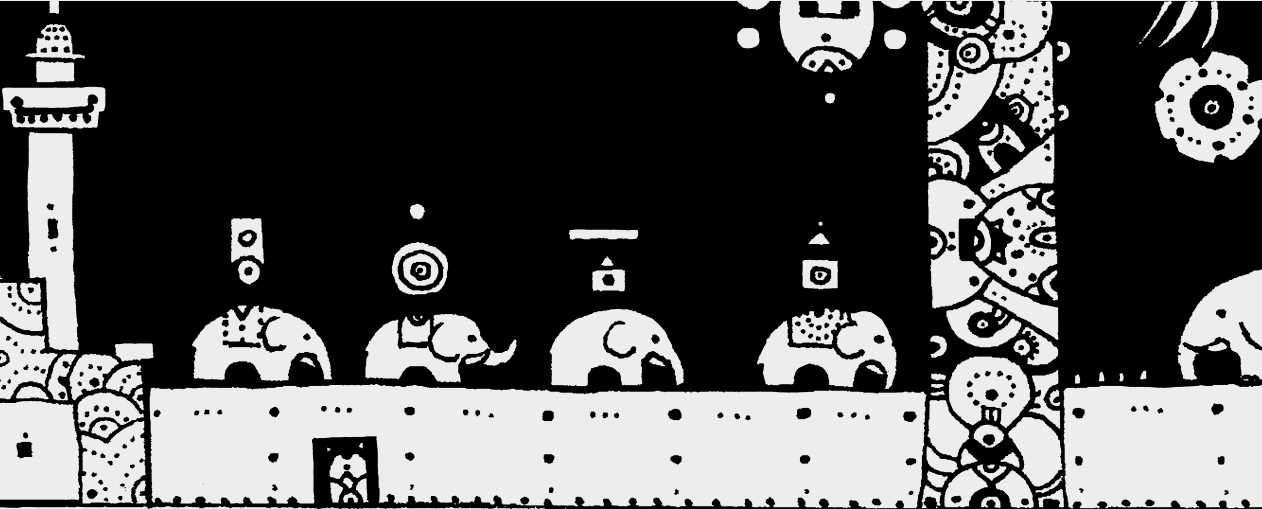
Таинственное чудо: «Ты во мне».
Оно во тьме дано, как светоч, мне.
Брожу за ним и вечно спотыкаюсь:
Само слепое наше «Ты во мне».

Вовлечь бы в тайный заговор Любовь!
Обнять весь мир, поднять к тебе Любовь,
Чтоб, с высоты упавший, мир разбился,
Чтоб из обломков лучшим встал он вновь!

Казнись, и душу Вечности готовь,
Давай зароки, отвергай любовь.
А там весна! Придет и вынет розы.
И покаянья плащ разорван вновь!

Сомнение, вера, пыл живых страстей —
Игра воздушных мыльных пузырей:
Тот радугой блеснул, а этот — серый...
И разлетятся все! Вот жизнь людей.

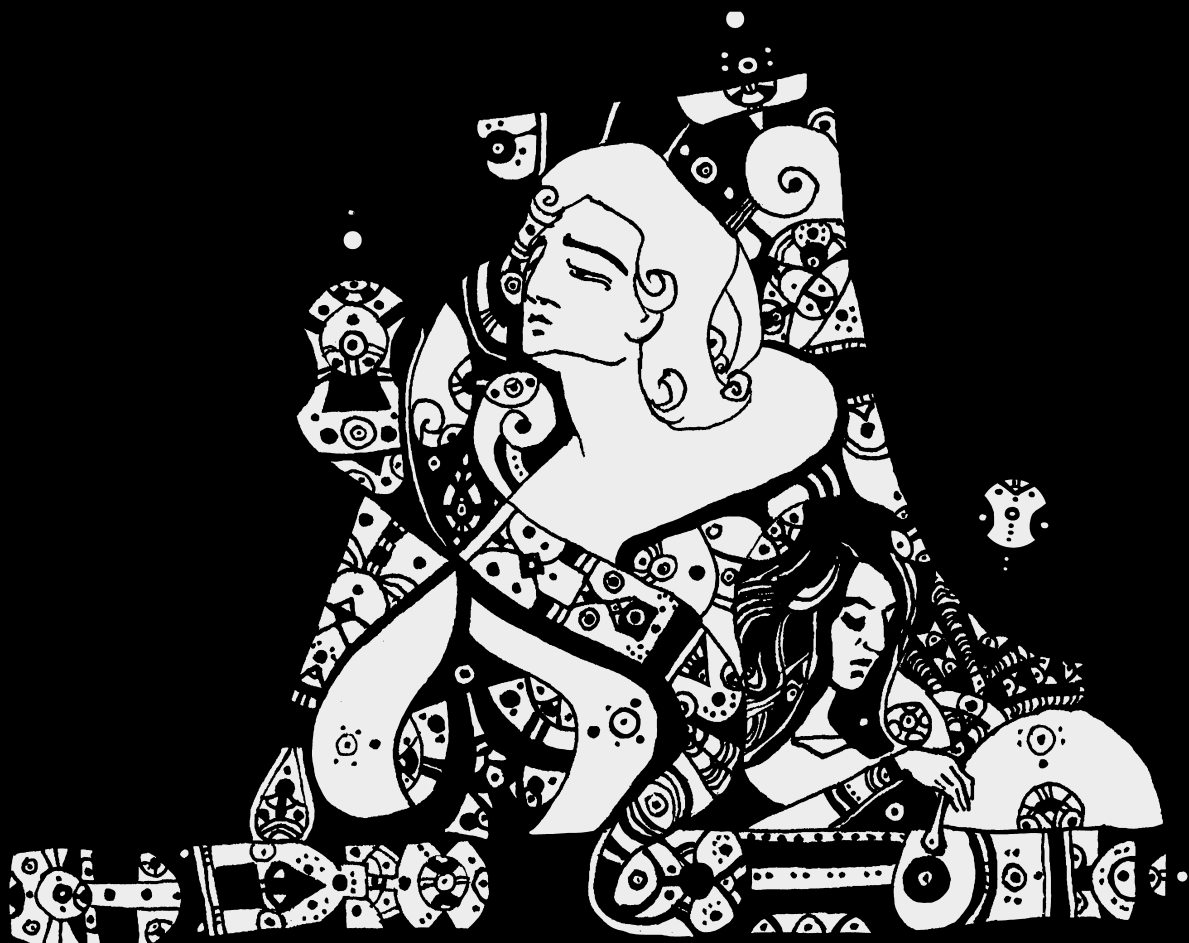

Как будто был к дверям подобран ключ.
Как будто был в тумане яркий луч.
Про «Я» и «Ты» звучало откровенье...
Мгновенье — мрак! И в бездну канул ключ!

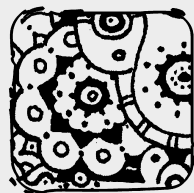

Наполнив жизнь соблазном ярких дней,
Наполнив душу пламенем страстей,
Бог отречения требует: вот чаша —
Она полна: нагни — и не пролей!

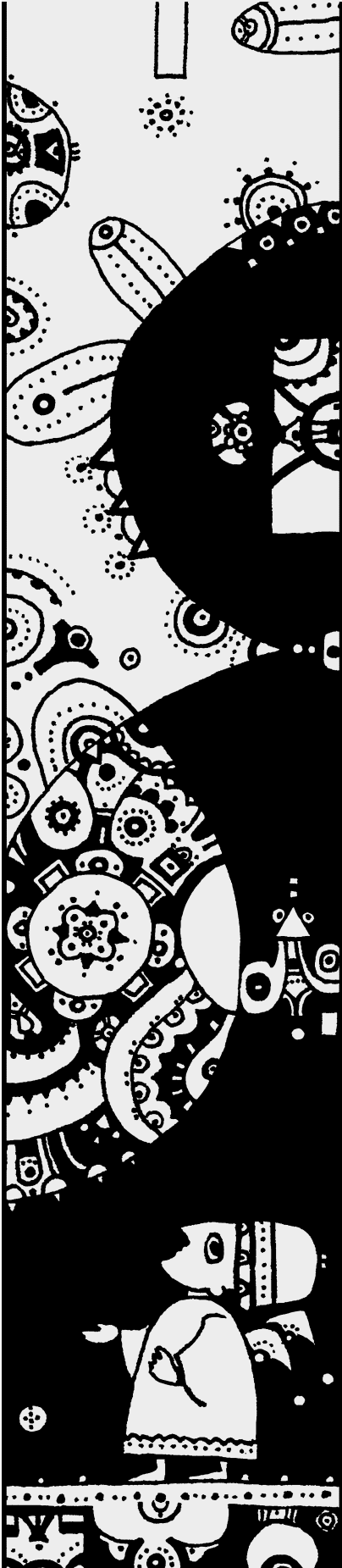
Ты наше сердце в грязный ком вложил.
Ты в рай змею коварную впустил.
И человеку — Ты же обвинитель?
Скорей проси, чтоб он Тебя простил!

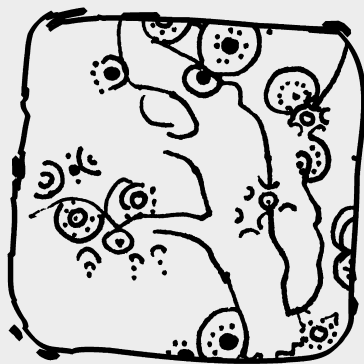
Все радости желанные — срывай!
Пошире кубок Счастью подставляй!
Твоих лишений Небо не оценит.
Так лейтесь, вина, песни, через край!

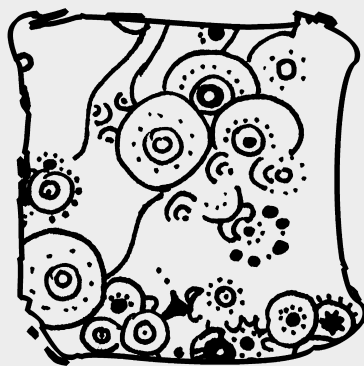
Будь вольнодумцем! Помни наш зарок:
«Святоша — узок, лицемер — жесток».
Звучит упрямо проповедь Хайяма:
«Разбойничай, но сердцем будь широк!»

Льнет к сонной розе ветер, шепчет ей:
«В огне фиалки, встань, затми скорей!»
Кто в этот час мудрец? Кто пьет на милой
Звнящий кубок! «Залпом,— и разбей!»

Окончен пост. Веселье, хохот, крик!
Там — с новой песней сказочник-старик,
А тут — вразнос вином торгуют, счастьем...
Купите хмеля! Золотите миг!

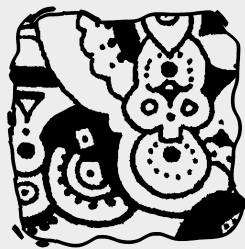
Душа вином легка! Неси ей дань:
Кувшин округло-звонкий. И чекань
С любовью кубок: чтобы в нем сияла
И отражалась золотая грань.

В вине я вижу алый дух огня
И блеск иголок. Чаша для меня
Хрустальная — живой осколок неба.
«А что же Ночь? А Ночь — ресницы Дня...»

Умей всегда быть в духе, больше пей,
Не верь убогой мудрости людей,
И говори: «Жизнь — бедная невеста!
Приданое — в веселости моей».

От алых губ — тянись к иной любви.
Христа, Венеру — всех на пир зови!
Вином любви смягчай неправды жизни.
И дни, как кисти ласковые, рви.

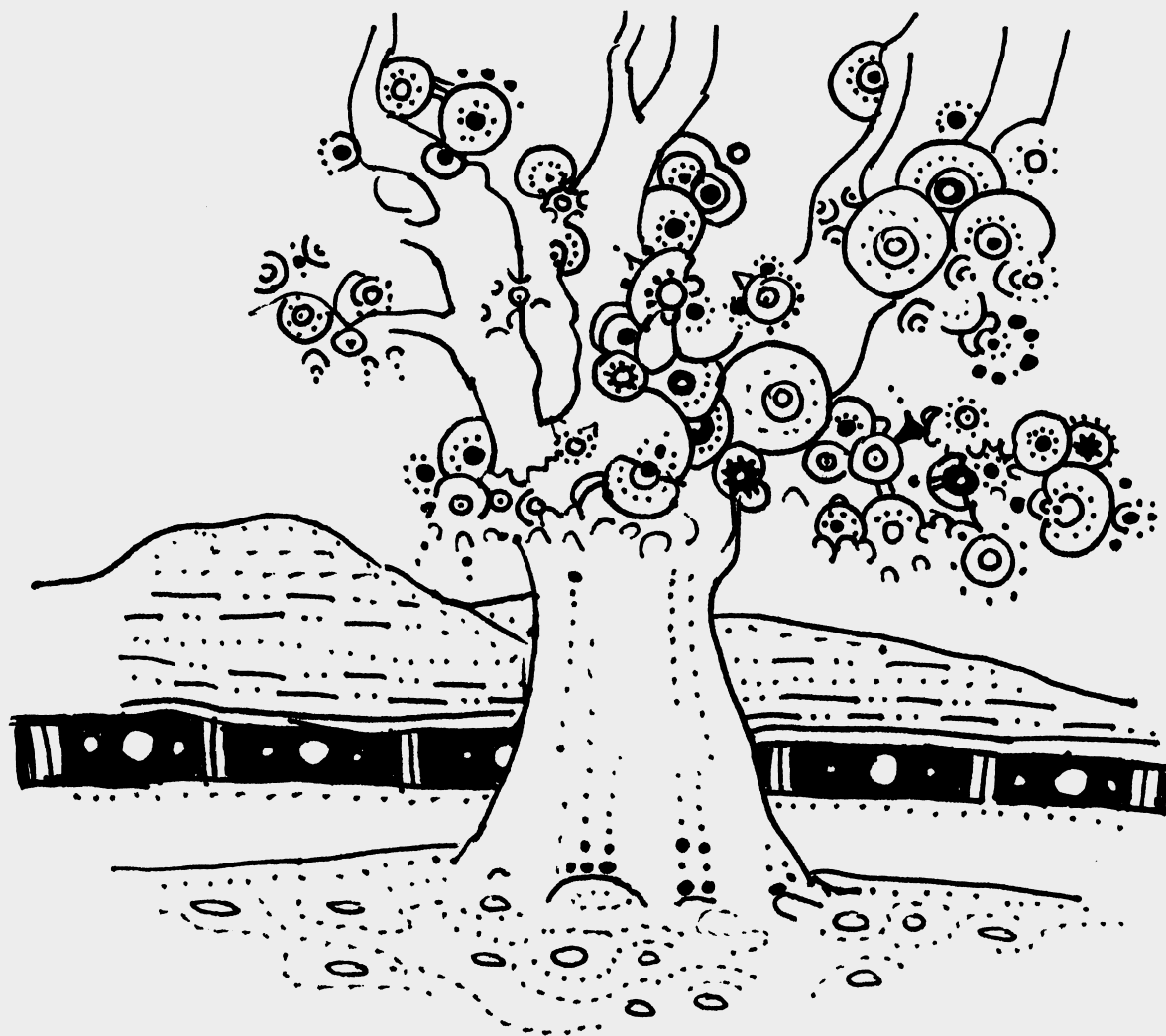

Да, виноградная лоза к пятам
Моим пристала, на смех дервишам.
Но из души моей, как из металла,
Куется ключ, быть может, — к небесам.

Прекрасно — зерен набросать полям!
Прекрасней — в душу солнце бросить нам!
И подчинить Добру людей свободных
Прекраснее, чем волю дать рабам.

Просило сердце: «Поучи хоть раз!»
Я начал с азбуки: «Запомни — “Аз”».
И слышу: «Хватит! Все в начальном слоге,
А дальше — беглый, вечный пересказ».

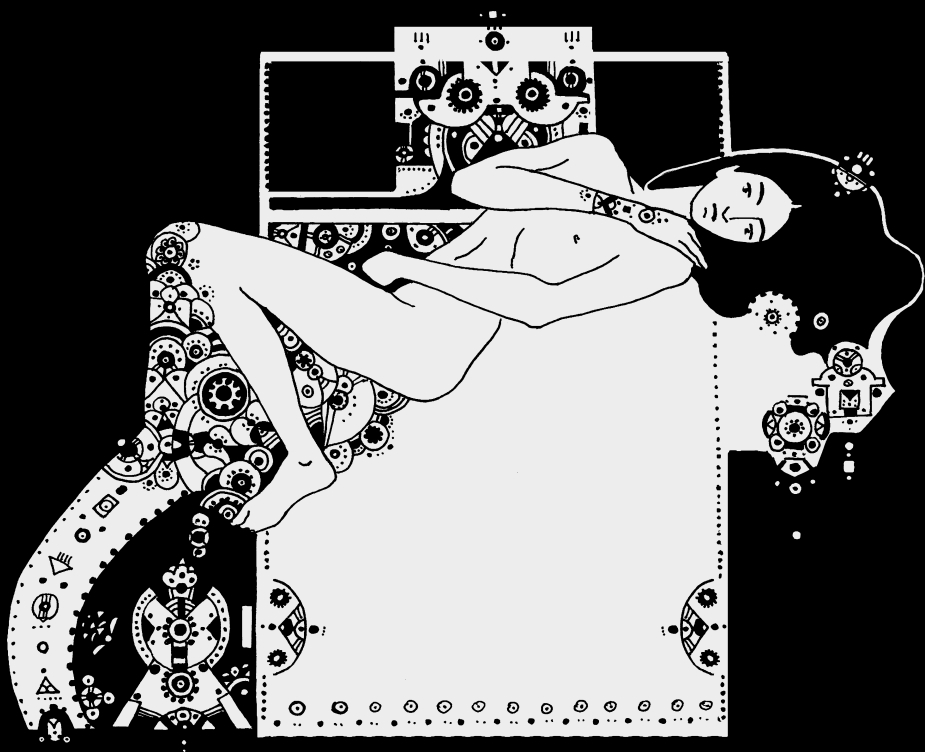

Ты плачешь? Полно. Кончится гроза.
Блеснет алмазом каждая слеза.
«Пусть Ночь потушит мир и солнце мира!»
Как?! Все тушить? И детские глаза?

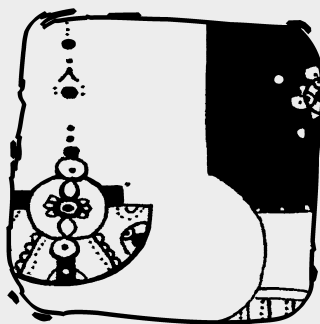

Подстреленная птица — грусть моя,
Запраталась, глухую боль тая.
Скорей вина! Певучих звуков флейты!
Огней, цветов,— шучу и весел я!

Не изменить, что нам готовят дни!
Не накликай тревоги, не темни
Лазурных дней сияющий остаток.
Твой краток миг! Блаженствуй и цени!

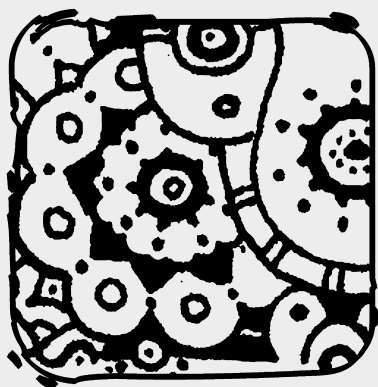

Рука упрямо чертит приговор.
 Начертан он? Конеч! И с этих пор
 Не сдвинут строчки и не смоют слова
 Все наши слезы, мудрость и укор.

Мяч брошенный не скажет: «Нет!» и «Да!»
 Игрок метнул,— стремглав лети туда!
 У нас не спросят: в мир возьмут и бросят.
 Решает Небо — каждого куда.

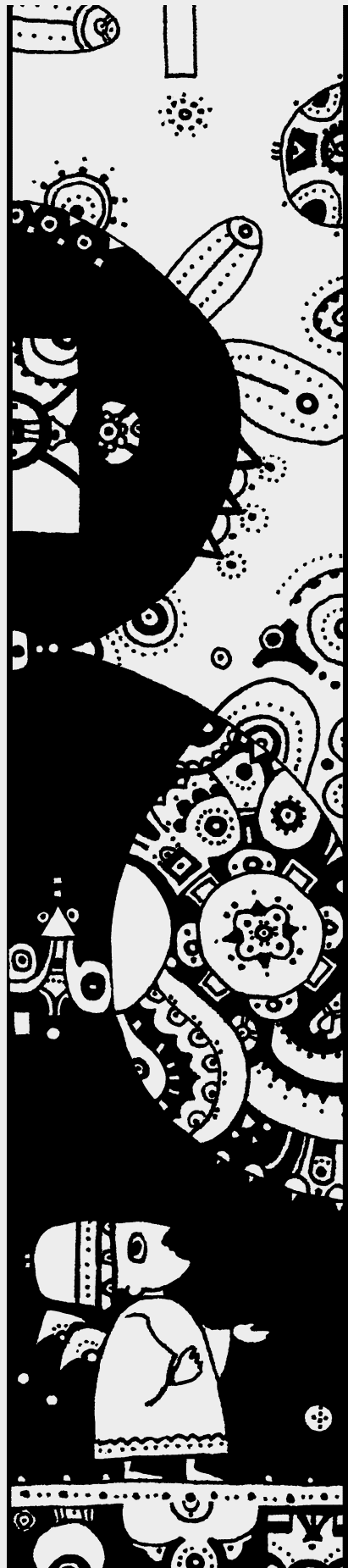
Поймал, накрыл нас миской небосклон.
 Напуган мудрый. Счастлив, кто влюблен.
 Льнет к милой жизни! К ней прильнул устами:
 Кувшин над чашей — так над нею он!

Кому легко? Неопытным сердцам.
 И на словах — глубоким мудрецам.
 А я глядел в глаза жестоким тайнам
 И в тень ушел, завидуя слепцам.

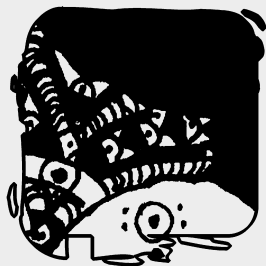

Храни, как тайну. Говори не всем:
 Был рай, был блеск, не тронутый ничем.
 А для Адама сразу неприятность:
 Вогнали в грусть и выгнали совсем!

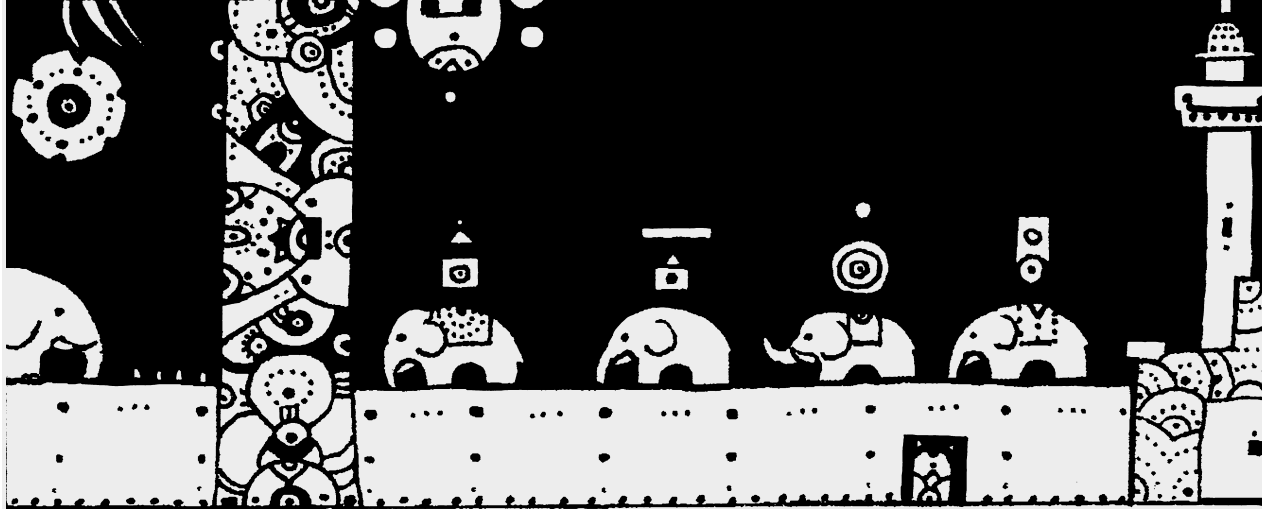
В полях — межа. Ручей, Весна кругом.
И девушка идет ко мне с вином,
Прекрасен Миг! А стань о вечном думать —
И кончено: поджал ты хвост шенком!

Вселенная? — взор мимолетный мой!
Озера слез? — все от нее одной!
Что ад? — Ожог моей душевной муки.
И рай — лишь отблеск радости земной!

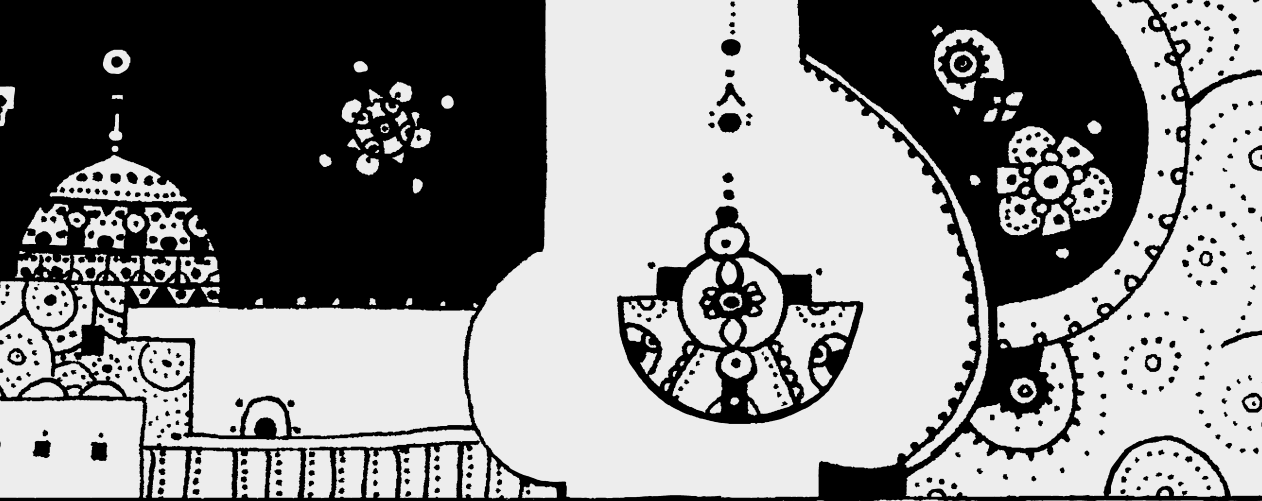
На самый край засеянных полей!
Туда, где в ветре тишина степей!
Там, перед троном золотой пустыни,
Рабам, султану — всем дышать вольней!

О, если бы в пустыне просиял
Живой родник и влагой засверкал!
Как смятая трава, приподнимаясь,
Упавший путник ожил бы, привстал.

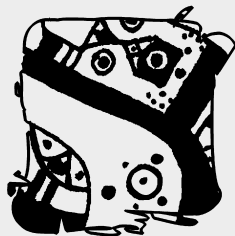
Где цвет деревьев? Блеск весенних роз?
Дней семицветный кубок кто унес?..
Но у воды, в садах, еще есть зелень...
Прожгли рубины одеянья лоз...

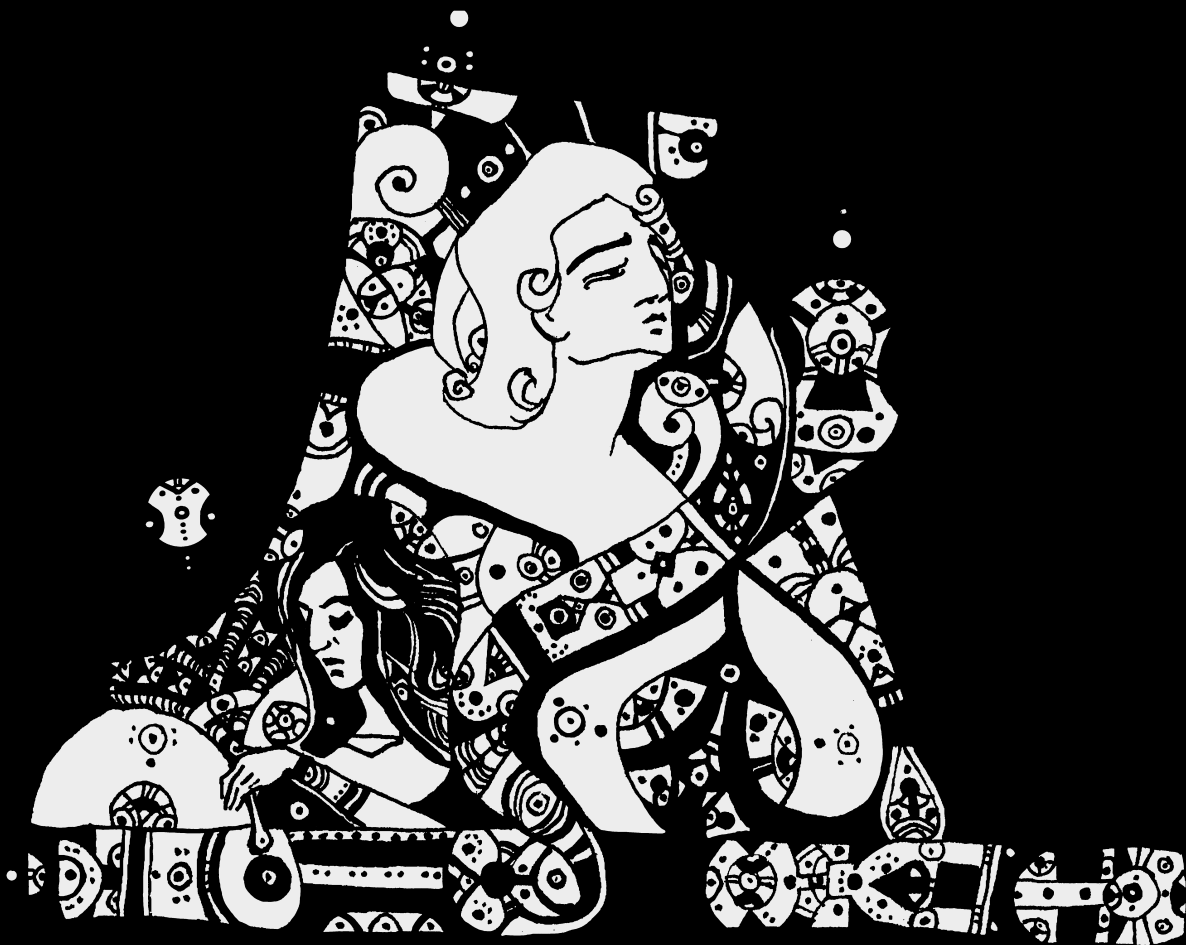
Каких я только губ не целовал!
Каких я только радостей не знал!
И все ушло... Какой-то сон бесплотный
Все то, что я так жадно осязал!

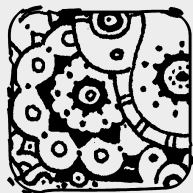
Кому он нужен, твой унылый вздох?
Нельзя, чтоб пир растерянно заглох!
Обещан рай тебе? Так здесь устройся,
А то расчет на будущее плох!

Не евши яблок с дерева в раю,
Слепой шенок забился в шель свою.
А съевшим видно: первый день творенья
Завел в веках пустую толчею.

«Не в золоте сокровище,— в уме!»
Не бедный жалок в жизненной тюрьме!
Взгляни: поникли головы фиалок,
И розы блекнут в пышной бахrome.

Нас вразумить? Да легче море сжечь!
Везде, где счастье,— трещина и течь!
Кувшин наполнен? Тронешь — и прольется.
Бери пустой! Спокойнее беречь.

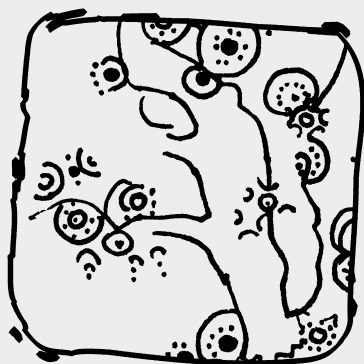
Земная жизнь — на миг звенящий стон.
Где прах героев? Ветром разметен,
Клубится пылью розовой на солнце...
Земная жизнь — в лучах плывущий сон.

Расшил Хайям для Мудрости шатер,—
И брошен Смертью в огненный костер.
Шатер Хайяма Ангелом порублен.
На песни продан золотой узор.

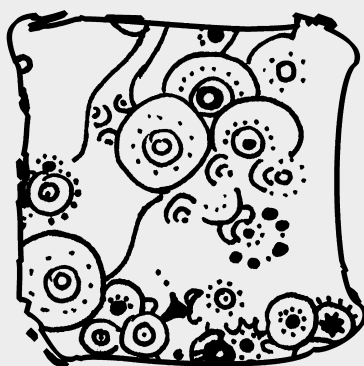

Огней не нужно, слуги! Сколько тел!
Переплелись... А лица — точно мел.
В неясной тьме... А там, где Тьма навеки?
Огней не нужно: праздник отшумел!

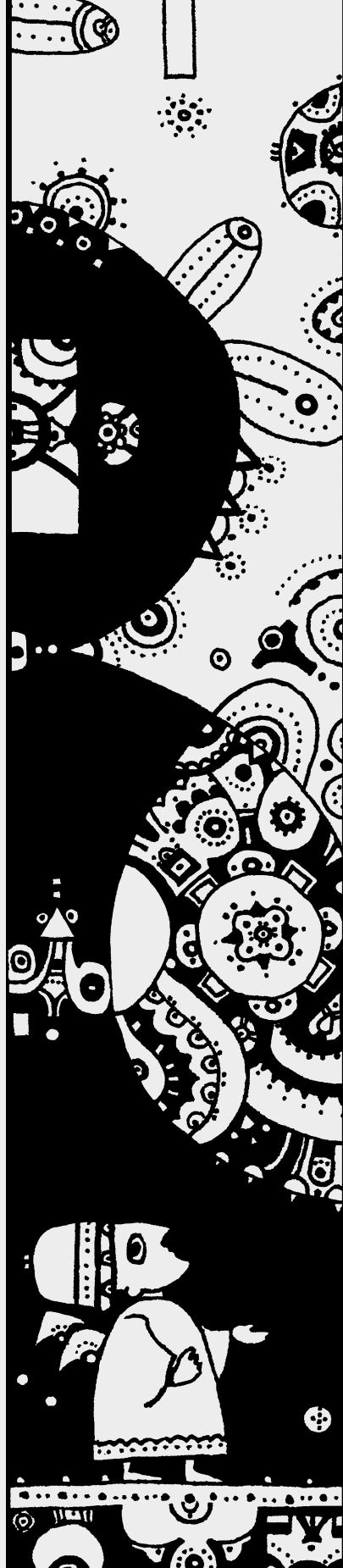
Конь белый Дня, конь Ночи вороной,
Летят сквозь мир в дворец мечты земной:
Все грезили его недолгим блеском!
И все очнулись перед нишей Тьмой!

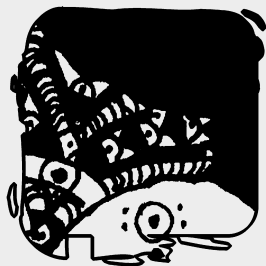

Не смерть страшна. Страшна бывает жизнь,
Случайная, навязанная жизнь...
В потемках мне подсунули пустую.
И без борьбы отдам я эту жизнь.

Познай все тайны мудрости! — А там?..
Устрой весь мир по-своему! — А там?..
Живи беспечно до ста лет счастливец...
Протянешь чудом до двухсот!.. — А там?..

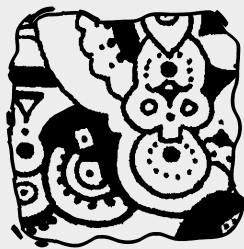
Земля молчит. Пустынные моря
Вздыхают, дрожью алою горя.
И круглое не отвечает небо,
Все те же дни и звезды нам даря.

О чем ты вспомнил? О делах веков?
Истертый прах! Заглохший лепет слов!
Поставь-ка чашу — и вдвоем напьемся
Под тишину забывчивых миров!

Дождем весенним освежен тюльпан.
А ты к вину протягивай стакан.
Любуйся: в брызгах молодая зелень!
Умрешь — и новый вырастет тюльпан!

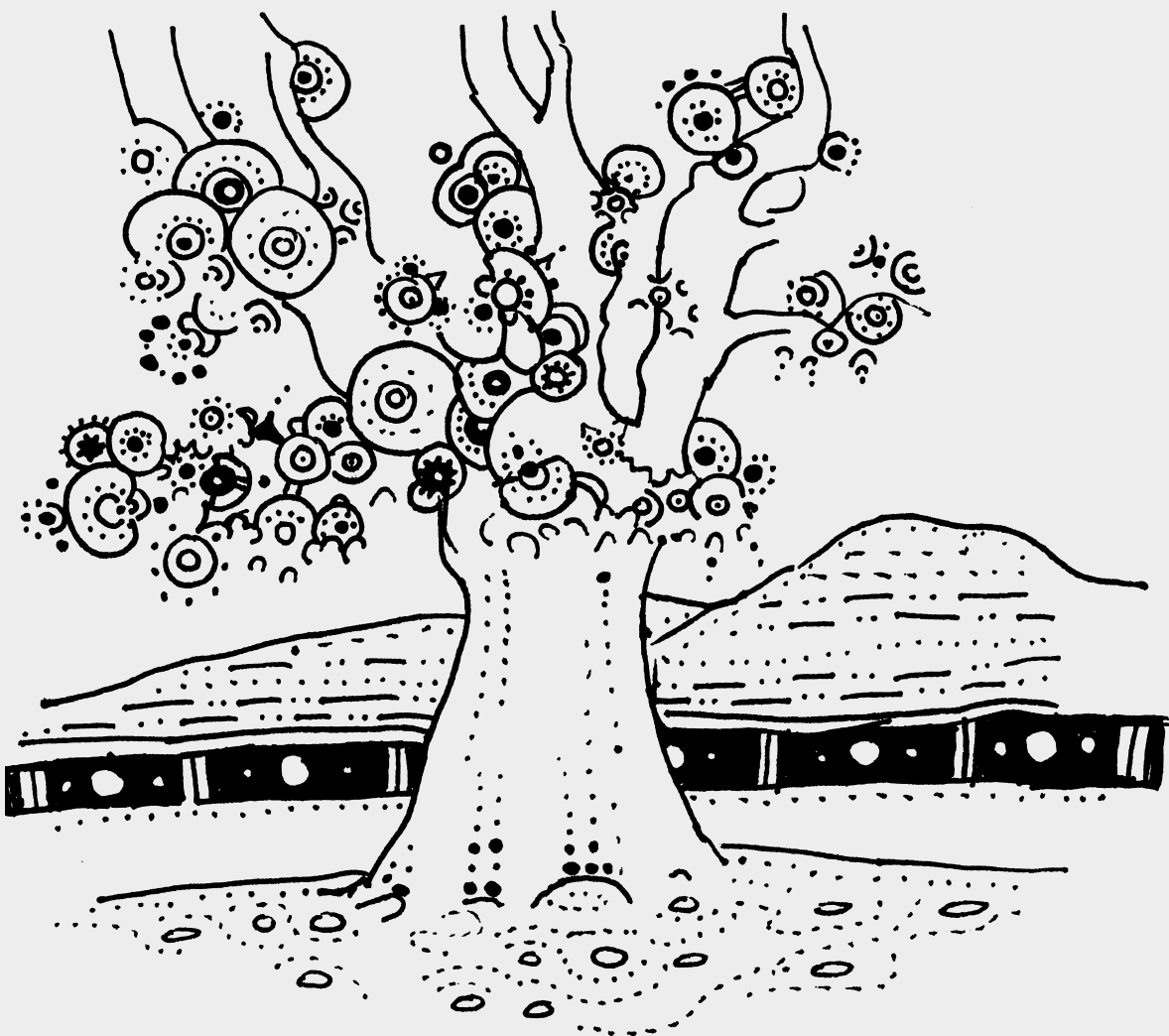
Жизнь отвечает, горестно легка...
Осыплется от первого толчка...
Пей! Хмурый плащ — Луной разорван в небе...
Пей! После нас — Луне сиять века...

Вино — как солнца яркая стрела:
Пронзенная, зашевелится мгла,
Обрушен горя снег обледенелый!
И даль в обвалах огненно светла!

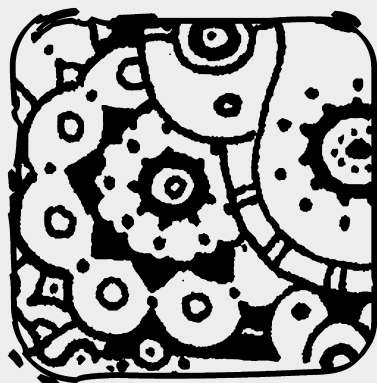
Ночь на земле. Ковер земли и сон.
Ночь под землей. Навес земли и сон.
Мелькнули тени, где-то зароились —
И скрылись вновь. Пустыня... тайна... сон.

Жизнь расточай! За нею — полный мрак,
Где ни вина, ни женщин, ни гуляк...
Знай (но другим разбалтывать не стоит!) —
Осыпался и кончен красный мак!

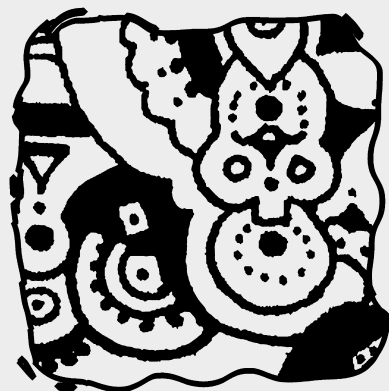

Предстанет Ангел там, где пел ручей,
Безмолвный Ангел с чашей. Будет в ней
Напиток смерти темный. И приблизит
Ее к губам. И ты без страха пей!

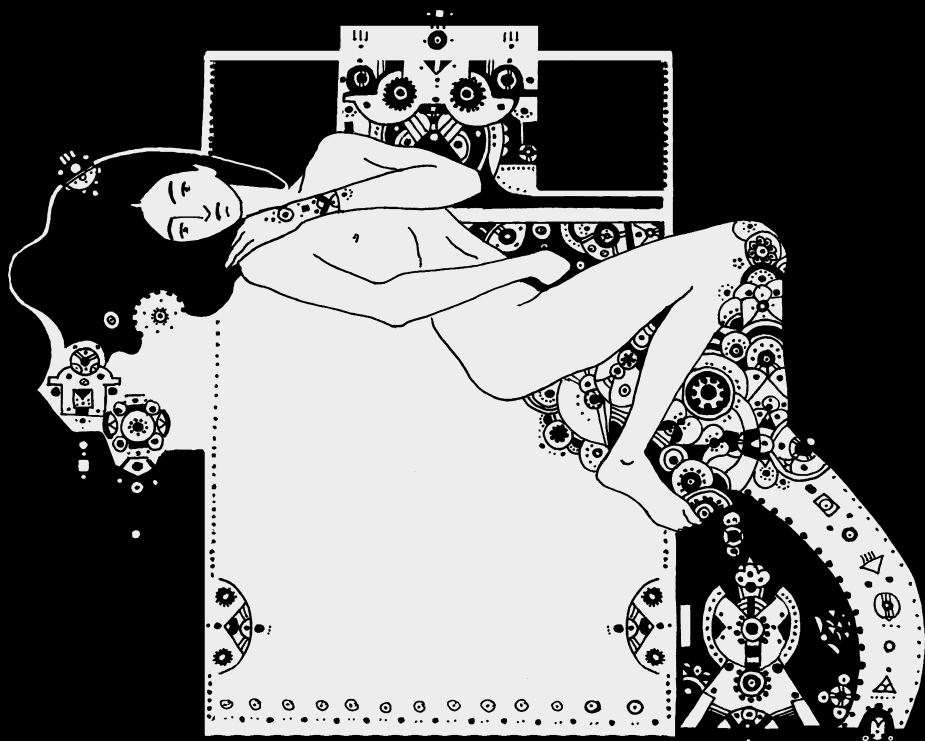
Кто розу нежную любви привил
К порезам сердца,— не напрасно жил!
И тот, кто сердцем чутко слушал Бога,
И тот, кто хмель земной улады пил!

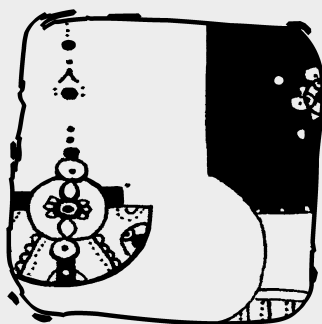
Дал Нишапур нам жизнь иль Вавилон,
Льет кубок сладость или горек он? —
По капле пей немую влагу Жизни!
И жизнь по капле высохнет, как сон.

Как месяц, звезды радуя кругом,
Гостей обходит кравчий за столом.
Нет среди них меня! И на мгновенье
Пустую чашу опрокинь вверх дном.

О, если бы крылатый Ангел мог,
Пока не поздно, не исполнен срок,
Жестокий свиток вырвать, переправить
Иль зачеркнуть угрозу веших строк!

О, если бы покой был на земле!
О, если бы покой найти в земле!
Нет! — оживешь весеннею травой
И будешь вновь растоптан на земле.

В зерне — вся жатва. Гордый поздний брат
Из древнего комочка глины взят.
И то, что в жизнь вписало Утро мира,—
Прочтет последний солнечный Закат.

«А вот,— вставляет кто-то,— говорят,
Что будет смотр: и кто испорчен — в Ад
Швырнут, и — вдребезги! Не верю! Сплетни!
Наш Добрый Друг устроит все на лад...»

Непроданный, забытый на краю:
«Совсем иссох — так долго здесь стою!
Но если б мне, бедняге, дали влаги —
Воспряну в миг! Весь мир я напою!»

От веры к бунту — легкий миг один.
От правды к тайне — легкий миг один.
Испей полнее молодость и радость!
Дыханье жизни — легкий миг один.

«Вино пить — грех». Подумай, не спеши!
Сам против жизни явно не гречи.
В ад посылать из-за вина и женщин?
Тогда в раю, наверно, ни души.

Вино и губки милой... Да, это истощит
И звонкие монеты, и Вышнего кредит.
Но не пугай, не страшно. Скажи, ты сам видал
Тот рай, что так влечет нас, тот ад, что нам грозит?

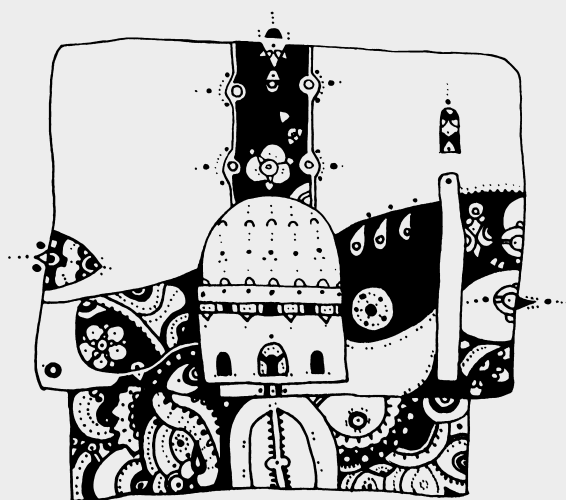
Пей! И в огонь весенней кутерьмы
Бросай дырявый, темный плащ зимы.
Недлинен путь земной. А время — птица.
У птицы — крылья. Ты — у края тьмы.

Вино не только друг, вино — мудрец.
С ним разнотолкам, ересям конец.
Вино — алхимик: превращает разом
В пыль золотую жизненный свинец.

Живи, безумец. Трать, пока богат.
Ведь ты же сам — не драгоценный клад.
И не мечтай, не сговорятся вору
Тебя из гроба вытащить назад.

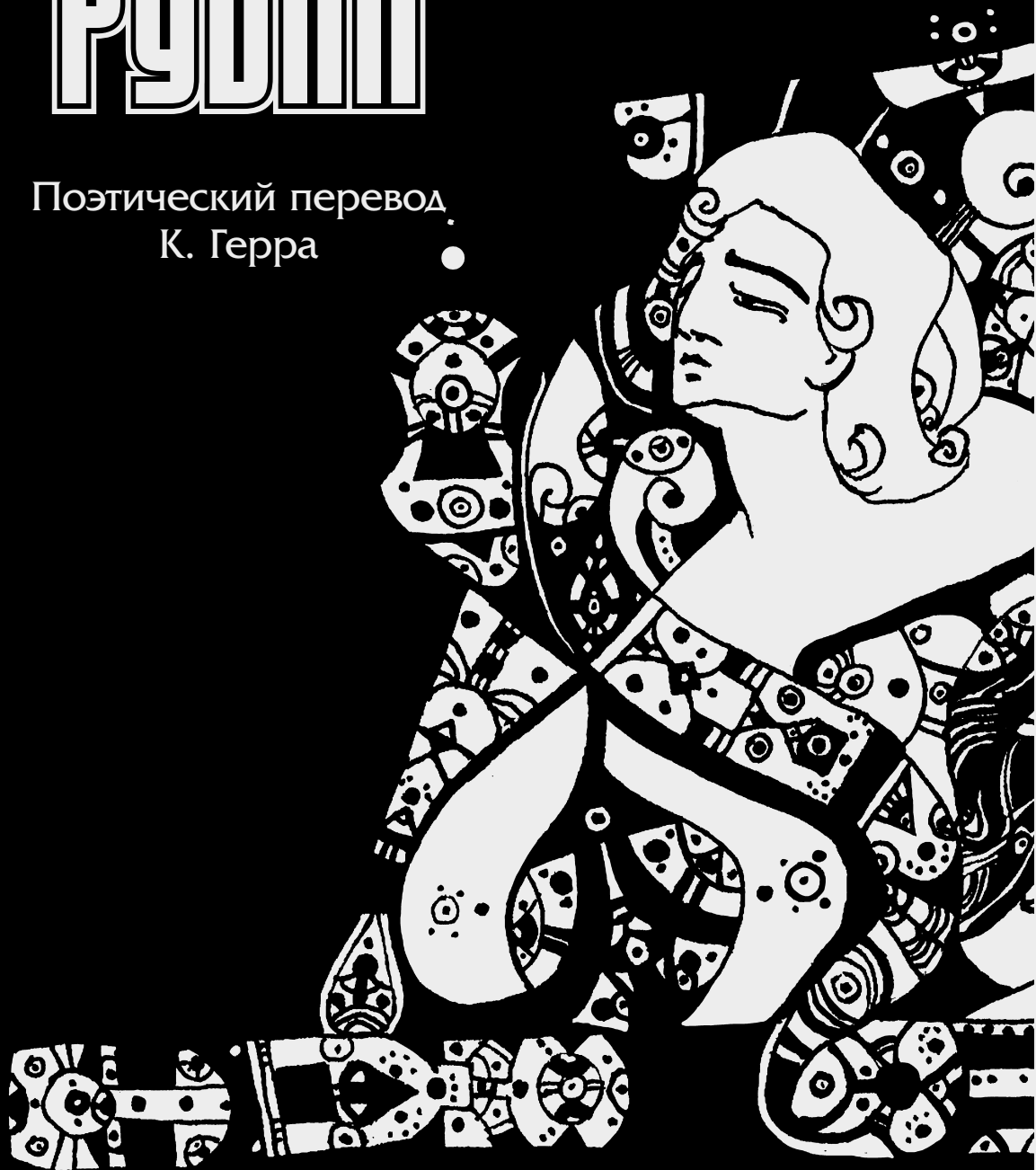
Хоть превзойди наставников умом,
Останешься блаженным простаком.
Наш ум, как воду, льют во все кувшины.
Его, как дым, гоняют ветерком.

Что там, за ветхой занавеской Тьмы?
В гаданиях запутались умы.
Когда же с треском лопнет занавеска,
Увидим все, как ошибались мы.

Омар Хайям РУБАИ

Поэтический перевод
К. Герра

Омар ХАЙЯМ

РУБАИ

Поэтический перевод
К. Герра

Увы! Мое сердце не знает лекарства,
Уходит душа, расстается со мной...
Куда ты уходишь? В какое ты царство
Помчишься из тела за новой судьбой?
Стремясь к любви, провожала ты годы,
Прошедшее стало тебе пустотой...
Ни в царстве духовном, ни в царстве природы
Нет смысла, нет жизни, желанной тобой.

Аллах! Ханже ль тебя доступно понимать?
Он чужд, он, как пришлец, желает видеть ясно
Лишь то, что для случайных глаз прекрасно, —
Ему ль в глубокий смысл могущества вникать?..
Он, движимый к тебе припадками боязни,
У ног твоих спешит в сомненье пресмыкаться;
Желая избегать своей достойной казни,
Готов от всех творений отказаться!..
Противны мне твои моельцы! Их ли вера
Достойна лучшего удела и примера?..
Единая их мысль — избежать наказания,
Которое ты дашь в пределах мрачных ада,
Для них важна твоя загробная награда,
Но здесь тебя ценить в них вовсе нет желанья!..
Ах, повторяй свои жестокие заветы
Кому-нибудь — не мне, кто знает так тебя,
Кто видит все твои высокие приметы, —
Ты можешь ли людей наказывать любя?!.

Нет, в эту жизнь мы войти опоздали —
Мир уж до нас в искушеньях погиб.
Как бы мы жизнь исправлять ни желали,
Поздно, напрасно! Так крепко привит
К духу, уму первородный наш грех,
Корни пустил, прободал все живое —
Мысли, и чувства, и слезы. и смех...

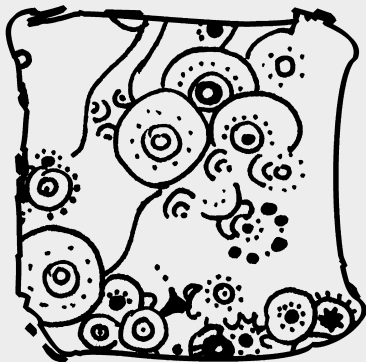

Стало смешным нам и скучным святое,
Стал непонятен нам истинный бог,
Мира исправить и он бы не смог.
Что же? Не лучше ли кончить мученье,
Глупые игры с своим божеством,
Вечно его надувать ханжеством
И быть надутым судьбой в заключение.

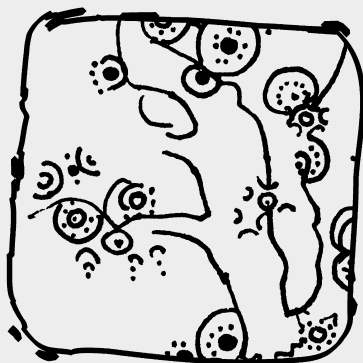

Зачем, творец мой, ты меня заставил
От первых дней себя распознавать?
И творческую мощь ты сам же обесславил,
Уделом начертав мне слово «умирать»?!

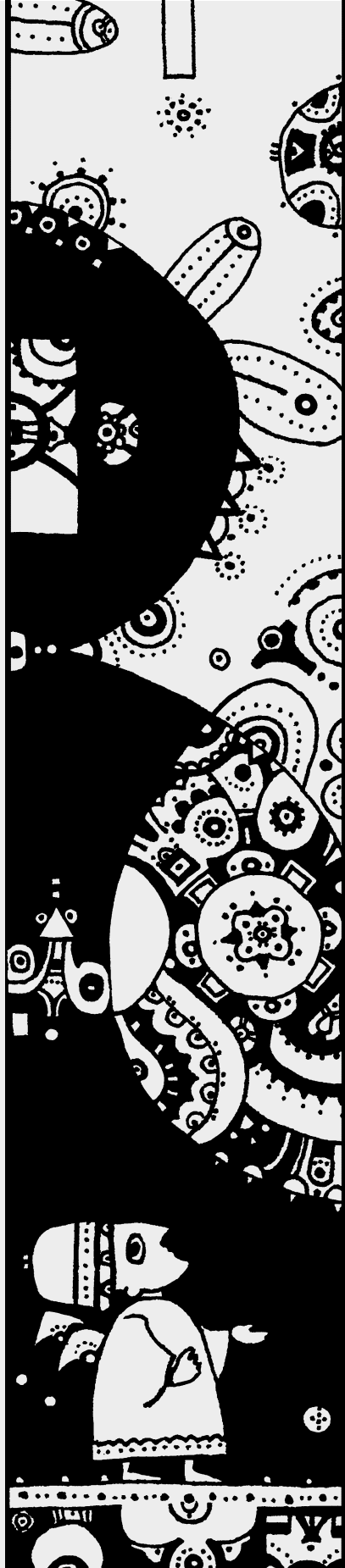
Какая цель? В чем смысл того познания
И для чего оно, когда не в силах я
Воспользоваться им для целей бытия,
Раз осужден тобой на вечное изгнание?

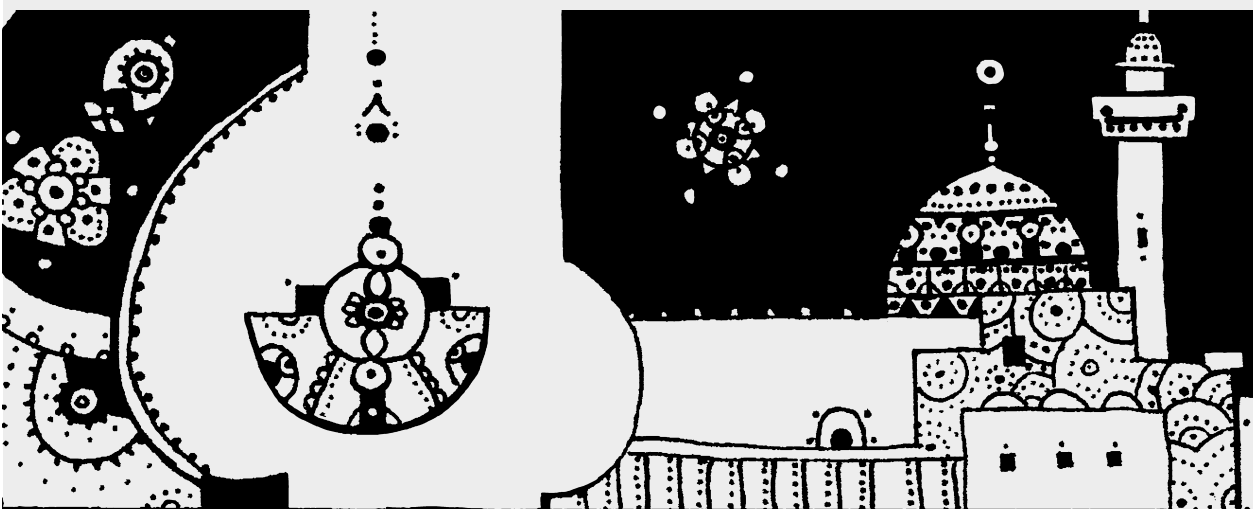
Увы! Кончаются молодые наши лета,
И юности весна назавтра отцветет,
И радостная песнь закончена и спета,
И завтра навсегда в устах моих замрет.
А я так и не знаю откуда и куда,
Как птичка, юность та сама ко мне явилась,
Понять не в силах я, как наконец случилось,
Что птичку эту вновь не встречу никогда.

Отдайся радости! Мученья будут вечны!
Сменяться будут дни: день — ночь, день — снова ночь;
Часы земные все малы и скоротечны,
И скоро ты уйдешь от нас отсюда прочь.

Смешаешься с землей, с комками липкой глины,
И кирпичи тобой замажут у печей,
И выстроят дворец, для низменной скотины,
И на закладке той наскажут ряд речей.
А дух твой, может быть, былую оболочку
Назад, к себе опять, напрасно будет звать!
Так пой же, веселись, пока дают отсрочку
И смерть еще тебя не вышла навещать.

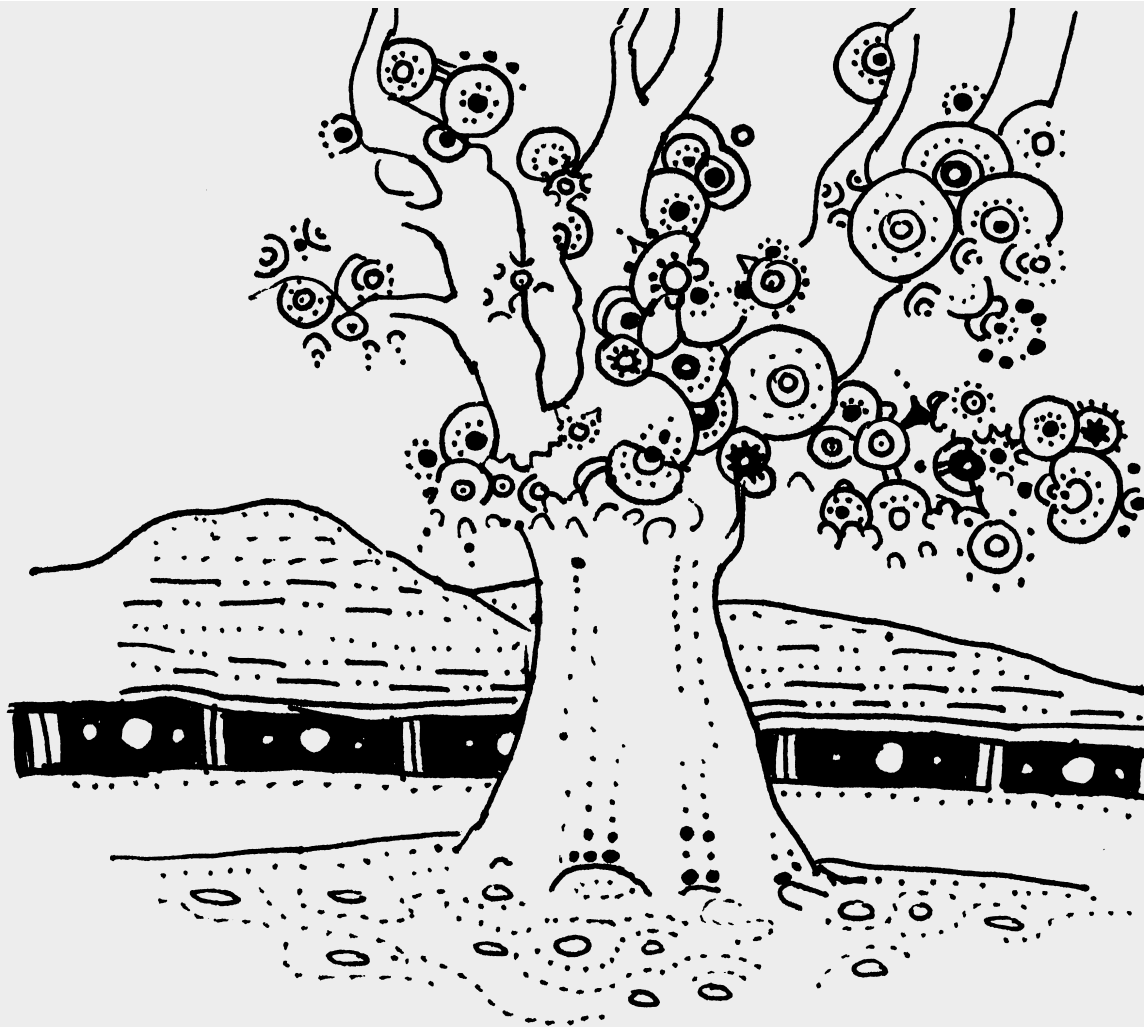
Омар Хайям
РУБАИ

Поэтический
перевод
Ф. Корш

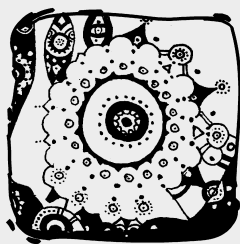
Омар ХАЙЯМ

РУБАИ

Поэтический перевод
Ф. Корш

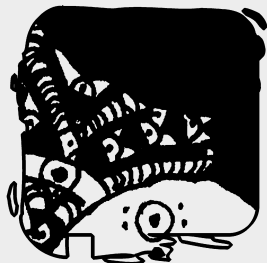

К познанию божества прямым путем идущий
Чуждается себя и в боге весь живет.
Себя не признавай! Верь: бог един есть суший!
«Божествен только бог» к тому же нас зовет.

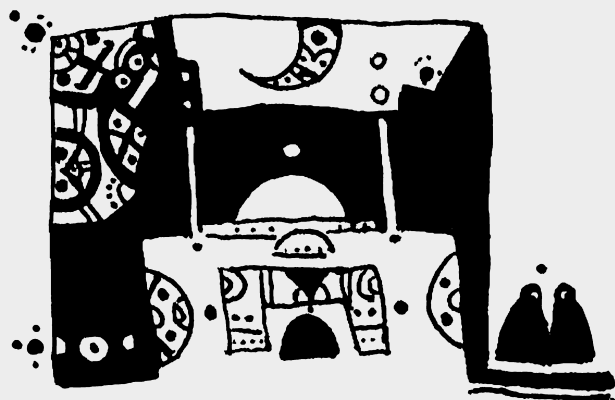

Бди ночью: в ночь для тайн любовники все в сборе
Вкруг дома, где их друг, носясь, как рой теней.
Все двери в те часы бывают на запоре,
Лишь друга дверь одна открыта для гостей.

Твой дух почуяла душа в струе зефира
И, кинув здесь меня, сама по дебрям мира
Пошла тебя искать; а тело в стороне.
Твой дух она себе усвоила вполне.

Зачем томишь ты ум в кругу исканий строгим
И плачешь о тщете излюбленной мечты?
Ведь ты от головы до ног проникнут богом,
Неведомый себе, чего же ищешь ты?

Омар Хайям РУБАИ

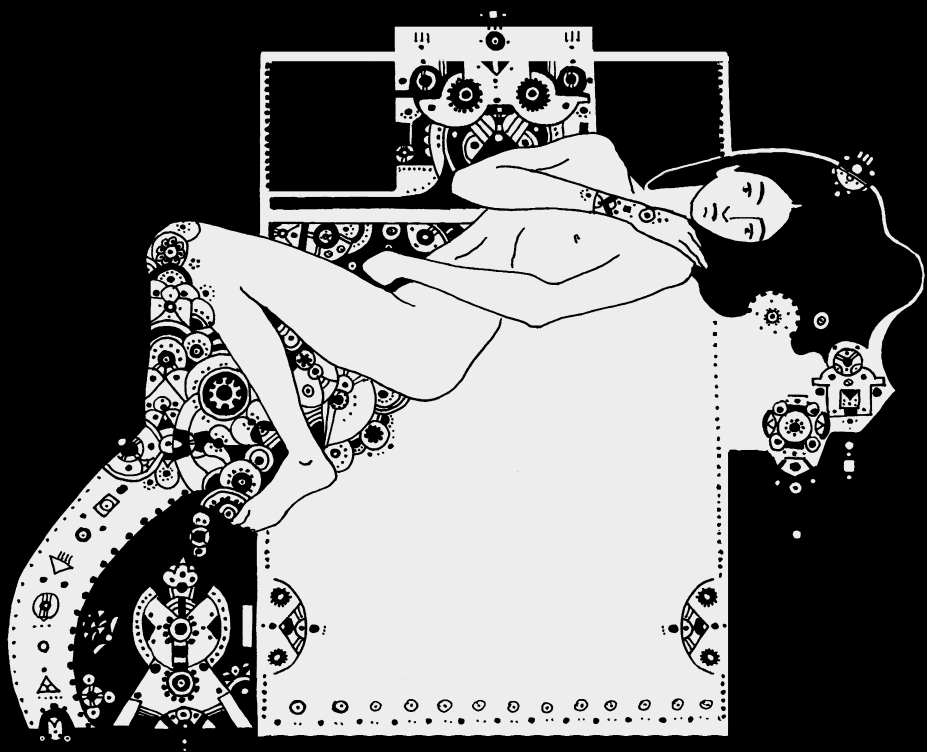
Поэтический перевод
В. Мазуркевича

Омар ХАЙАМ

РУБАИ

Поэтический перевод
В. Мазуркевича

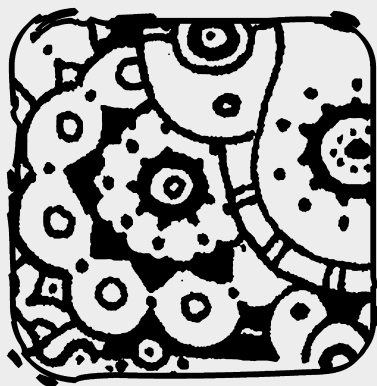

Кораном в пятницу вино
 Нам строго пить запрещено.
 Но пусть отвержен будет тот,
 Кто эту заповедь блюдет.
 Спокойно чару пей свою, —
 Мы служим богу, а не дню.

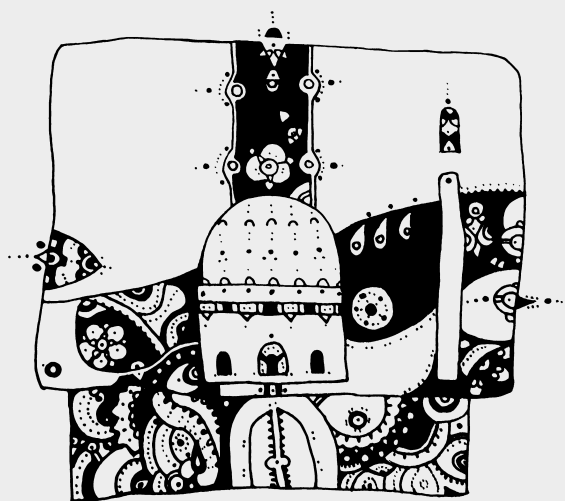

К чему грустить нам о грехах?
 Грехи отпустит нам Аллах.
 Напрасна грусть твоя, Хайям:
 Ведь милость и нужна лишь там,
 Где есть грехи; кто ж свят, тому
 И так прошение ни к чему.

Влюбленный! В горестях любви
На помощь Небо не зови!
Оно, поверь моим словам,
В любви бессильней, чем ты сам.

Ты благ, Аллах наш, но зачем
Не вводишь грешников в Эдем?
В чем видим благость мы Твою? —
В том, что безгрешные в раю.
Тут справедливость лишь видна,
Но милость, милость — где ж она?

Омар Хайям

РУБАИ

Поэтический
перевод
П. Порфирова

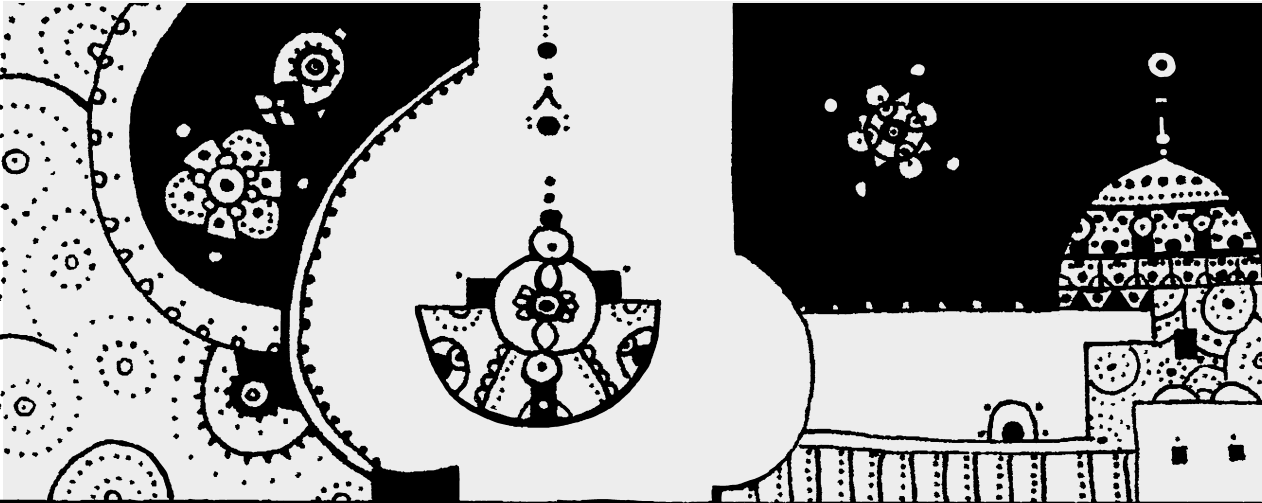
Омар ХАЙЯМ

РУБАИ

Поэтический перевод
П. Порфирова

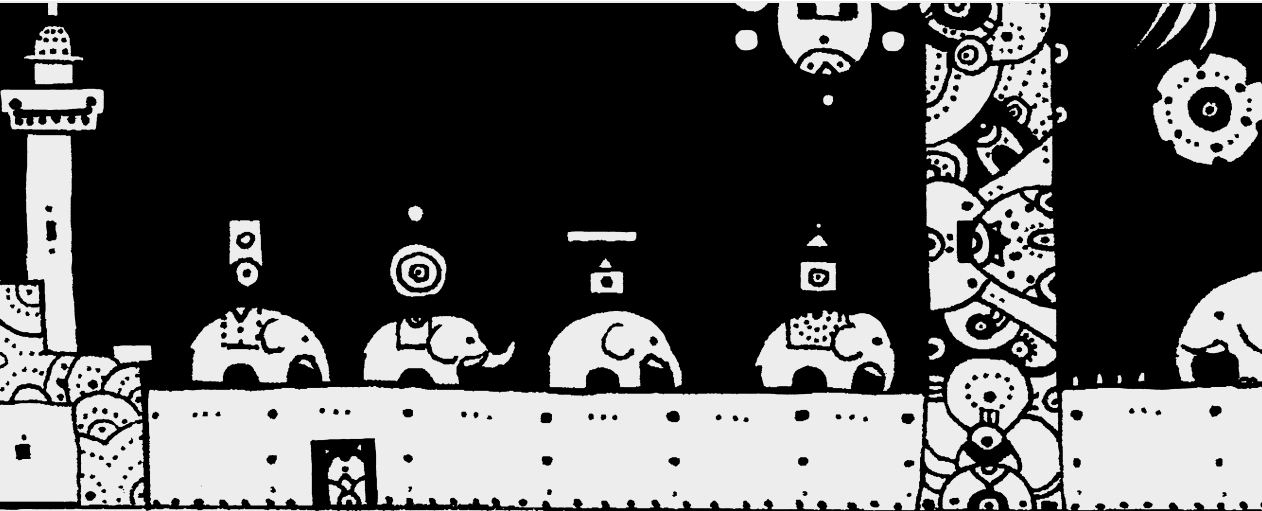
Где прежде замок высился надменно
До самых облаков,
Куда в чертоги шли цари смиренно
С покорностью рабов,
Я видел: горлица нахохлившись сидела
И, нарушая сон,
Кричала, словно вымолвить хотела:
Где он? Где он?

В пышном зданьи жизни бренной
Пей вино, пока живешь.
Для того, мудрец смиренный,
Чтобы, если ты умрешь,
Пыль разрушенного тела
При дыханье ветерка
В упоеньи долетела
До порога кабака.

Моя любовь к тебе достигла совершенства,
И как прекрасна ты, владычица моя!
Как сердце полно слов! Но в трепете блаженства
Язык мой бедный нем. Не странно ль, о друзья,
Томлюсь я жаждою, безмолвный и печальный,
А предо мной река шумит волной кристальной.

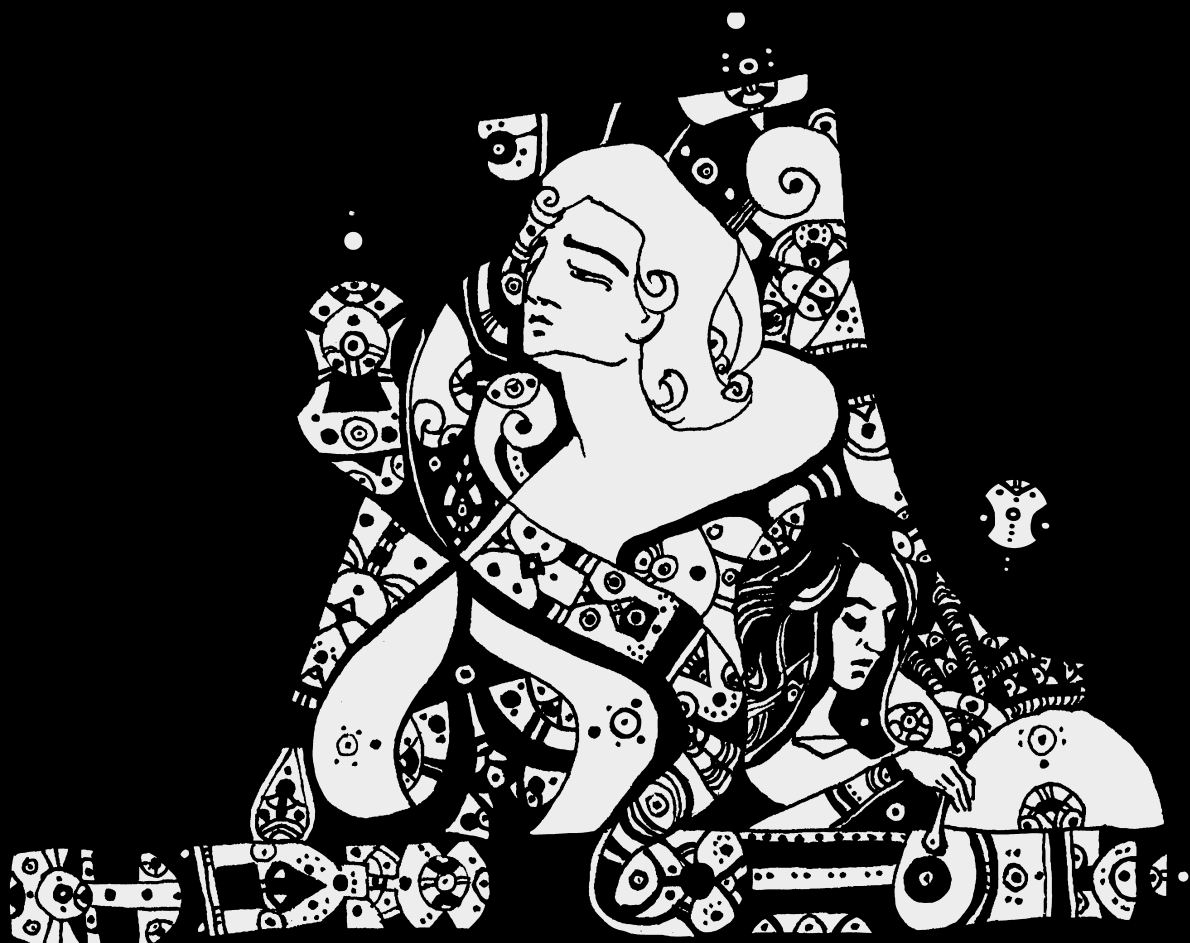
О, Боже, смилуйся над сердцем, что в плену,
Над грудью смилуйся, что терпит муки ада.
Прости моим ногам, что к кабаку спешат,
Прости моим рукам, что тянутся к вину.

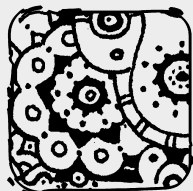
Пью разноцветное вино
И слышу я то здесь, то там:
«Не пей вина, не пей, Хайям,
Ведь враг религии оно!»
О, если так, я вам клянусь,
О, если веры враг вино,—
Я кровью вражеской упьюсь,
Так по закону быть должно!

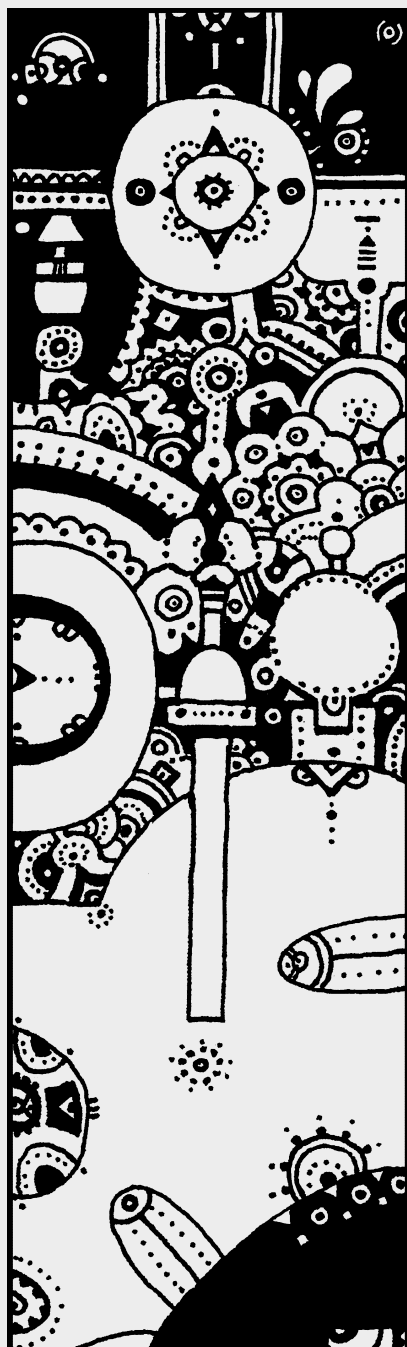
Скажи, ты знаешь ли, зачем петух дворовый
С рассветом дня, с зарею новой
Горланит часто, каждый миг?
И отчего печален этот крик?
Петух кричит тебе, что в зеркале рассвета
Ночь уходящую его завидел взор,
Что безвозвратна полночь эта,
А ты — такой же все невежда до сих пор.

Уж лучше пить и красотой
Тюльпаноликих наслаждаться,
Чем лицемерным быть ханжой
И в благочестьи упражняться.
Ведь, если скажешь, в ад пойдет
И упоенный и влюбленный,
То в рай уже никто рожденный,
Никто из смертных не войдет.

Хоть Коран и почитают
Откровением святым,
Но не все его читают,
И не все знакомы с ним.
А вот есть слова на чаше,
Что сплелися в ясный стих, —
За пирушкой взоры ваши
Каждый раз читают их.

Омар Хайям РУБАИ

Поэтический
перевод
И. Умова

Омар ХАЙЯМ

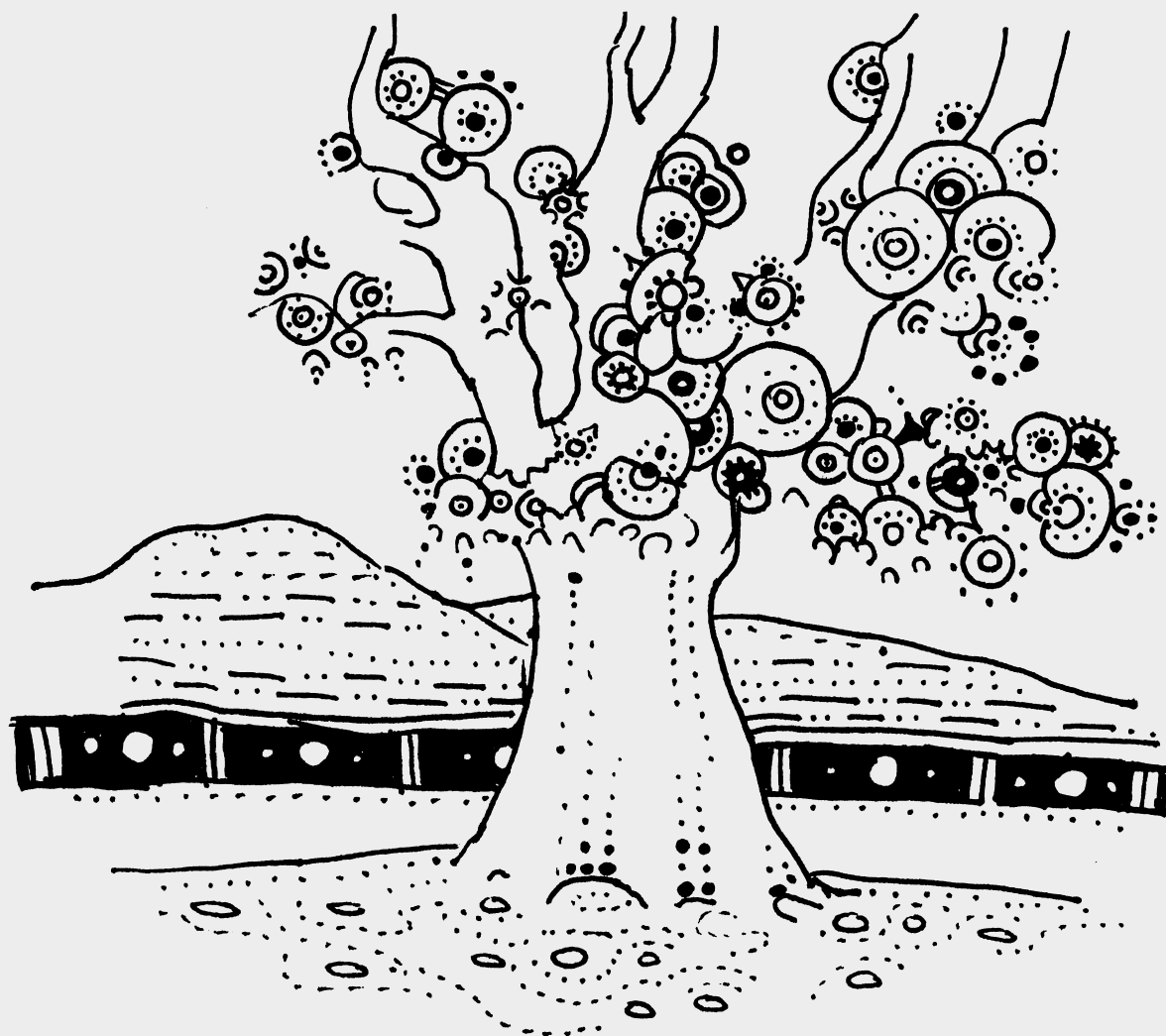
РУБАИ

Поэтический перевод
И. Умова

Ничтожен мир, и все ничтожно,
Что в жалком мире ты познал;
Что слышал, суетно и ложно,
И тщетно все, что ты сказал.
Ты мыслил в хижине смиренной,
О чем? К чему? — Ничтожно то.
Ты обошел концы Вселенной,—
Но все пред Вечностью — ничто.

Взгляни же: я жил во Вселенной.
Но выгод не ведал мирских.
Я мучился жизнью мгновенной,
Но благ не познал никаких.
Горел я, как светоч веселья.
Погас, не оставив следа.
Разбился, как чаша похмелья,
В ничто обратясь навсегда.

И ночи сменялися днями
До нас, о мой друг дорогой,
И звезды свершали все так же

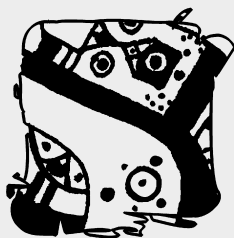

Свой круг предрешенный судьбой.
Ах, тише! Ступай осторожней
На пыль под ногою твоей —
Красавиц ты прах попираешь,
Останки их дивных очей.

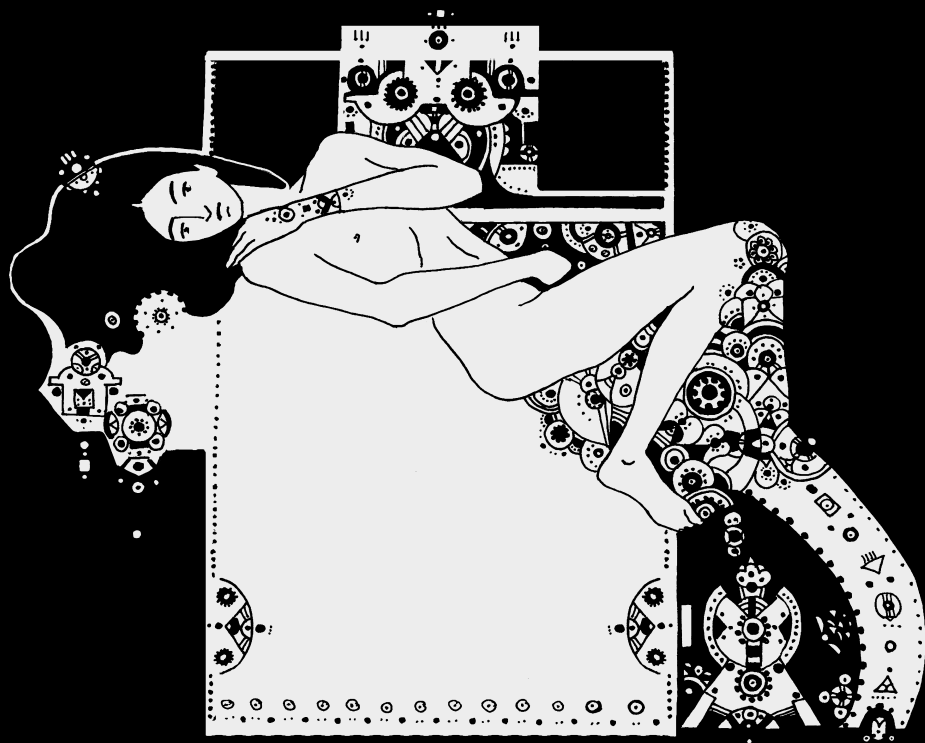
К тебе, о Неба Колесница,
Несется плач и горький стон.
Давно над смертными глумится
Неотвратимый твой закон.
О, если б грудь твою раскрыли,
Земля, Земля! Как много мы
Нашли б останков в слое пыли,
Как клад бесценный в безднах тьмы.

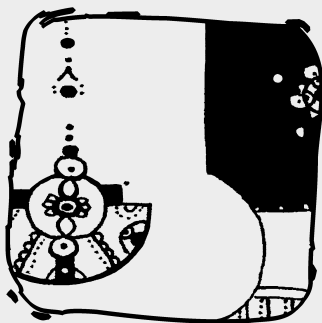
Мы умрем, а мир наш будет
В небе странствовать всегда.
Мы ж по смерти не оставим
Здесь ни знака, ни следа.
Мы не жили во Вселенной —
Мир вращался и тогда, —
И без нас ему не будет
Ни ушерба, ни вреда.

Нам говорят, что в кушах рая
Мы дивных гурий обойдем,
Себя блаженно услаждая,
Чистейшим медом и вином.
О, если то самим Предвечным
В святом раю разрешено,
То можно ль в мире скоротечном
Забуть красавиц и вино?

От жилищ неверья лишь одно мгновенье
К знанию вершин.
И от тьмы сомненья к свету уверенья
Только миг один.
Познавай же сладость, краткой жизни радость,
В мимолетный час.
Жизни всей значенье — только дуновенье,
Только миг для нас.

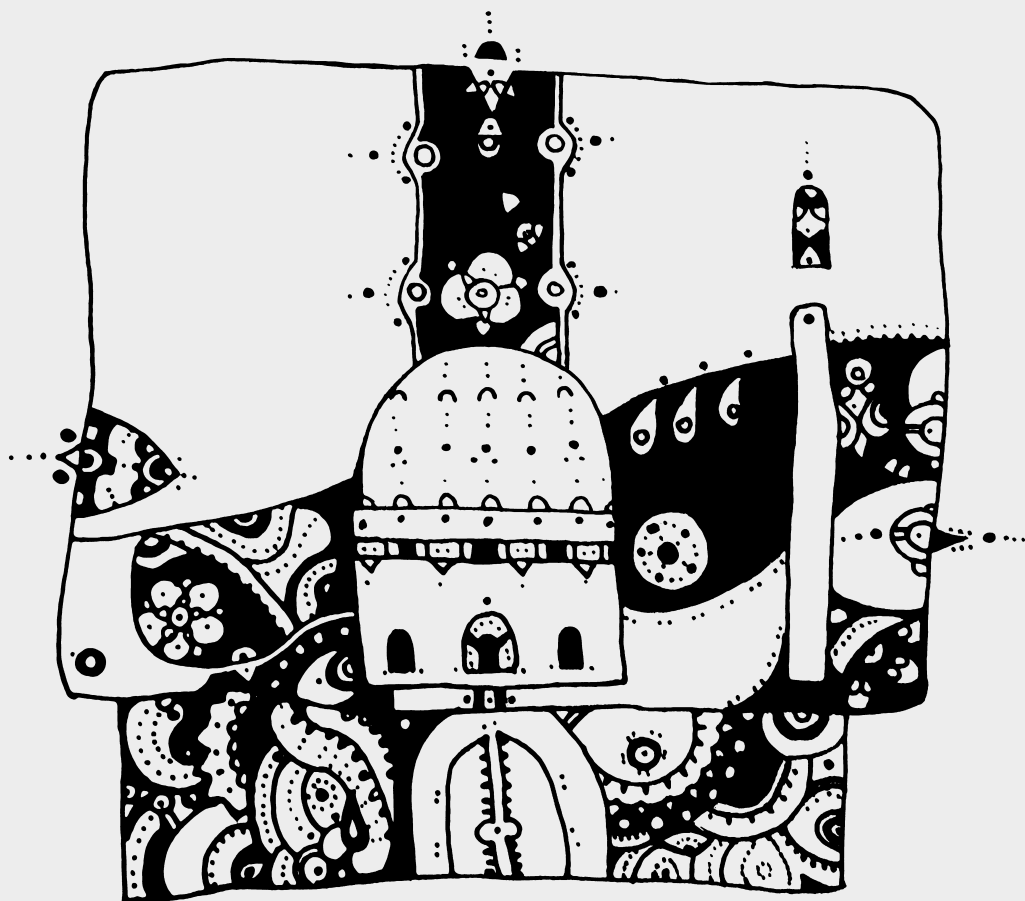
Промчались жизни беззаботной
Дни, роком данные в удел.
Как будто ветер мимолетный
По полю жизни пролетел.
О чем скорбеть? Клянусь дыханьем,
Есть в жизни два ничтожных дня:
День ставший мне воспоминаньем,
И не наставший для меня.

Прощаясь с морскими волнами
Как будто пред долгой разлукой,
Заплакала капля, а море
Смеялось над детскою мукой:
«Не плачь! Я везде во Вселенной
Питаю озера и реки,
Ты после разлуки мгновенной
Вновь будешь со мною навеки».

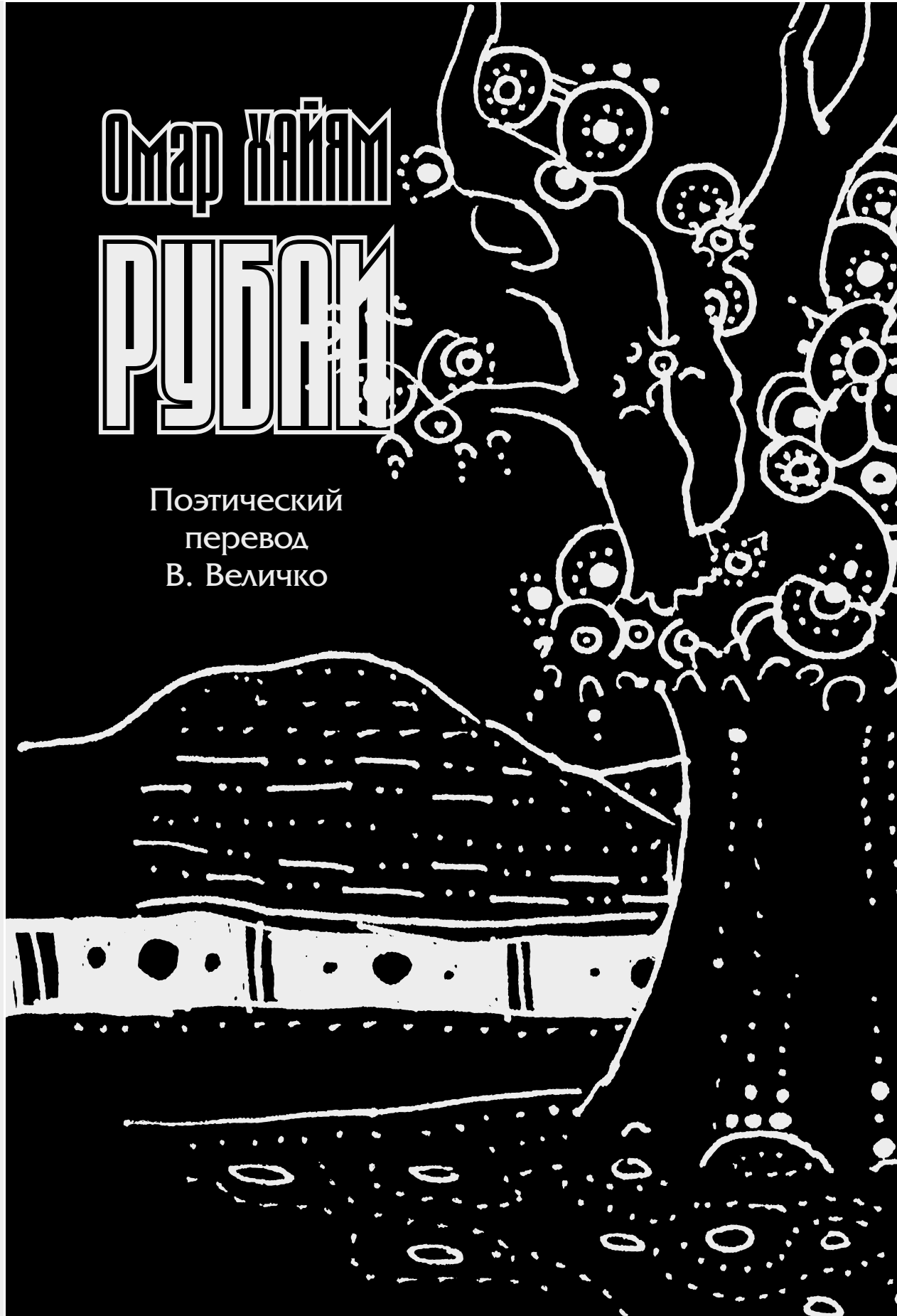
Укройте меня под землею,
Когда успокоюсь навек.
Не ставьте камней надо мною,
Чтоб помнил меня человек.
Но прах мой, ту бrenную глину,
Смешайте с душистым вином,
Слепите кирпич, и кувшину
Послужит он крышкой потом.

Я буду пить, умру без страха
И, хмельный, лягу под землей.
И аромат вина из праха
Взойдет и встанет надо мной.
Придет к могиле — опьяненный,
И запах старого вина
Вдохнет и вдруг, как пораженный,
Падет, упившись допьяна.

Омар Хайям РУБАИ

Поэтический
перевод
В. Величко

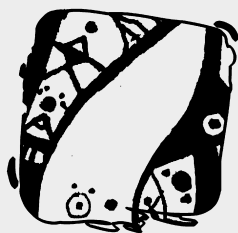
Омар ХАЙЯМ

РУБАИ

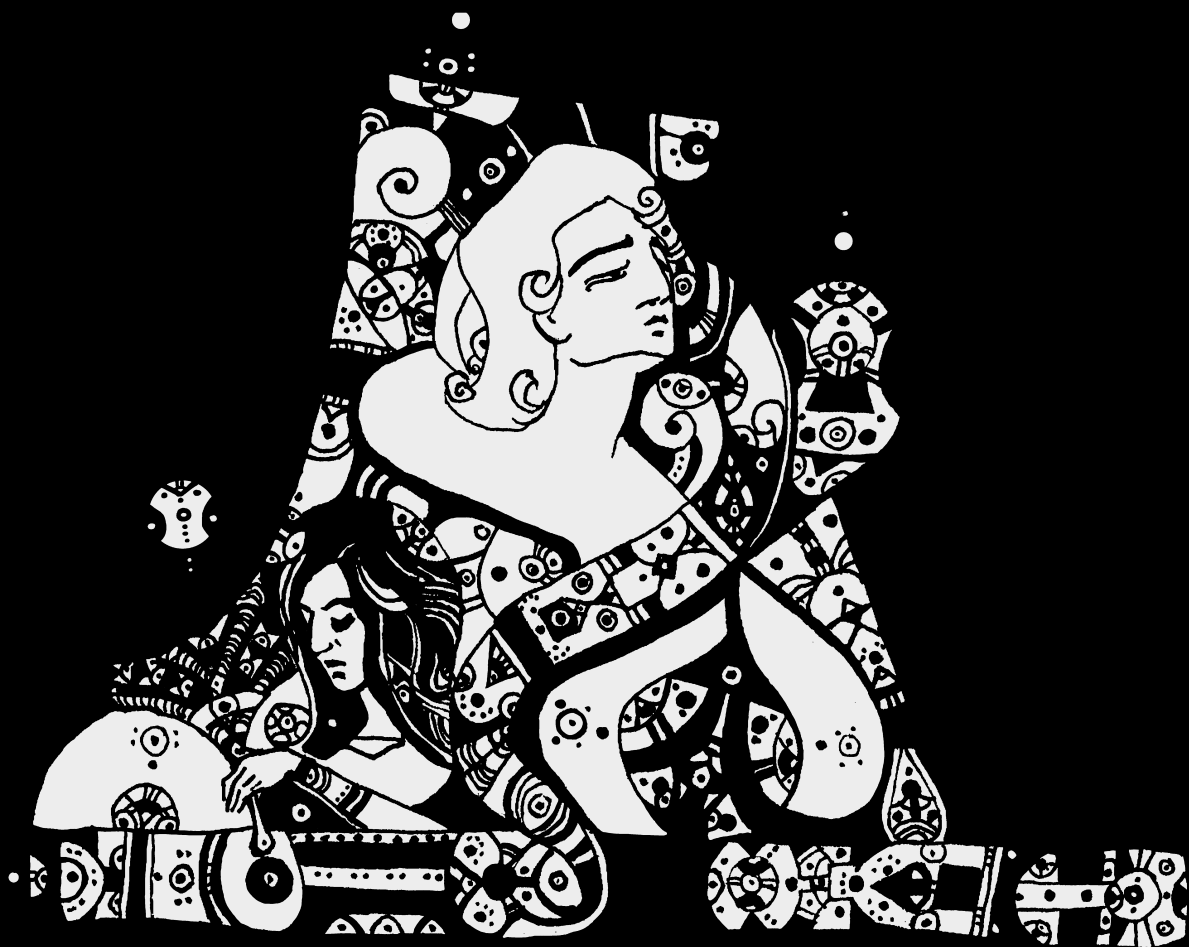
Поэтический перевод
В. Величко

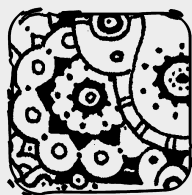
Ты словно опьянен! Безумие твое
Невежественный страх пред смертью внушает —
И с отвращеньем ты глядишь в небытие!
Ведь из небытия чудесно возникает
Бессмертья ветвь, полна живительной красоты!
И вечной смерти нет, исчезло наважденье
С тех пор, как в душу мне отрадой возрожденья
Пахнуло нежное дыхание Исы.

Убаюкан тщетною надеждой,
Разметал я на ветер полжизни,
Но и дня безоблачного счастья
Не познал в земной своей отчизне.
И теперь живу под гнетом страха:
Я боюсь, что время, время злое,
Уловить мне случай помешает —
Увенчать наградой хоть бывшее.

Открой мне дверь: открыть ее
Здесь может, боже, лишь твое
Чудесно-властное веленье!
Дай путь сознанию моему:
Ты открываешь путь спасенья!
Руки не дам я никому
Из тех, поднять кто пожелает
Меня из праха суеты.
Всех смерть и тленье ожидает,
Бессмертен, вечен только ты!..

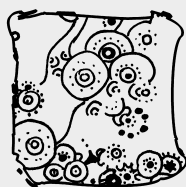

Облегчи в бедном сердце мучительный гнет,
Треволнений мирских и забот;
От недоброго взора людского укрой
Все, в чем грешен бывал я порой!
На сегодня дай светлого счастья струю —
А на завтра себя предаю
Я, мой Бог, в милосердную руку Твою.

Жалкая страсть человека — подобна собаке цепной:
Крик ее — лай непристойный, докучий, без всякого толка!
Лисья таится в ней хитрость... Дает она мнимый покой.
Зайца обманчивый сон... Сочетались, слились в ней одной
Бешенство лютого тигра и жадность голодного волка!

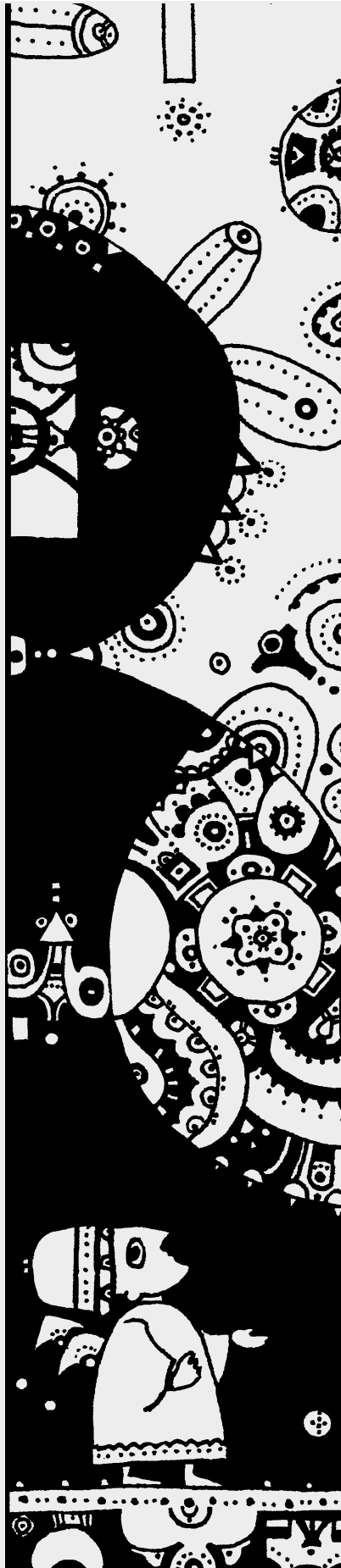
О, бойся тело отдавать
 На пищу горю и страданиям,
 Томясь слепым любостяжанием
 Пред белым серебра сиянием,
 Пред желтым златом трепетать!
 Пока веселья час не минет
 И теплый вздох твой не остынет —
 Твои враги на пир тогда
 Придут как хищная орда!

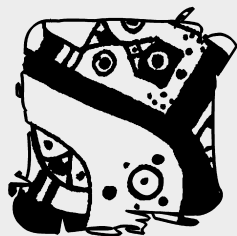

О друг, будь весел и беспечен!
 День скорби будет бесконечен —
 И в сочетание роковом,
 Сойдясь на небе голубом,
 Светила встретятся лучами,
 Твой прах землею, кирпичами
 Мгновенно станет и из них
 Дворцы построят для других.

Безумцы в мире есть, которых самомненье
 Во мрак надменности и чванства завело —
 Иных влечет мечта о райском наслажденье,
 О замках, где всегда прохладно и светло,
 Где гурии нежней и краше роз Востока.
 Безумцы! Как они обманутся жестоко!
 Аллах! Настанет день — и с тайны бытия
 Завесу темную сорвет рука твоя,
 И обнаружится, что все они упали
 Далеко от тебя, во мглу безбрежной дали.

В кумирне, в медресе, во храме, в синагоге,
Боятся ада все и рая страстно ждут.
Возникнуть не могло зерно такой тревоги
Лишь в сердце у того, кем правит разум строгий,
В ком тайны Вышнего нашли себе приют.

В могилах спящие земле возвращены,
Частицы праха их рассеяны повсюду —
Рассеяны, как пыль! Какому ж злему чуду,
Увы, подвержены ничтожества сыны?
Какой напиток их так держит в опьяненьи,
В неведеньи всего, в тревогах и сомненьях?
И будет омрачен рассудок их всегда
До дня последнего суда.

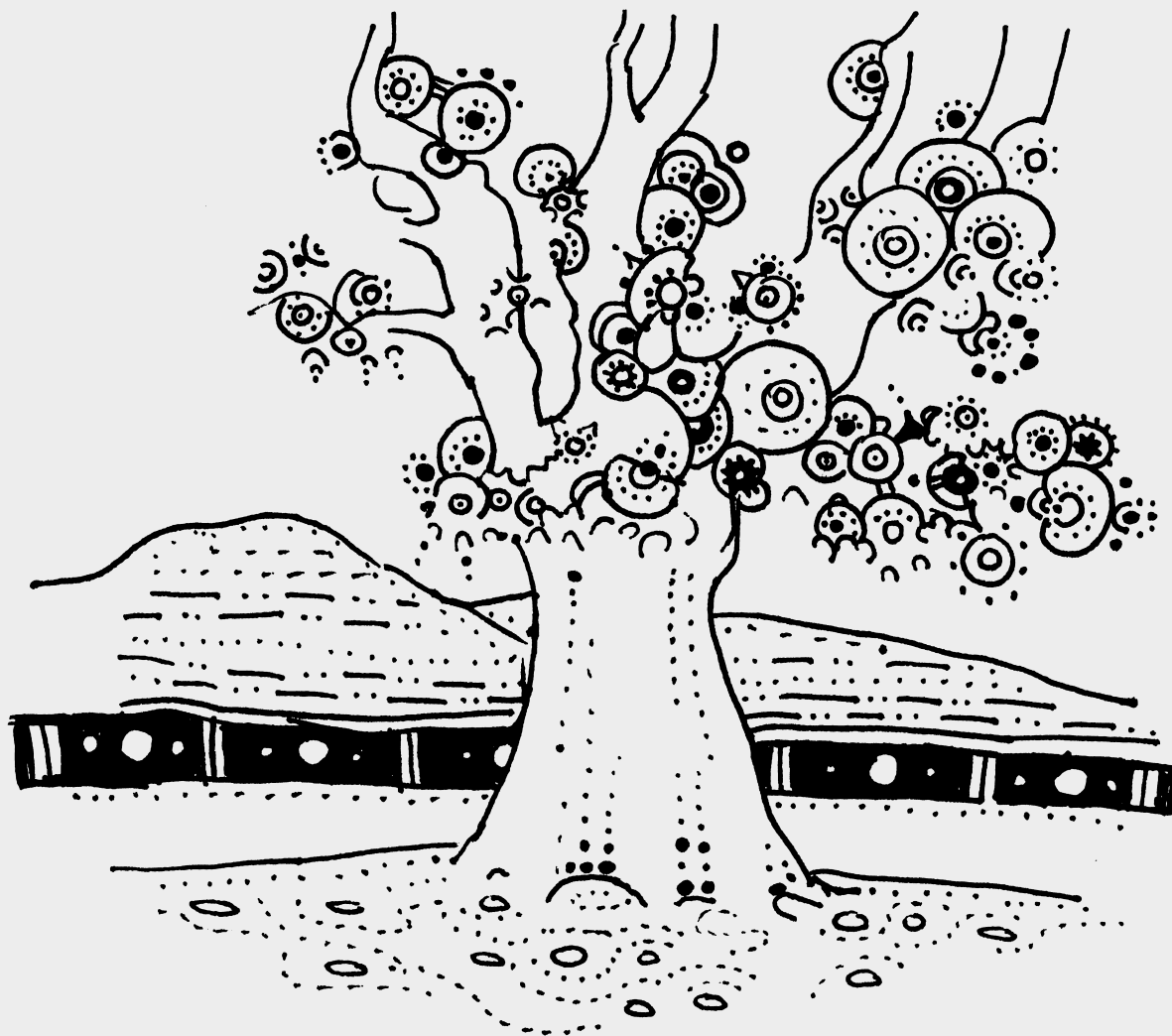

Достойней, чем весь мир возделать, заселить, —
В одной душе людской печали утолить,
И лаской одного в неволю заковать,
Чем тысяче рабов свободу даровать!

Зла речь твоя, мулла, и ненависть — ей мать!
Ты все зовешь меня безбожником, неверным.
Ты прав, я уличен! Я предан всяким сквернам,
Но будь же справедлив: тебе ли обвинять?

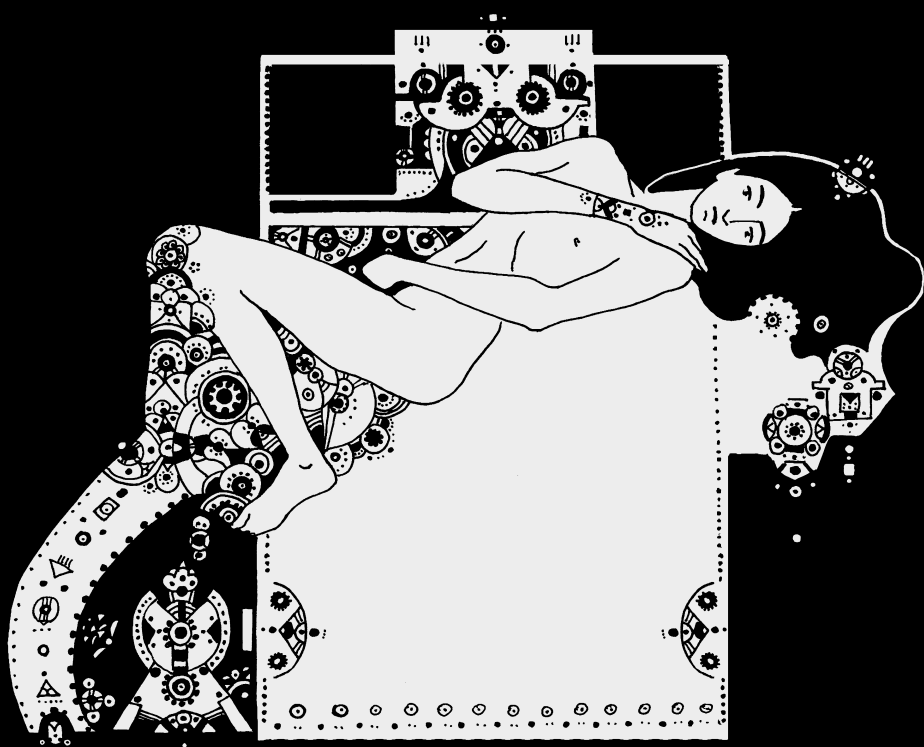
Добросовестных и умных
Уважай и посещай —
И подальше без оглядки
От невежды убегай!
Если яд мудрец предложит,

Не смущайся, смело пей!
Даст глупец противоядь,
Вылей на землю скорей!

Доколе жизнь свою ты будешь посвящать
Гордыне суетной и самообожанью?
Иль, одержим большим стремлением к познанию,
Причин небытия и бытия искать?
Пей светлое вино! Ту жизнь, что чрез мгновенье
Прервать готова смерть, идущая вослед,
Любить иль понимать не стоит. Цели нет!
И лучше жизнь влачить во сне иль в опьяненьи!

Вчера на площади базарной видел я,
 Как глину вязкую горшечник мял ногами.
 С него усердья пот катился в три ручья.
 И этот мертвый прах незримыми устами,
 Казалось мне, шептал: «Я ближним был твоим!
 Стыдись! Не будь так груб и так неумолим!»

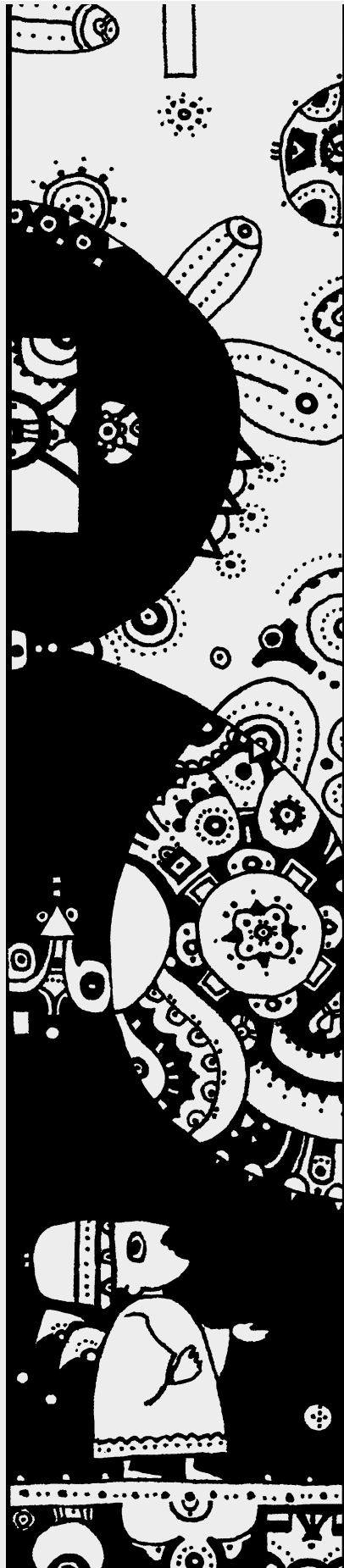

Есть в небе бык Первин — созвездие плеяд,
 А на рога другой взял землю, говорят.
 Открой же взор души, открой глаза сознания,
 Как те, сподобился кто истинного знания, —
 И посмотри-ка: там, меж этих двух быков,
 Какое множество... ослов!

Когда бы ясно тайны жизни
 Постигло сердце человека,
 Оно б и тайны смерти знало,
 Нам недоступные от века!
 И если ты — слепой невежда,
 Теперь, когда ты сам с собою —
 И с миром видимым, и с жизнью
 Не разлучен еще судьбою,
 То что ж, когда себя покинешь
 И жалкий прах в земле истлеет, —
 О, что ж тогда твой дух бесплотный,
 Безличный дух уразумее?

К чему, когда осуществленья
 Желаньям нашим не дано,
 И все заранее судьбой предreshено, —
 К чему все замыслы, усилия и стремленья?
 Мы вечно мучимся, влачась в земной пыли,
 И сожаленьями мы растрavляем рану,
 Со вздохом говоря: «Ах, поздно мы пришли!
 Уйти придется слишком рано!»

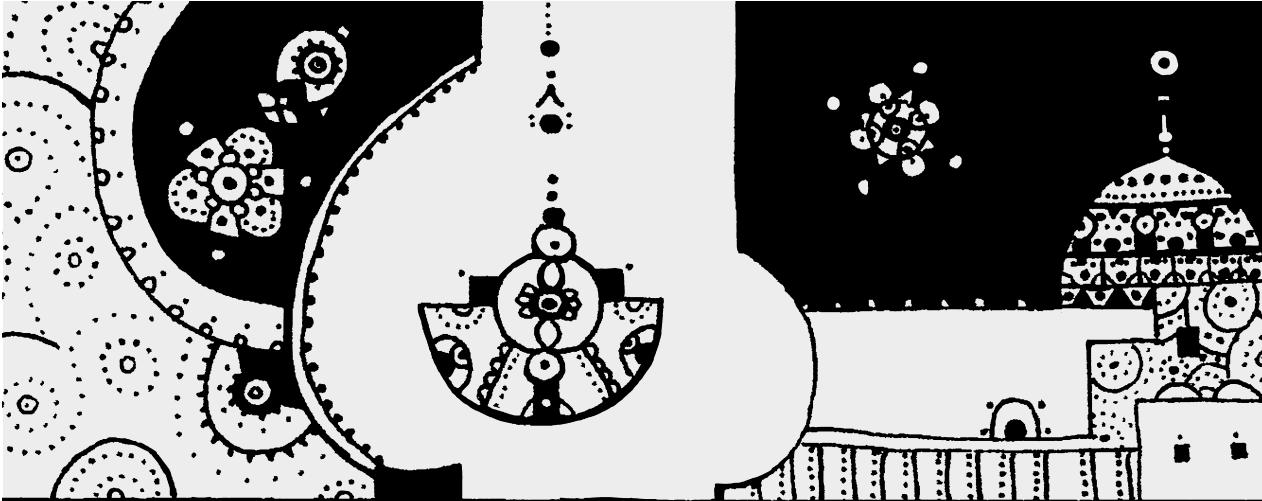
Мне лучше быть с Тобой в вертепе, в кабаке
 И помышлениями заветными делиться,
 Чем без Тебя, мой Бог, идти в мечеть — молиться
 Без пламени в душе, но с четками в руке!
 Да! Сотворивший все, что было, есть и будет!
 Чтоб ни было со мной, но знай, так верю я —
 Введет ли в рай за то меня рука твоя
 Иль на сожжение в аду меня осудит.

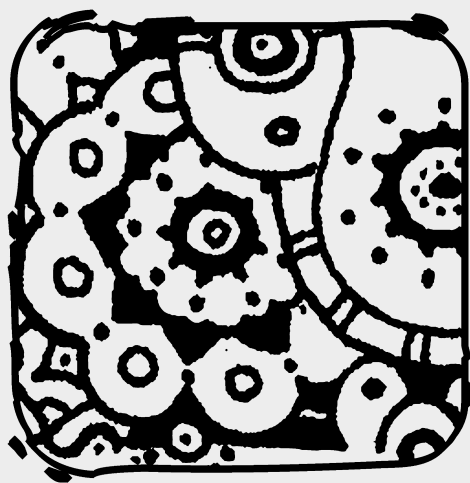
Моя возлюбленная вновь
 Дарит мне прежнюю любовь!
 Дай бог, чтоб дни ее сияли
 Так долго, как мои печали!..
 Единым нежным обожгла
 Мгновенным взором — и ушла,
 Оставив счастья обаянье...
 О, верно, думала она —
 Свершив добро, душа сильна,
 Когда не ищет воздаянья!

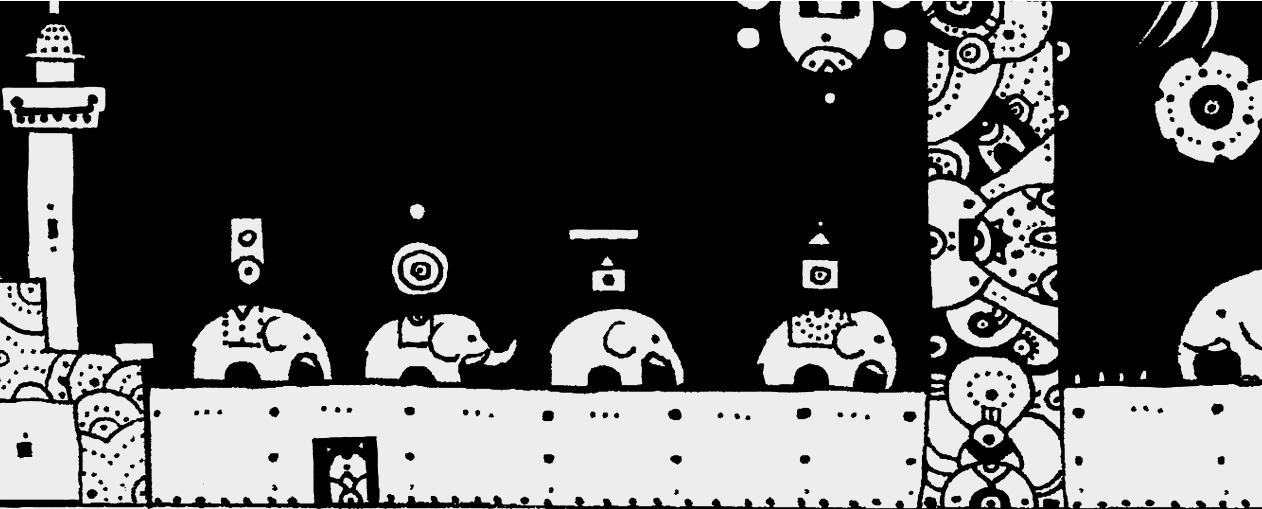
Нет в суетной любви могучего сиянья:
Как пламя зыбкое в минуту погасанья,
Она не может дать живящего тепла!
Ее наследие — холодная зола!
Но кто божественной любовью пылает,
Ни отдыха, ни сна, ни пищи тот не знает!
В сияньи радостном взойдет ли яркий день,
Иль мир окутает чадройю ночи тень,
Несутся ль месяцы, года чредой крылатой —
Все призрак для души, любовию объятый!

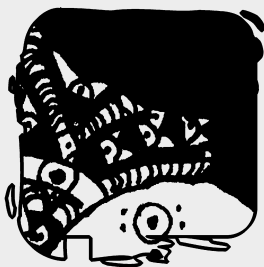
Коль знаменит ты в городе, ты — «худший из людей»!
Коль ты забьешься в угол свой, ты — «вредный чародей»!
Святым ли будь, пророком ли — разумнее всего
Здесь быть для всех невидимым, не видя никого.

Надменным небесам брось вызов горстью пыли.
И в том, чтобы тебя красавицы любили,
Миг счастья лови, ищи его в вине!
О чем тебе молить и в чем просить прощенья?
Вернулся ль хоть один — один, как исключенье
Из всех, исчезнувших в неведомой стране?

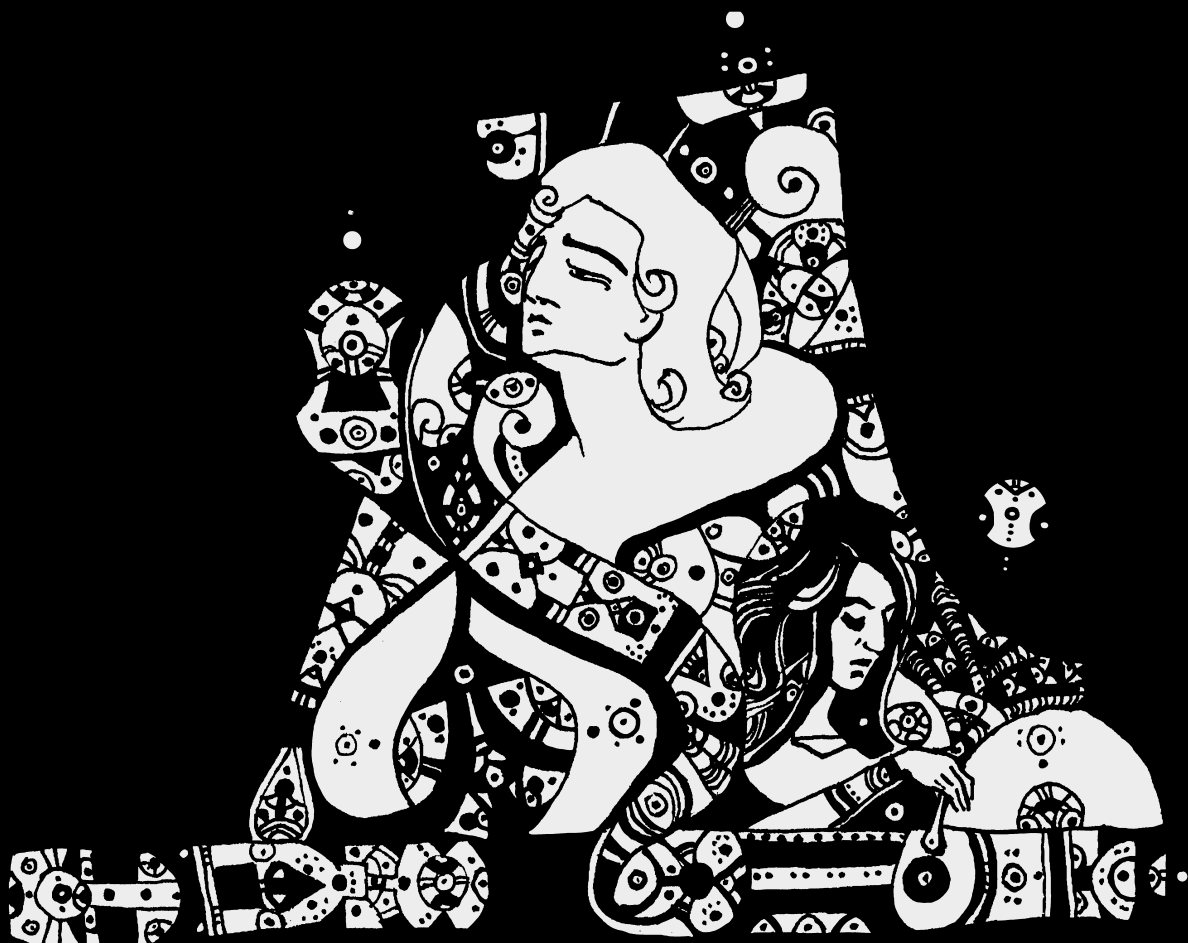
Над розами еще проходят облака,
Окутывают их фатой прозрачной тени.
Все жажду сердцем я волшебных опьянений —
Не отходи ко сну, не пробил час пока!
О, пей душа моя! В вине сверкает пламя.
И залит небосвод багряными лучами.

Назначьте свиданье, друзья!
Когда под землей буду я,
Сойдитесь в условленном месте.
Завету верны моему,
Возрадуйтесь сердцем тому,
Что дружно пируете вместе!
Когда виночерпий молодой
К вам с чашей войдет круговой,
Рубины заблещут огнями
В живительном старом вине.
Пусть каждый, вздохнувший по мне,
Пьет в память о бедном Хайяме!

Никто на свете не проник
В начала вечного тайник.
Не мог никто ступить ни шагу
За грани личного мирка!
Я вижу: от ученика —
До тех, кто нас ведет ко благу,
Несовершенно все и вся —
Все то, что матерью зачато,
Несовершенства яд неся
От дней рассветных до заката!

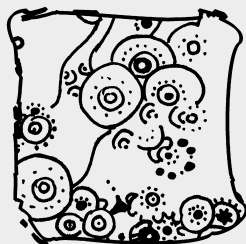

Непобедимую в нас поселил, Господь, Ты страсть.
Но Ты же — не велишь отдаться ей во власть!
И бедный род людской в большом недоуменье —
Твой дар, приказ Твой — Страсть! Твое ж и запрещенье!
Ты словно повелел нам чашу наклонить,
Из содержимого ж — ни капли не пролить!

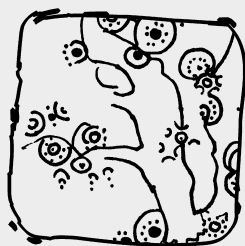

Не спрашивай меня о том, что так превратно,
О прошлом, будущем... Жизнь — ветра дуновенье.
Считай добычею бегущее мгновенье —
К чему заботиться о том, что невозможно?

Ну да, я пью вино!.. И кто не слеп умом,
Кто истину, как я, уразумеет,
О, тот поймет, что перед божеством
Поступок мой значенья не имеет.
Аллах от века знал, он знал давным-давно,
Что мне, рабу его, придется пить вино!
Его лишь оскорбить я мог бы воздержаньем —
Его предвиденье явилось бы незнаньем...

Однажды ночью, в тихом сне
Мудрец явился мне
И нежным голосом участия
Поведал: «Роза счастья
Во сне не может расцветать.
Чем смерти подражать,
Вина хлебни-ка: под землею
Напишись вдоволь в час покоя!»

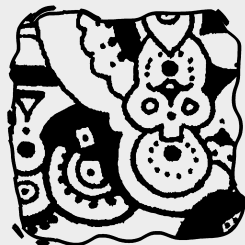
О, друг! Зачем пешишь о тайнах бытия,
В безумии желать того, что невозможно?
Мечтой бесплодной охвачена тревожно,
Напрасно смущена зачем душа твоя?
Будь счастлив, веселись! При сотвореньи света
Никто ведь у тебя не спрашивал совета.

Ныне в безумстве любви, в безумном, безмерном волнении
Разум утратили мы — и тонем, горим в опьянении,
Служим святыне вина в кумирне заветной своей!
Ныне, сейчас, через миг, с восторженно-сладкою дрожью
Прах бытия отряхнув — как дух, вознесемся к подножью
Трона, где вечность царит в сиянии нетленных лучей...

О, если я проник в храм твоего доверья,
То слушай — дам тебе спасительный совет.
Любовию к тому, в чьей власти мрак и свет,
Молю, не надевай одежды лицемерья,
Плаща ханжи не надевай!
Чрез миг наш бренный мир исчезнет в бесконечности!
Лишь вечность — без конца. Пойми ж: не продавай
За краткий миг все царство вечности!

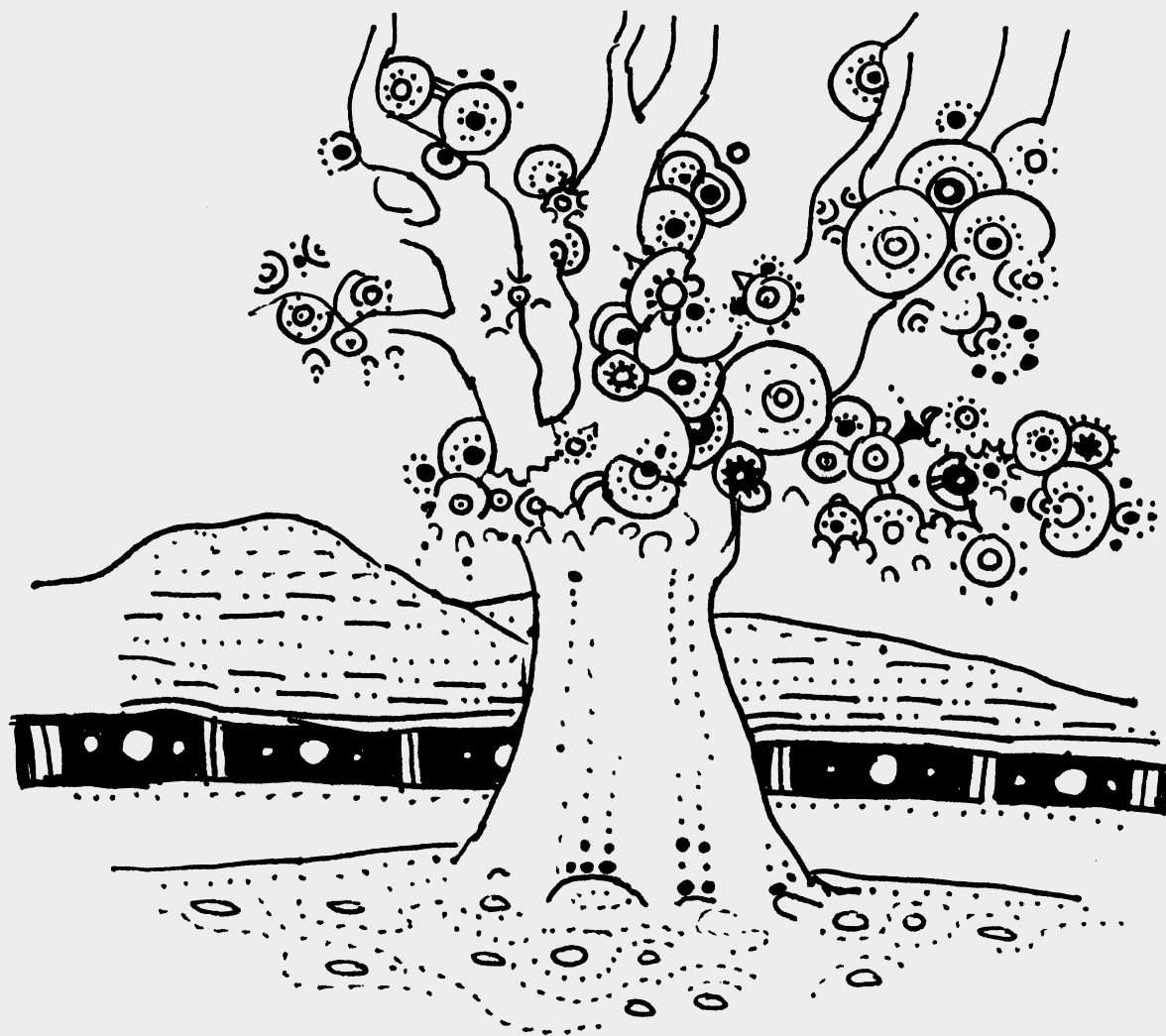

Подобно соколу, мой дух, расправив крылья,
 Из мира чудных тайн стрелою полетел —
 Умчаться в высший мир хотел —
 И что ж? Упал сюда, в мир праха и бессилья!
 Не встретив никого, кому души тайник
 До сокровеннейших извилин
 Открыть бы мог, любя. Печален и бессилен,
 Я выйду в ту же дверь, в которую проник.
 Подобье караван-сарая —

Наш мир, в котором тьма ночная
 Попеременно с днем гостит, —
 Остаток пира исполинов,
 Объедки сотни властелинов,
 Гостеприимных, как Джемшид.
 Наш мир — гигантская могила,
 Что ложем смерти послужила
 Могучим, грозным ста царям,
 Неустрашимым, как Бехрам.

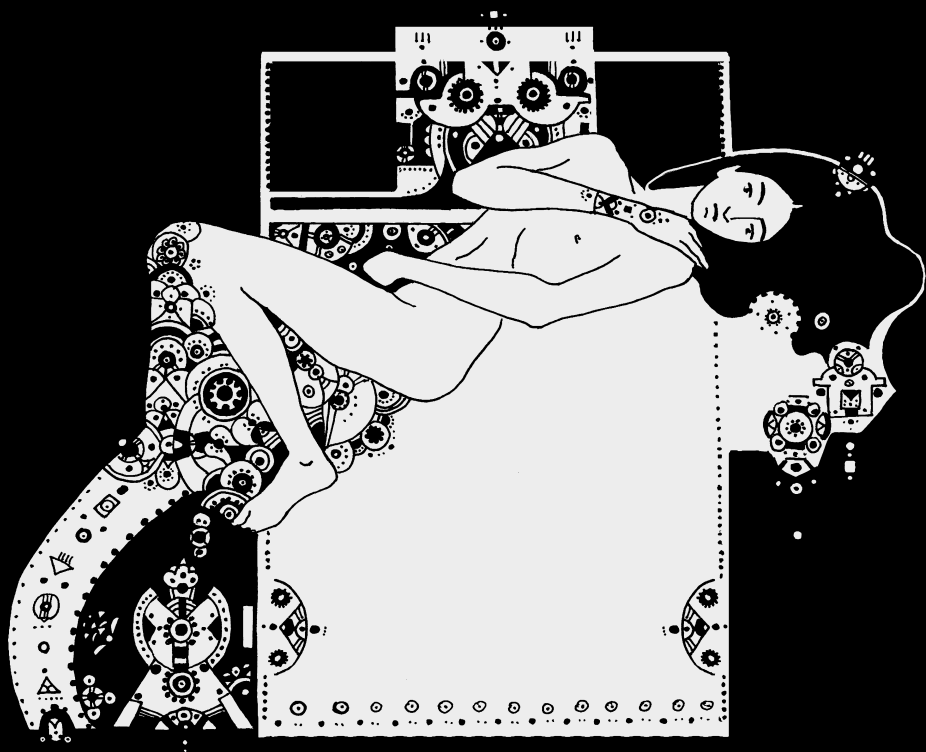
Пусть колесо судьбы мне мира не дает —
Ну что же! Я готов сейчас идти войною!
Пусть доброй славою бессмысленный народ
Меня не наградил — позор зато со мною.
Все прочее — слова!

Вот кубок, и в вине горит рубина пламень —
Ведь у непьющего найдется голова,
А у меня найдется — камень...

Расцвела сегодня пышно
Роза счастья твоего!
Где же чаша? Чаши в руку
Не берешь ты — отчего?
Время — враг наш беспощадный.
Друг мой милый, пей вино.
День отрадный, как сегодня,
Снова встретить — мудрено!

Скажи, ты знаешь ли за что в устах народных
 Лилея, кипарис название благородных
 Стяжали с давних пор?
 Для люда грешного их воздержанье — диво:
 Ей десять языков дано и — молчалива!
 А у него сто рук, и он их — не простер.

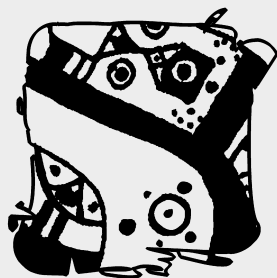

Счастливо сердце того, кто в жизни прошел неизвестный,
 Шелковых тканей не знал и пряжи волнистой Кашмира.
 Кто, словно птица Симург, вознесся к лазури небесной,
 А не гнезвился совой в развалинах этого мира...

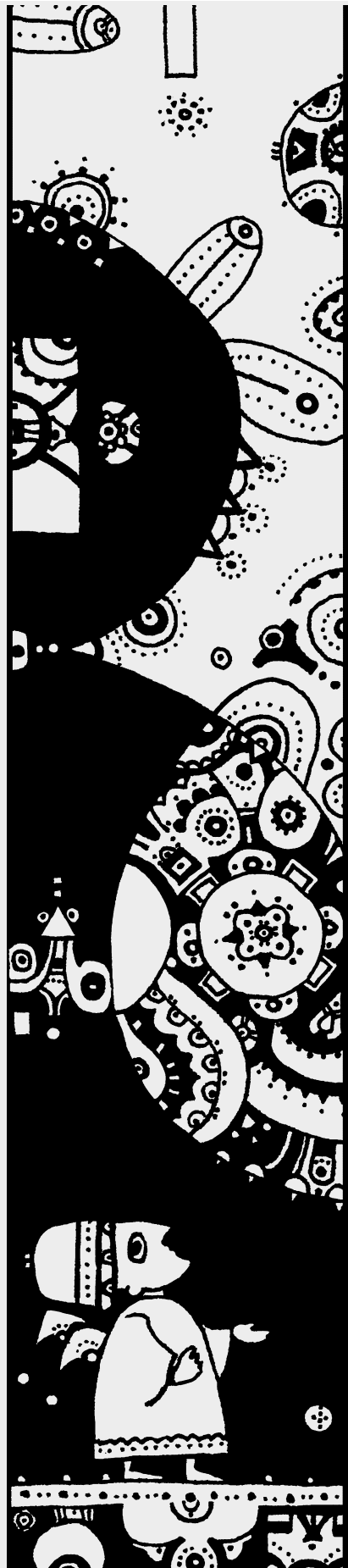
То сокровенен Ты, невидим никому,
 То открываешься в твореньях, как Зиждитель.
 Но нет сомнения! Себе лишь самому
 В утеху Ты творишь созданий чудных тьму.
 Ты — сущность зрелища и вместе сам Ты — зритель!

Узор изменчивый загадочной природы
 Ты разъяснить просил. И тайны бытия.
 Но чтобы правду всю поведать, нужны годы —
 И буду краток я.
 Наш мир — что марево. Чудесную картинку
 Подъемлет лоно вод. И, зыблясь, как туман,
 Чрез миг опять она падет в свою пучину,
 В бездонный океан.

Умерь желания и жажду бранных благ,
 Коль счастья хочешь ты, сумей порвать оковы,
 Которыми тебя опутал свет суровый,
 С земным добром иль злом связав твой каждый шаг...
 Живи, довольный всем: спокойное движенье
 Сияющих небес прерваться не должно
 А нашей жизни суждено
 Исчезнуть в вечности, мелькнувши на мгновенье...

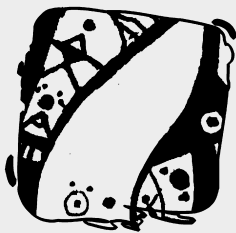
Хоть жемчуг должного тебе повиновенья
Я не нанизывал на нити поведенья
И сердца не влачил я в прахе ног твоих,
Я чужд отчаянья и верю: будет миг,
Приду к подножию божественного трона,
И буду принят я на милосердья лоно
И буду мил тебе — ведь я всю жизнь молчал,
Ведь жалобами я тебе не докучал!

Хайям, Хайям! Твой жалкий прах
Подобен трепетной палатке.
В ней дух царит как падишах,
Но дни его царенья кратки.
Они ведут к небытию,

Его последнему приюту.
Едва успеет он свою
Палатку бросить, — чрез минуту
Ферраши смерти прибегут
И все разрушат, все сорвут,
Чтоб средь песков пути иного
Создать разрушенное снова.

Чье сердце благодати лучом озарено,
Невидимым лучом невидимого бога,
Где б ни был сердца храм — мечеть иль синагога,
Где б ни молился тот, чье имя внесено
В скрижали истины, в любви святую книгу, —
Он чужд волнения, он недоступен игу,
И не страшит его кромешный, жгучий ад,
И не пленяет рай исполненный услад!

Я непокорный раб... Где ж, воля, власть твоя?
Душа моя черна, объята мглой порока...
Где ж свет дающее всевидящее око?
О, если ты нам рай, всеильный наш судья,
Даешь за то, что мы блюдем твои веленья
Ты выполняешь долг — и больше ничего!
Где ж милосердие, свет лика твоего,
Куда ж девается твое благоволение?

Я целый день вину хвалебный гимн пою.
Веселия лозой обвил я жизнь свою.
О, доблестный ханжа! Будь счастлив убеждением
Что мудрости самой ты внемлешь порученьям.
Но знай, по крайности, что мудрость, ментор твой,
Ничтожный школьник предо мной!

Омар Хайям РУБАИ

Поэтический
перевод
Г. Плисецкого

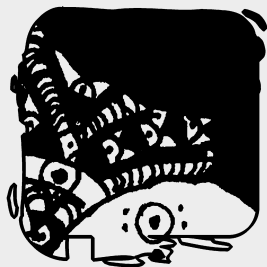
Омар ХАЙЯМ

РУБАИ

Поэтический перевод
Г. Плисецкого

Сбрось обузу корысти, тщеславия гнет,
Злом опутанный, вырвись из этих тенет,
Пей вино и расчесывай локоны милой:
День пройдет незаметно — и жизнь промелькнет.

В этом мире на каждом шагу — западня.
Я по собственной воле не пожил и дня.
Без меня в небесах принимают решения,
А потом бунтарем называют меня!

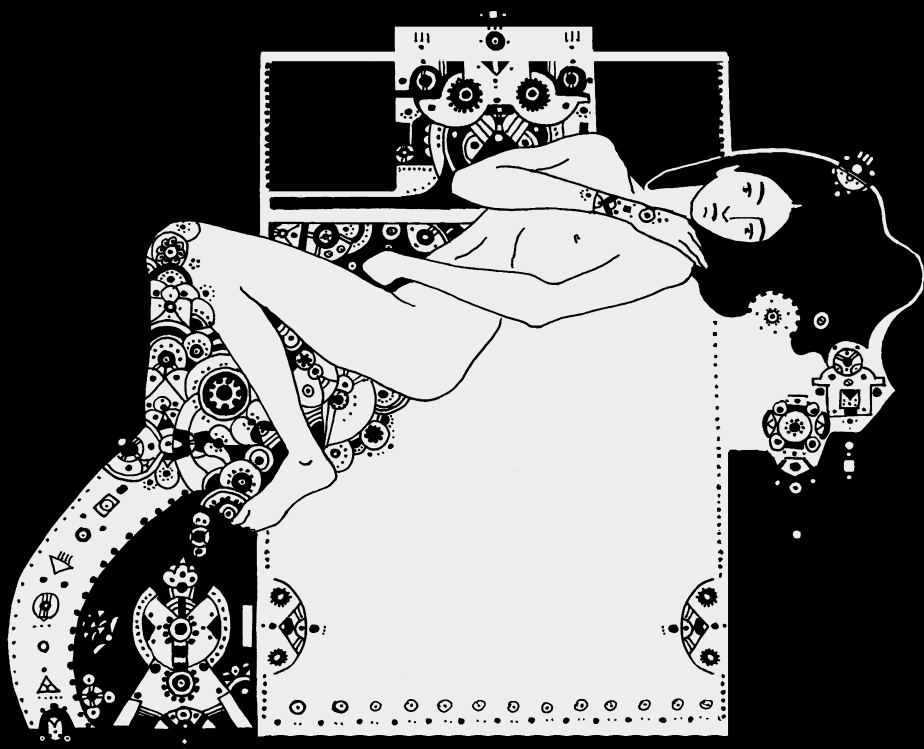
В Книге Судеб ни слова нельзя изменить.
Тех, кто вечно страдает, нельзя извинить.
Можешь пить свою желчь до скончания жизни:
Жизнь нельзя сократить и нельзя удлинить.

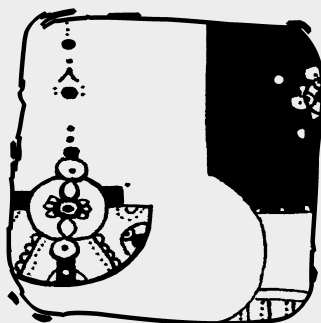
Смертный, думать не надо о завтрашнем дне,
Станем думать о счастье, о светлом вине.
Мне раскаянья Бог никогда не дарует.
Ну а если дарует — зачем оно мне?

Под мелодию флейты, звучащей вблизи,
В кубок с розовой влагой уста погрузи.
Пей, мудрец, и пускай твое сердце ликует,
А непьющий святоша — хоть камни грызи!

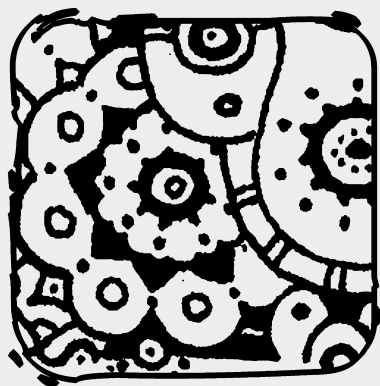

Сад цветущий, подруга и чаша с вином —
Вот мой рай! Не хочу очутиться в ином.
Да никто и не видел небесного рая!
Так что будем пока утешаться в земном.

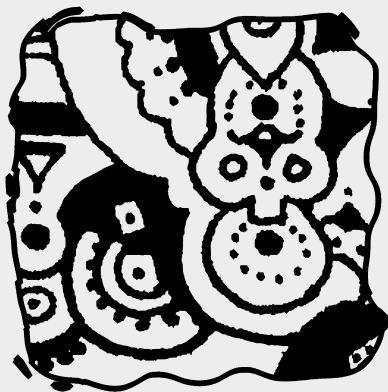

Веселись! Ибо нас не спросили вчера,
Эту кашу без нас заварили вчера.
Мы не сами гршили и пили вчера —
Все за нас небеса предрешили вчера.

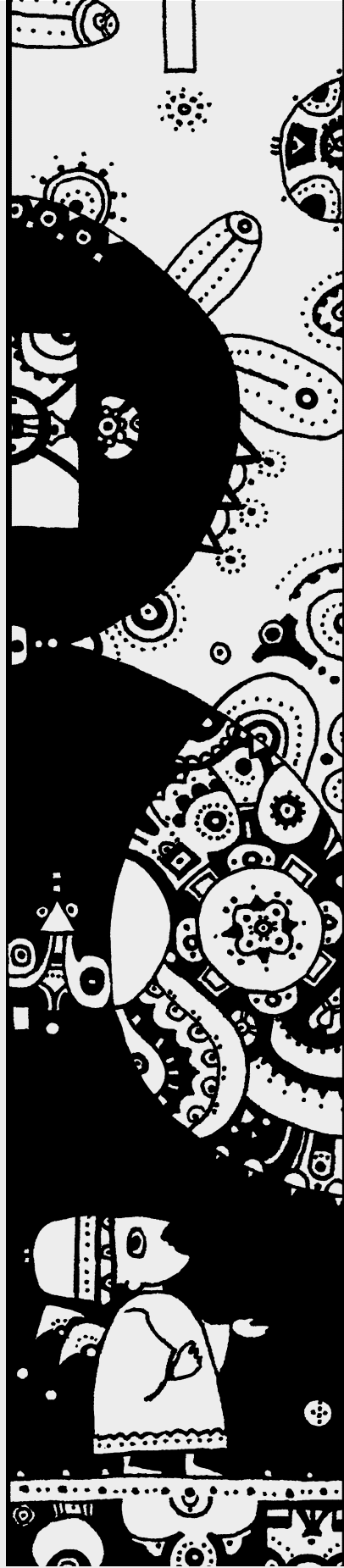
Жизнь в разлуке с лозою хмельною — ничто,
 Жизнь в разлуке с певучей струною — ничто.
 Сколько я ни вникаю в дела под луною:
 Наслаждение — все, остальное — ничто!

До того как мы чашу судьбы изопьем,
 Выпьем, милая, чашу иную вдвоем.
 Может статься, что сделать глотка перед смертью
 Не позволит нам небо в безумье своем.

Не завидуй тому, кто силен и богат.
 За рассветом всегда наступает закат.
 С этой жизнью короткою, равною вздоху,
 Обращайся как с данной тебе напрокат.

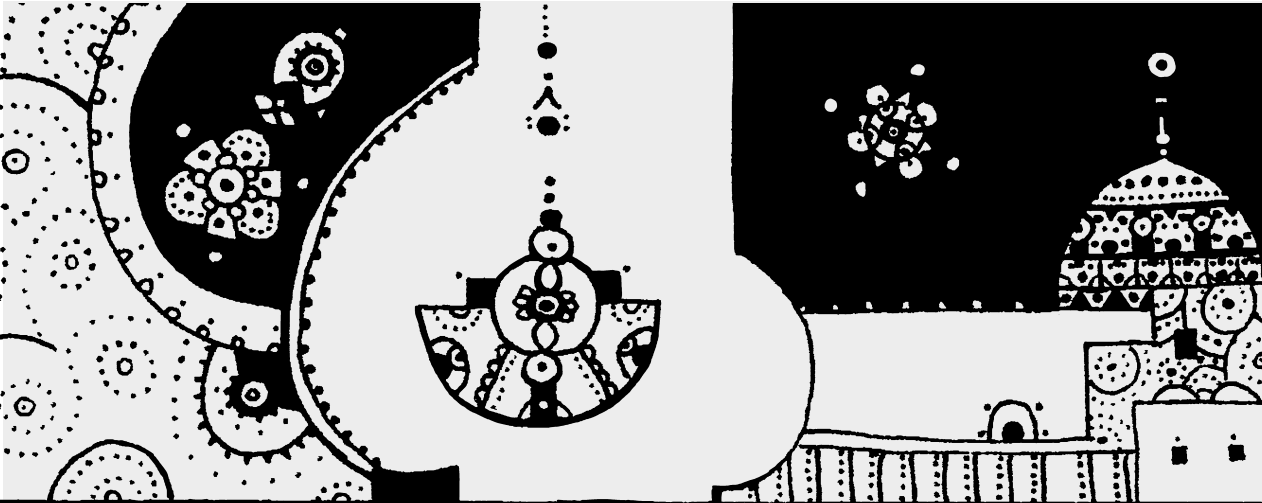
Пей вино, ибо радость телесная — в нем.
Слушай чанг, ибо сладость небесная — в нем.
Поменяй свою вечную скорбь на веселье,
Ибо цель никому не известная — в нем.

От безбожья до Бога — мгновенье одно!
От нуля до итога — мгновенье одно.
Береги драгоценное это мгновенье:
Жизнь — ни мало, ни много — мгновенье одно!

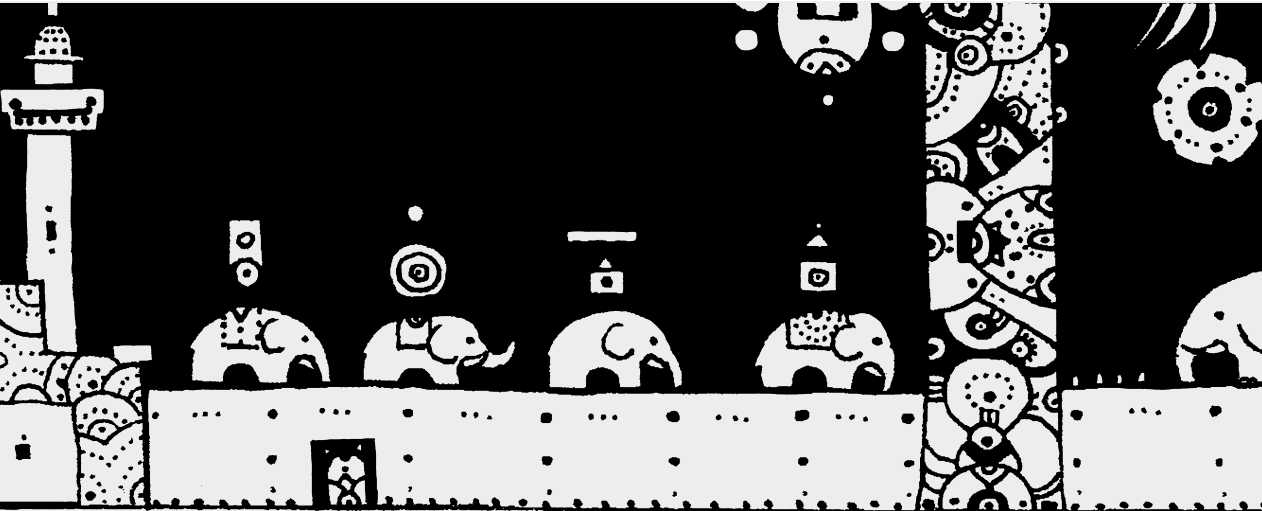
Да пребудет со мною любовь и вино!
Будь что будет: безумье, позор — все равно!
Чему быть суждено — неминуемо будет,
Но не больше того, чему быть суждено.

Тот, кто с юности верует в собственный ум,
Стал в погоне за истиной сух и угрюм.
Притязающий с детства на знание жизни,
Виноградом не став, превратился в изюм.

Принесите вина — надоела вода!
Чашу жизни моей наполняют года.
Не к лицу старику притворяться непьющим.
Если нынче не выпью вина — то когда?

Да пребудет вино неразлучно с тобой!
Пей с любой подругой из чаши любой
Виноградную кровь, ибо в черную глину
Превращает людей небосвод голубой.

Месяца месяцами сменялись до нас,
Мудрецы мудрецами сменялись до нас.
Эти мертвые камни у нас под ногами
Прежде были зрачками пленительных глаз.

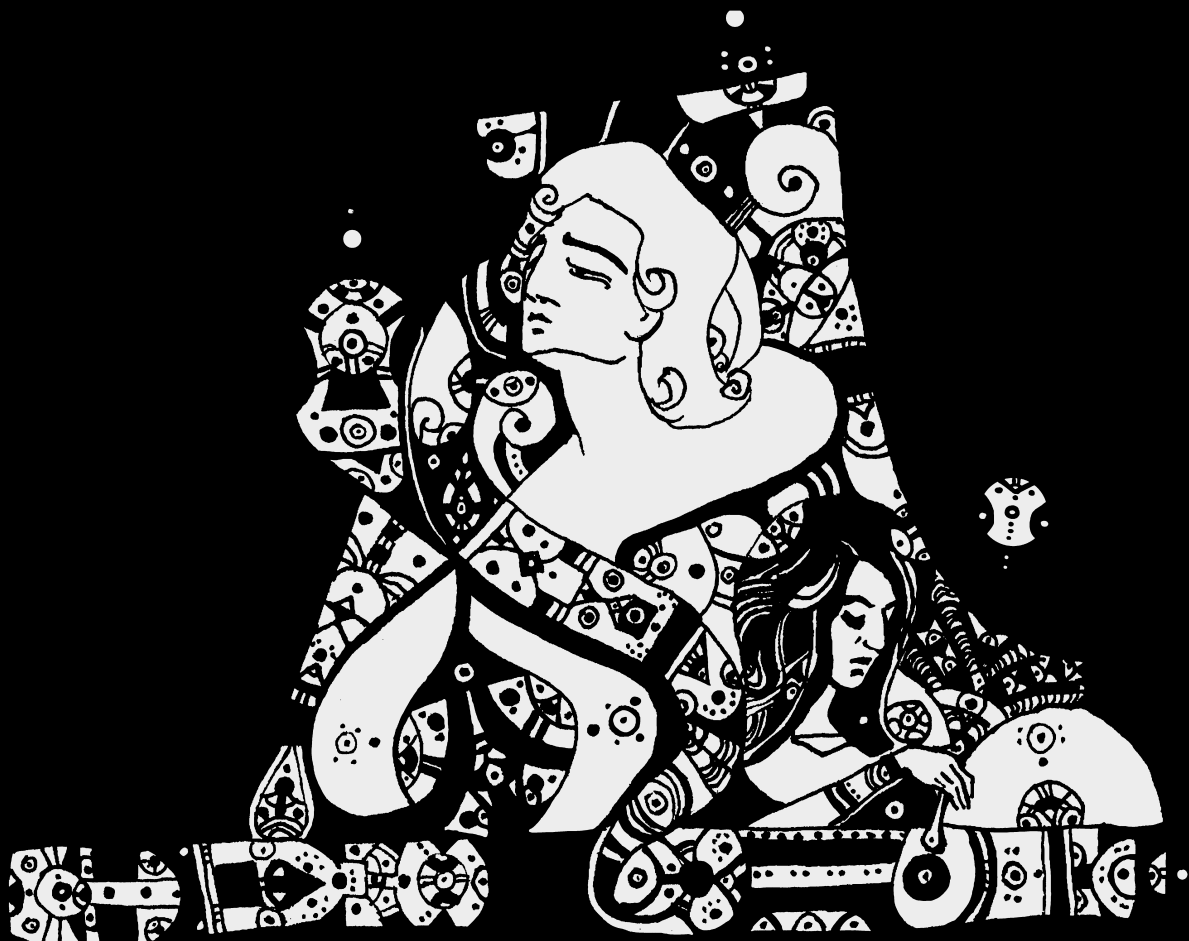

Кто урод, кто красавец — не ведает страсть,
В ад согласен безумец влюбленный попасть.
Безразлично влюбленным, во что одеваться,
Что на землю стелить, что под голову класть.

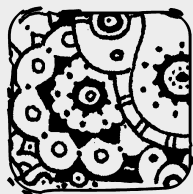

Разорвался у розы подол на ветру.
Соловей наслаждался в саду поутру.
Наслаждайся и ты, ибо роза — мгновенна.
Шепчет юная роза: «Любуйся! Умру...»

Пей вино, ибо друг человеку оно,
Для усталых — подобно ночлегу оно.
Во всемирном потоке, бушующем в душах,
В мире скорби — подобно ковчегу оно.

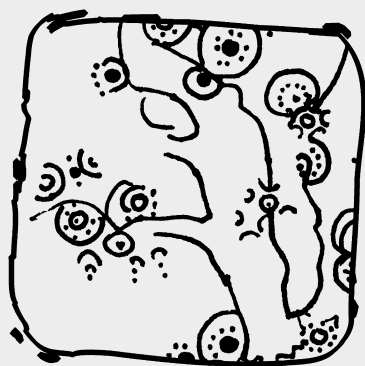

Не молящимся грешником надобно быть —
Веселящимся грешником надобно быть.
Так как жизнь драгоценная кончится скоро —
Шутником и насмешником надобно быть.

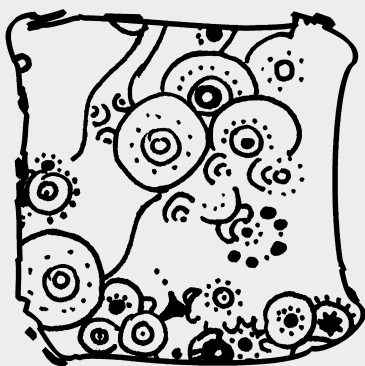

Те, в ком страсти волнуются, мысли кипят,—
Все на свете понять и изведать хотят.
Выпьют чашу до дна — и лишатся сознания,
И в объятиях смерти без памяти спят.

Отчего всемогущий Творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны — зачем умираем?
Если не совершенны — то кто бракодел?

Удивленья достойны поступки Творца!
Переполнены горечью наши сердца:
Мы уходим из этого мира, не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца.

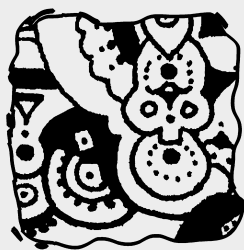
Где Бахрам отдыхал, осушая бокал,
Там теперь обитают лиса и шакал.
Видел ты, как охотник, расставив капканы,
Сам, бедняга, в глубокую яму попал?

Не одерживал смертный над небом побед.
Всех подряд пожирает земля-людоед.
Ты пока еще цел? И бахвалишься этим?
Погоди: попадешь муравьям на обед.

Долго ль будешь, мудрец, у рассудка в плену?
Век наш краток — не больше аршина в длину.
Скоро станешь ты глиняным винным кувшином.
Так что пей, привыкай постепенно к вину.

Оттого, что не праведен мир, не страдай,
Не тверди нам о смерти и сам не рыдай.
Наливай в пиалу эту алую влагу,
Белогрудой красавице сердце отдай.

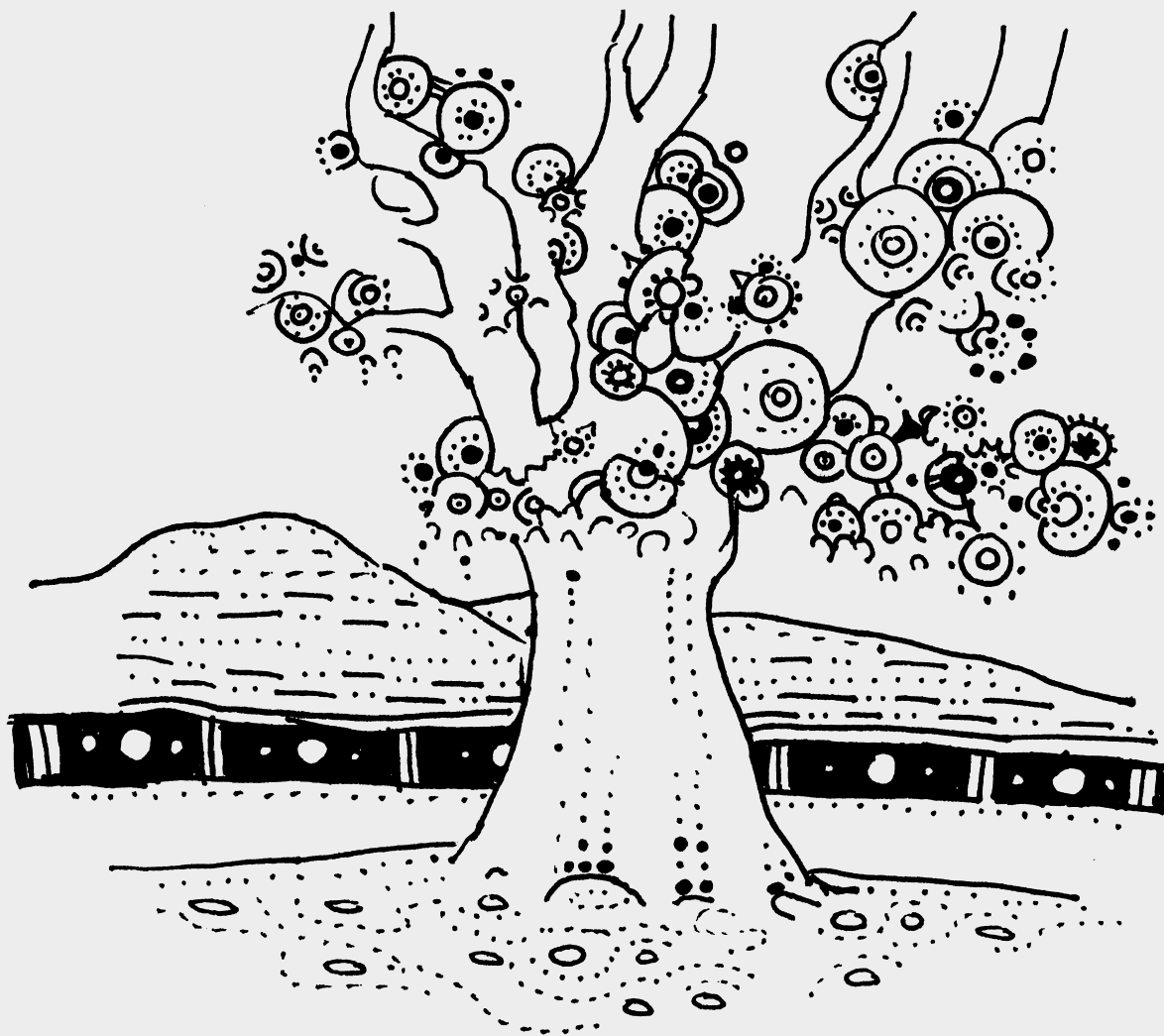

Шейх блудницу стыдил: «Ты, беспутная, пьешь,
Всем желающим тело свое продаешь?!»
«Я, — сказала блудница, — и вправду такая,
Тот ли ты, за кого мне себя выдаешь?»

Бросил пить я. Тоска мою душу сосет.
Всяк дает мне советы, лекарства несет.
Ни одно облегчения мне не приносит —
Только полная чарка Хайяма спасет!

Смысла нет перед будущим дверь запирать,
Смысла нет между злом и добром выбирать.
Небо мечет вслепую игральные кости.
Все, что выпало, надо успеть проиграть.

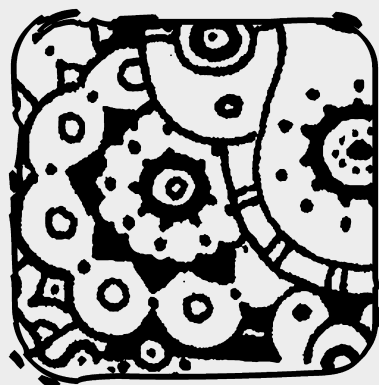
Тот усердствует слишком, кричит: «Это — я!»
В кошельке золотишком бренчит: «Это — я!»
Но едва лишь успеет наладить делишки —
Смерть в окно к хвастунишке стучит: «Это — я!»

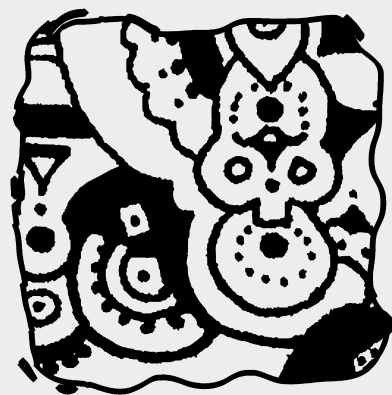
И того, кто умен, и того, кто красив,
Небо в землю упрячет, под корень скосив.
Горе нам! Мы истлеем без пользы, без цели.
Станем бывшими мы, бытия не вкусив.

В этом мире глупцов, подлецов, торгашей
Уши, мудрый, заткни, рот надежно зашей,
Веки плотно зажмурь — хоть немного подумай
О сохранности глаз, языка и ушей!

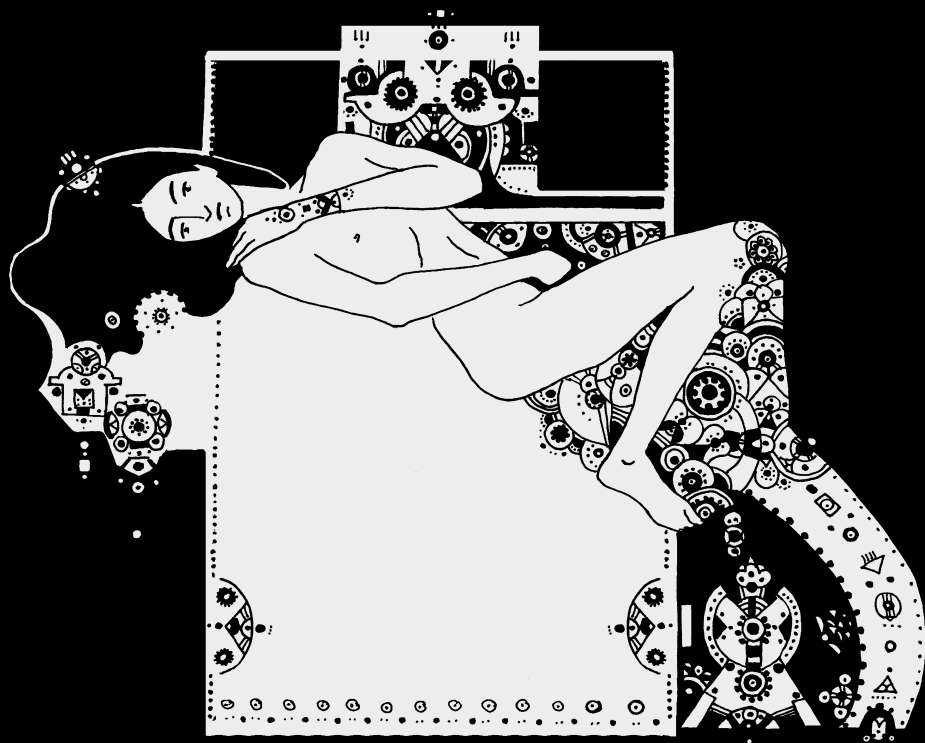
Долго ль спине придется мне гнуть или нет,
Скоро ль мне суждено отдохнуть или нет —
Что об этом вздыхать, если, даже вздыхая,
Я не знаю: успею вздохнуть или нет?

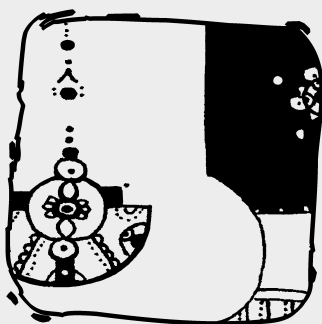
Вижу: птица сидит на стене городской,
Держит череп в когтях, повторяет с тоской:
«Шах великий! Где войск твоих трубные клики?
Где твоих барабанов торжественный бой?»

Я несчастен и мерзок себе, сознаюсь,
Но не хнычу и кары небес не боюсь.
Каждый Божеский день, умирая с похмелья,
Чашу полную требую, а не молюсь!

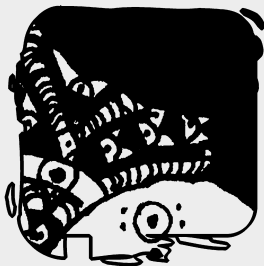
Нищий мнит себя шахом, напившись вина,
 Львом лисица становится, если пьяна.
 Захмелевшая старость беспечна, как юность.
 Опьяневшая юность, как старость, умна.

Много сект насчитал я в исламе. Из всех
 Я избрал себе секту любовных утех.
 Ты — мой Бог! Подари же мне радости рая.
 Слиться с Богом, любовью пылая, — не грех!

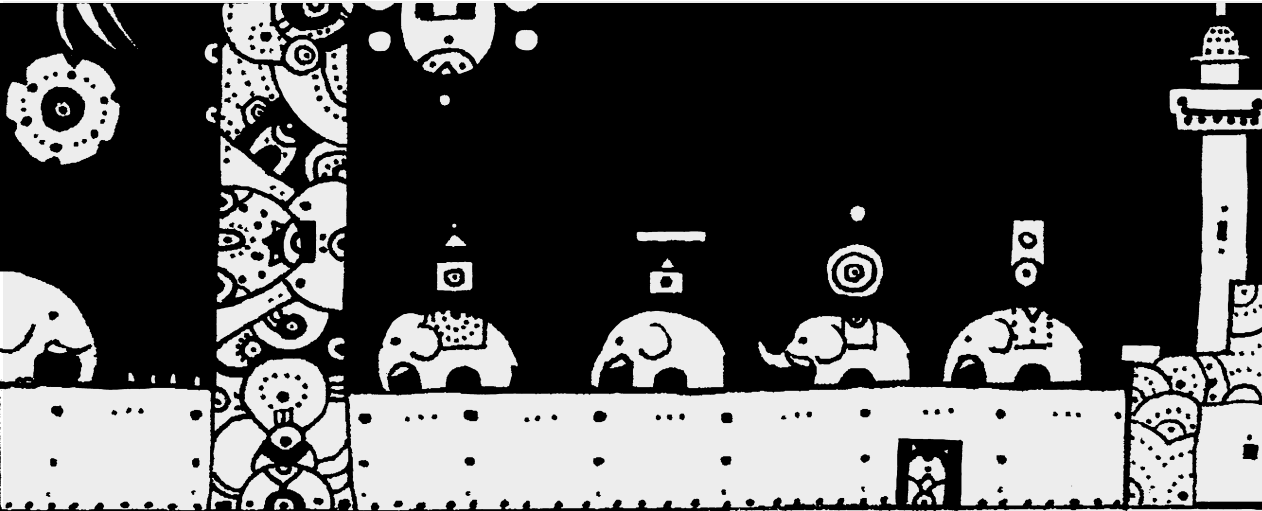
В этом мире ты мудрым сльвешь? Ну и что?
Всем пример и совет подаешь? Ну и что?
До ста лет ты намерен прожить? Допускаю.
Может быть, до двухсот проживешь. Ну и что?

Если я согрешил — то не сам по себе.
Путь земной совершил я не сам по себе.
Где я был? Кто я был? Жил впотьмах, исполняя
Все, что Он предрешил, а не сам по себе.

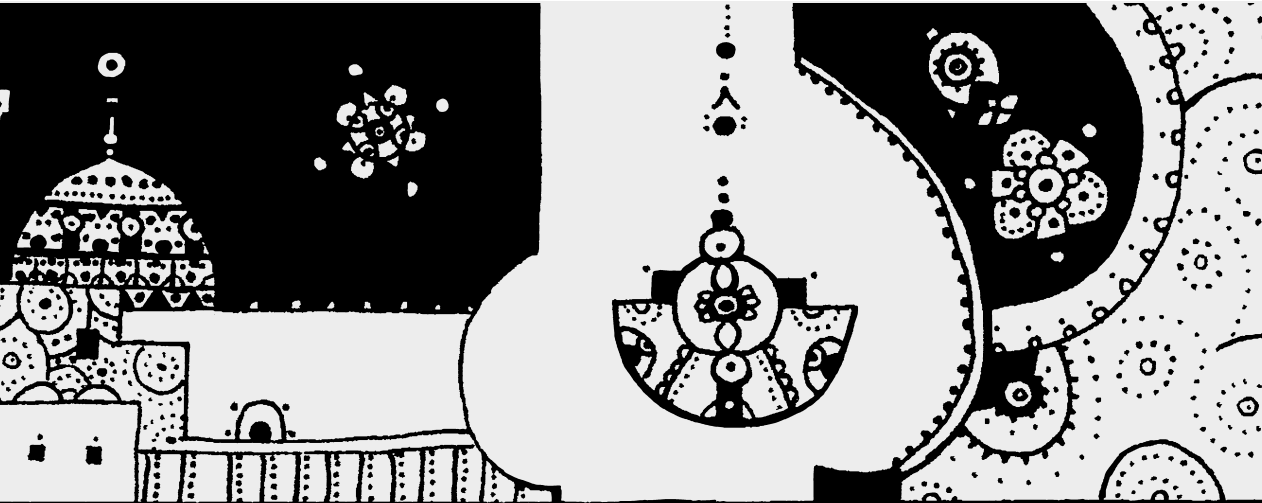
О вино! Замени мне любовь и Коран.
О духан! Я — из верных твоих прихожан.
Выпью столько, что каждый идущий навстречу
Сразу спросит: «Откуда бредет этот жбан?»

Мы чалму из тончайшего льна продадим
И корону султана спяна продадим.
Принадлежность святош — драгоценные четки,
Не торгуясь, за чашу вина продадим.

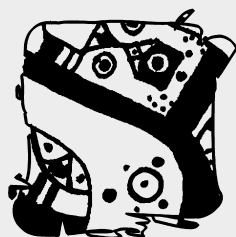
Дай вина! Здесь не место пустым словесам.
Пощелуй любимой — мой хлеб и бальзам.
Губы пылкой возлюбленной — винного цвета,
Буйство страсти подобно ее волосам.

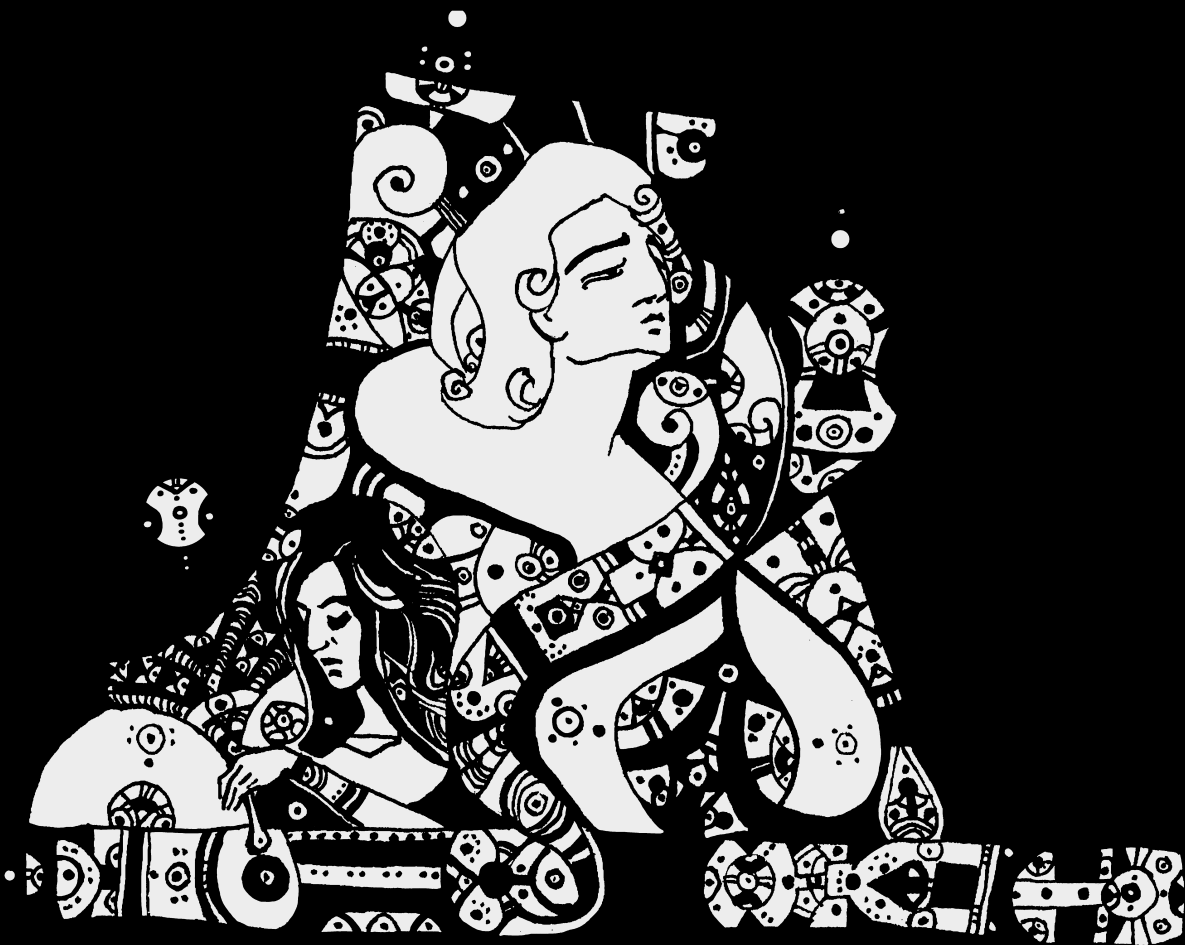
Назовут меня пьяным — воистину так!
Нечестивым, смутьяном — воистину так!
Я есть я! И болтайте себе, что хотите:
Я останусь Хайямом. Воистину так!

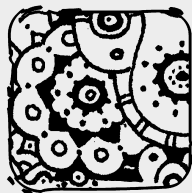
Половина друзей моих погребена.
Всем судьбой уготована участь одна.
Вместе пившие с нами на празднике жизни
Раньше нас свою чашу испили до дна.

Из всего, что Аллах мне для выбора дал,
Я избрал черствый хлеб и убогий подвал.
Для спасенья души голодал и страдал.
Ставши нищим, богаче богатого стал.

Трудно замыслы Божьи постичь, старина.
Нет у этого неба ни верха, ни дна.
Сядь в укромном углу и довольствуйся малым:
Лишь бы сцена была хоть немного видна!

Вижу смутную землю — обитель скорбей,
Вижу смертных, спешащих к могиле своей,
Вижу славных царей, луноликих красавиц,
Отблеставших и ставших добычей червей.

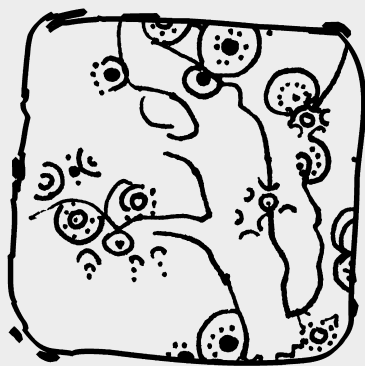
Ты, Всевышний, по-моему, жаден и стар,
Ты наносишь рабу за ударом удар.
Рай — награда безгрешным за их послушанье.
Дал бы что-нибудь мне не в награду, а в дар!

Раб страстей, я в унынье глубоком — увы!
Жизнь прожив, сожалею о многом — увы!
Даже если простит меня Бог милосердный,
Стыдно будет стоять перед Богом... увы!

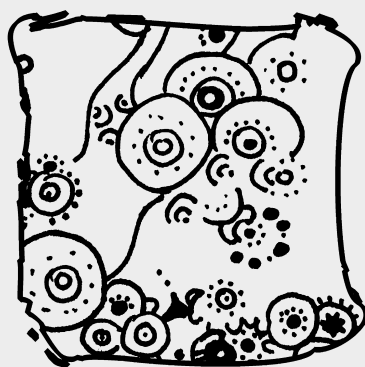

Я вчера наблюдал, как вращается круг,
Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
Лепит чаши гончар из голов и из рук,
Из великих царей и последних пьянчуг.

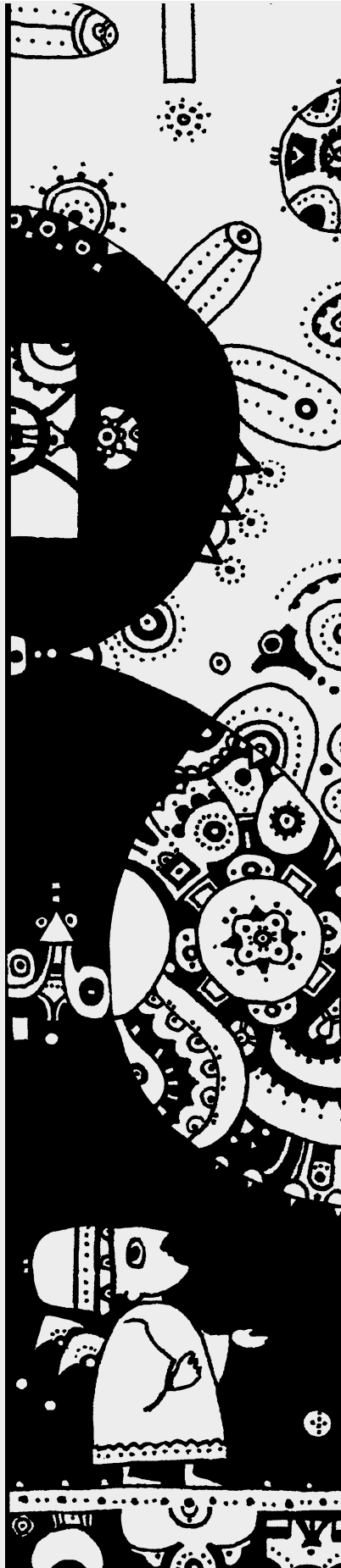
Этот старый кувшин на столе бедняка
 Был всесильным визирем в былые века.
 Эта чаша, которую держит рука,—
 Грудь умершей красавицы или щека...

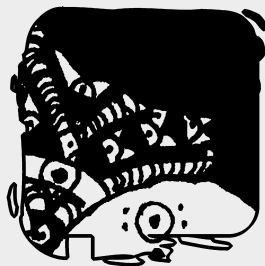

Жизнь — пустыня, по ней мы бредем нагишом.
 Смертный, полный гордыни, ты просто смешон!
 Ты для каждого шага находишь причину —
 Между тем он давно в небесах предreshен.

Не рыдай! Ибо нам не дано выбирать:
 Плачь не плачь — а придется и нам умирать,
 Глиной ставшие мудрые головы наши
 Завтра будет ногами гончар попираť.

Что сравню во Вселенной со старым вином,
С этой чашею пенной со старым вином?
Что еще подобает почтенному мужу,
Кроме дружбы почтенной со старым вином?

Рыба утку спросила: «Вернется ль вода,
Что вчера утекла? Если — да, то — когда?»
Утка ей отвечала: «Когда нас поджарят,
Разрешит все вопросы сковорода!»

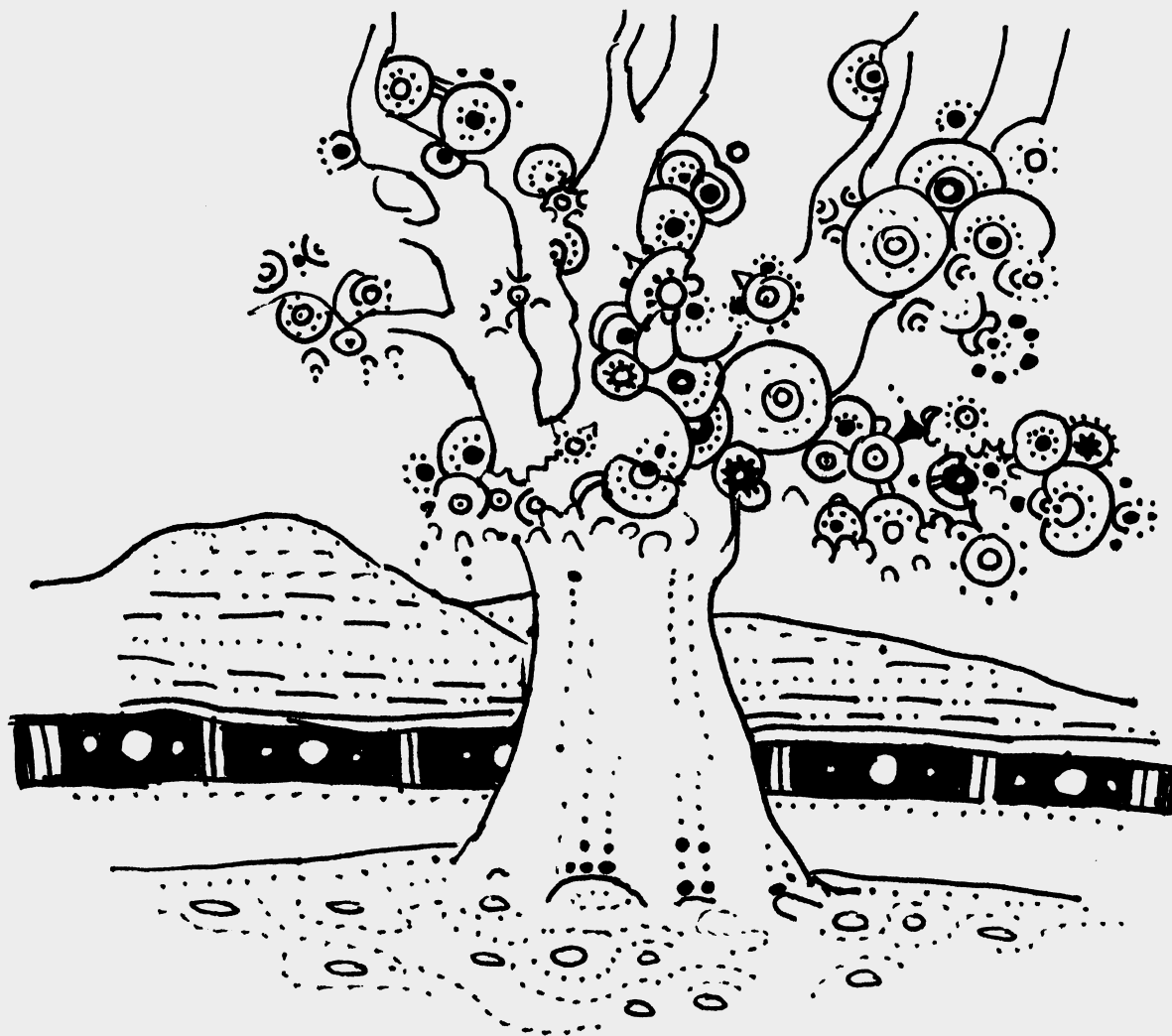

Если сердце мое отобьется от рук —
То куда ему деться? Безлюдье вокруг!
Каждый жалкий дурак, узколобый невежда,
Выпив лишку — Джамшидом становится вдруг.

Нежным женским лицом и зеленой травой
Буду я наслаждаться, покуда живой!
Пил вино, пью вино и, наверное, буду
Пить вино до минуты своей роковой!

И пылинка — живою частицей была,
Черным локоном, длинной ресницей была.
Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
Пыль, возможно, Зухрой яснолицей была!

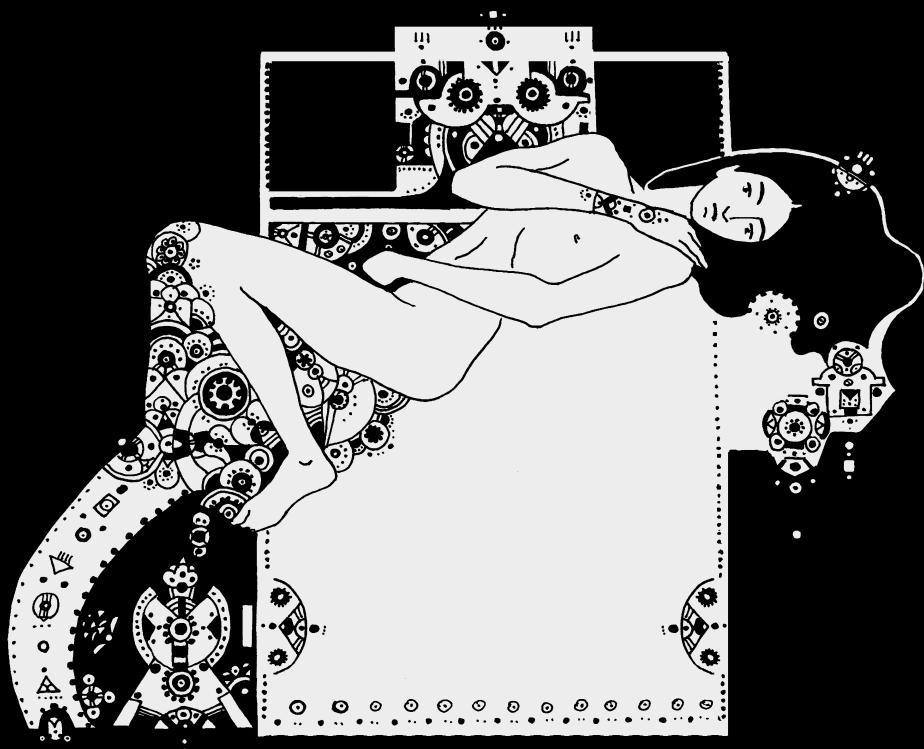

Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
Нет из ада возврата, о сердце мое!
И не надо надеяться, о мое сердце!
И бояться не надо, о сердце мое!

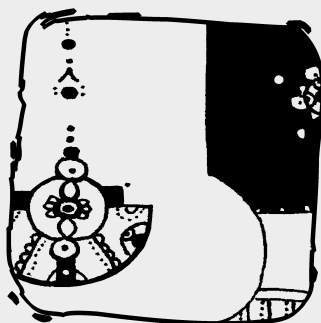

Миром правят насилие, злоба и месть.
Что еще на Земле достоверного есть?
Где счастливые люди в озлобленном мире?
Если есть — их по пальцам легко перечесать.

Я терплю издевательства неба давно.
Может быть, за терпенье в награду оно
Ниспошлет мне красавицу легкого нрава
И тяжелый кувшин ниспошлет заодно.

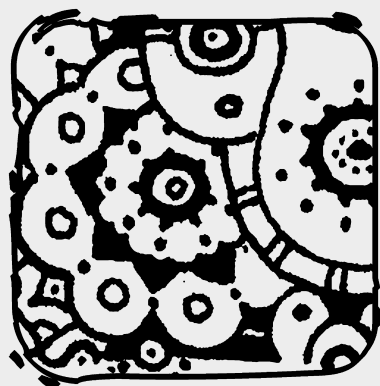

Вместо розы — колючка сухая сойдет.
 Черный ад — вместо светлого рая сойдет.
 Если нет под рукою муллы и мечети —
 Поп сгодится и вера чужая сойдет!

Чем за общее счастье без толку страдать —
 Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.
 Лучше друга к себе привязать добротой,
 Чем от пут человечество освобождать.

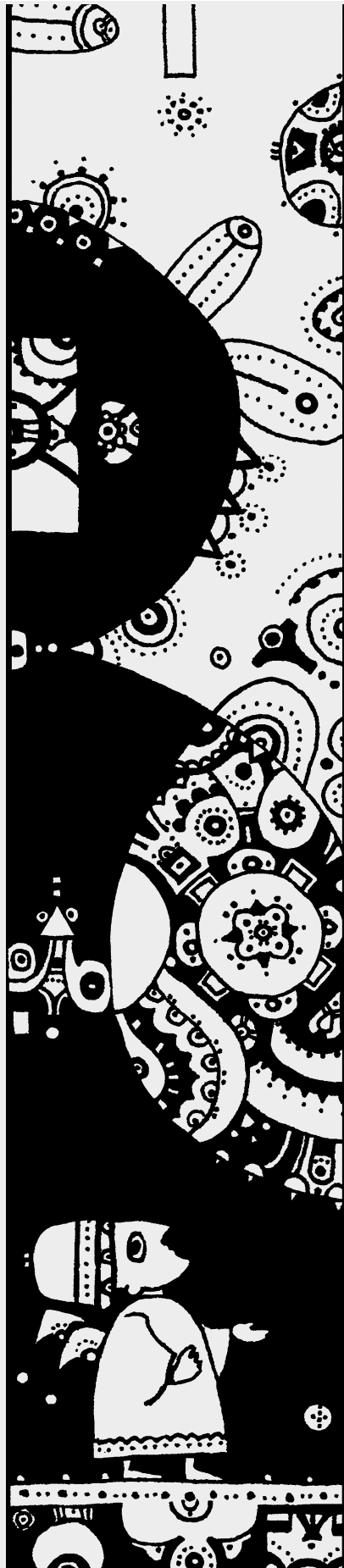
Согрешив, ни к чему себя адом страшать.
 Стать безгрешным не надо, Хайям, обещать.
 Для чего милосердному Богу безгрешный?
 Грешник нужен Всевышнему — чтобы прощать.

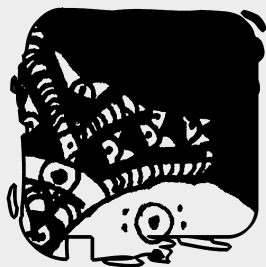

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
 Чем в число блюдолизов презренных попастьъ.
 Лучше кости глотать, чем прельститься сладостями
 За столом у мерзавцев, имеющих власть.

Недостойно — стремиться к тарелке любой,
 Словно жадная муха, рискуя собой.
 Лучше пусть у Хайяма ни крошки не будет,
 Чем подлец его будет кормить на убой!

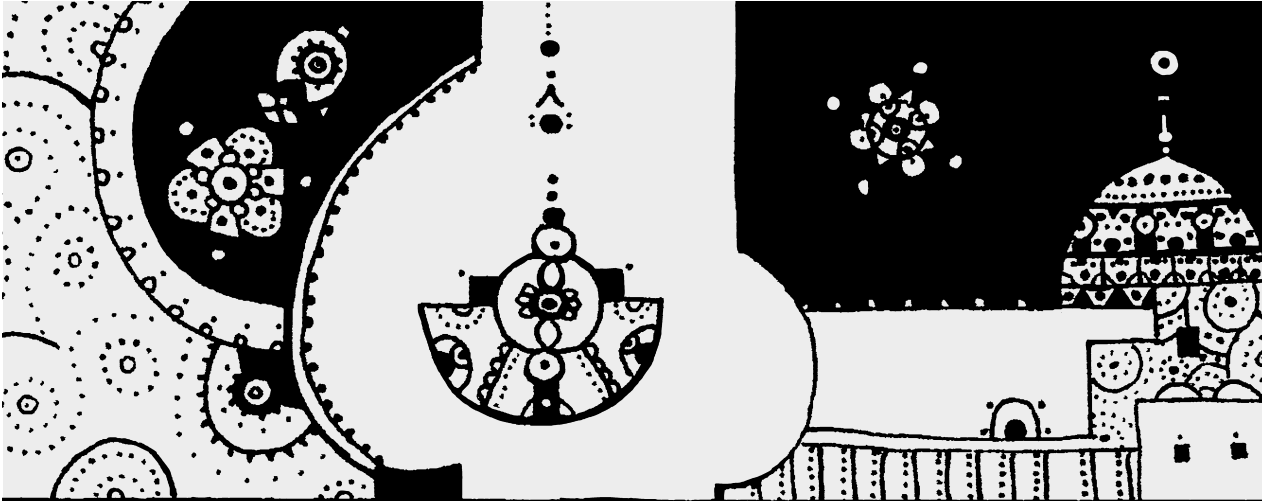
Много лет размышлял я над жизнью земной.
Непонятого нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего не известно,—
Вот последняя правда, открытая мной.

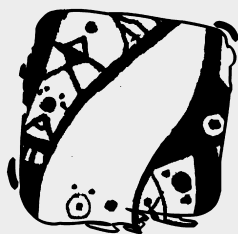
Каждый молится Богу на собственный лад.
Всем нам хочется в рай и не хочется в ад.
Лишь мудрец, постигающий замысел Божий,
Адских мук не страшится и раю не рад.

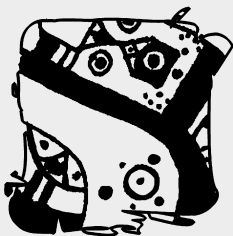
Веселись! Невеселые сходят с ума.
Светит вечными звездами вечная тьма.
Как привыкнуть к тому, что из мыслящей плоти
Кирпичи изготовят и сложат дома?

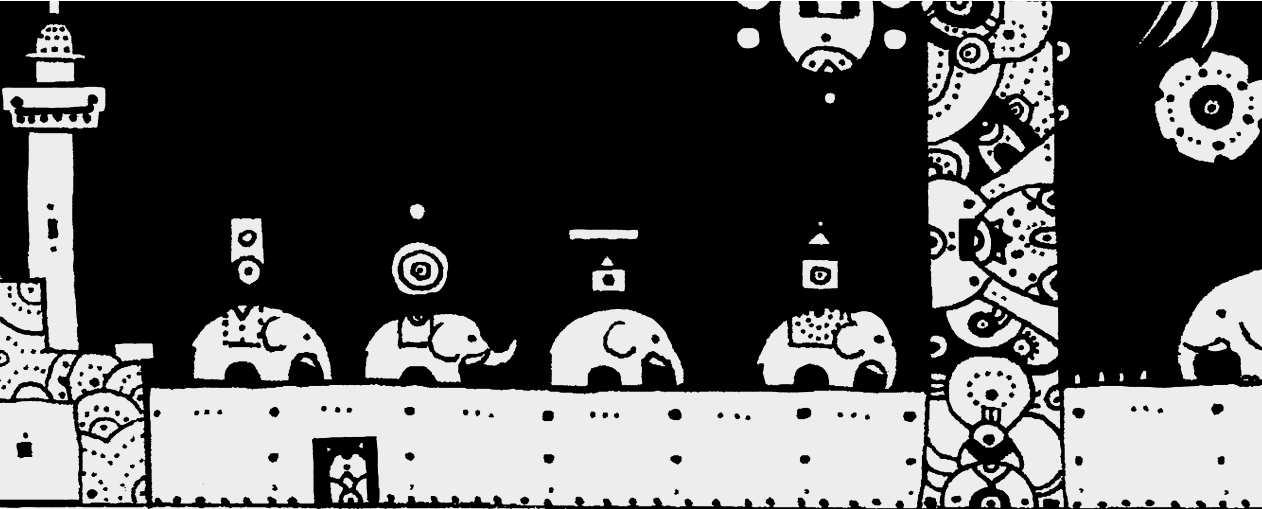
Как нужна для жемчужины полная тьма,
Так страдания нужны для души и ума.
Ты лишился всего, и душа опустела?
Эта чаша наполнится снова сама!

Нишим дервишем ставши — достигнешь высот.
Сердце в кровь изодравши — достигнешь высот.
Прочь, пустые мечты о великих свершеньях!
Лишь с собой совладавши — достигнешь высот!

Вы, злодейству которых не видно конца,
В Судный день не надейтесь на милость Творца!
Бог, простивший не сделавших доброго дела,
Не простит сотворившего зло подлца.

С той, чей стан — кипарис, а уста — словно лал,
В сад любви удались и наполни бокал.
Пока рок неминуемый, волк ненасытный,
Эту плоть, как рубашку, с тебя не сорвал!

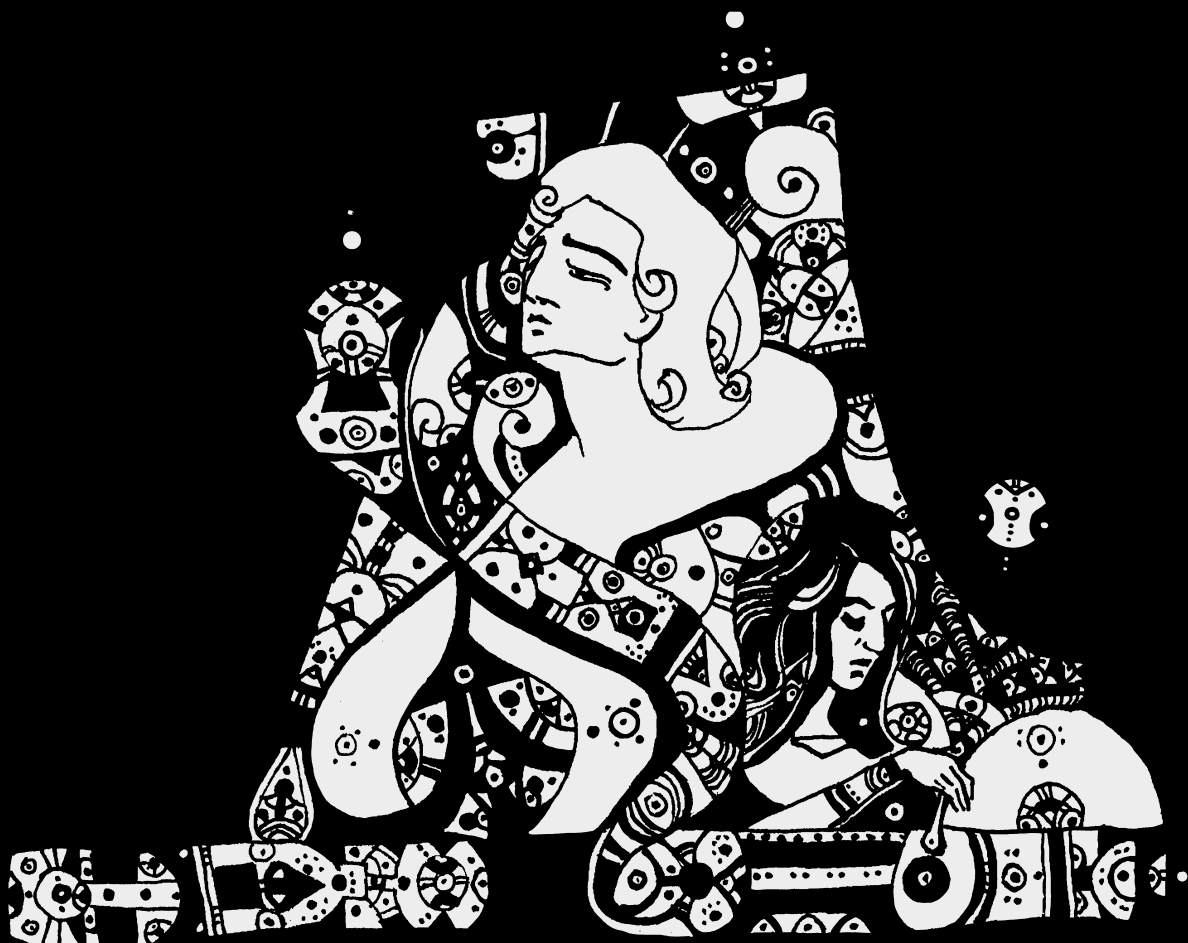

Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.

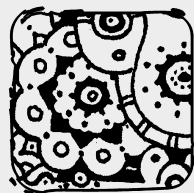

Этот райский, с ручьями журчащими, край —
Чем тебе не похож на обещанный рай?
Сколько хочешь валяйся на шелковой травке,
Пей вино и на ласковых гурий взирай!

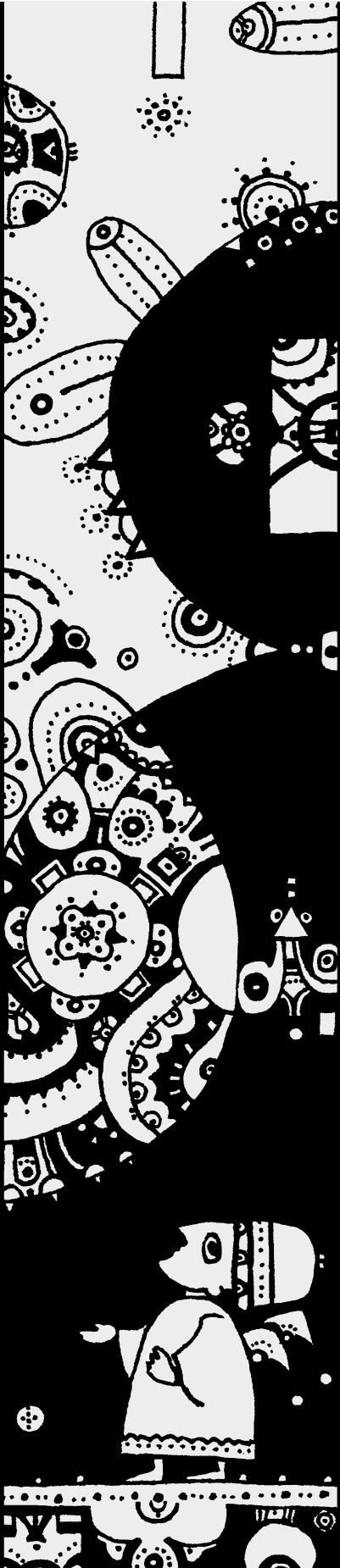
О мудрец! Если Бог тебе дал напрокат
Музыкантшу, вино, ручеек и закат —
Не выращивай в сердце безумных желаний.
Если все это есть — ты безмерно богат!

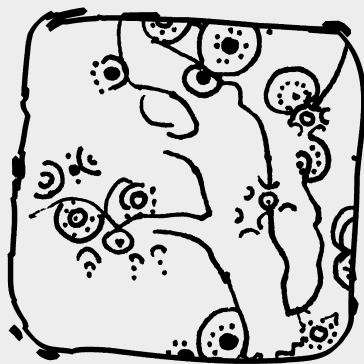
Нет различья: одна или тысяча бед.
Беспощадна к живущим семерка планет.
Беспощадны к живущим четыре стихии.
Кроме чаши вина — утешения нет.

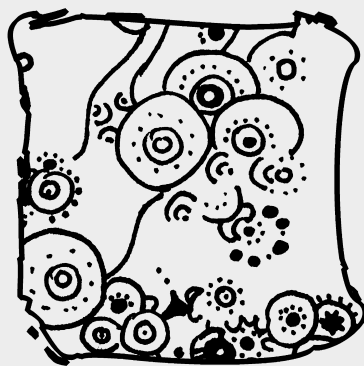
«Ад и рай — в небесах», — утверждают ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
Ад и рай — не круги во дворце мироздания,
Ад и рай — это две половинки души.

Жизнь моя — не запойное чтение книг,
Я с хвалебной молитвою к чарке приник.
Если трезвый рассудок — твой строгий учитель,
Ты рассудка не слушай: он — мой ученик!

Я нигде преклонить головы не могу.
Верить в мир замогильный — увы! — не могу.
Верить в то, что, истлевши, восстану из праха
Хоть бы стеблем зеленой травы — не могу.

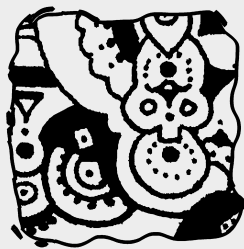
Дураки мудрецом почитают меня,
Видит Бог: я не тот, кем считают меня.
О себе и о мире я знаю не больше
Тех глупцов, что усердно читают меня.

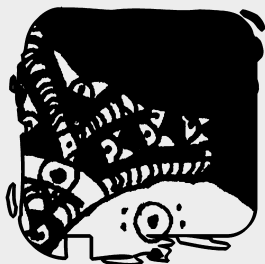
Этот мир — эти горы, долины, моря —
Как волшебный фонарь. Слово лампа — заря.
Жизнь твоя — на стекле нанесенный рисунок,
Неподвижно застывший внутри фонаря.

Я страдать обречен до конца своих дней,
Ты же день ото дня веселишься сильнее.
Берегись! На судьбу полагаться не вздумай:
Много хитрых уловок в запасе у ней.

Мы похожи на циркуль, вдвоем, на траве:
Головы у единого тулова две,
Полный круг совершаем, на стержне вращаясь,
Чтобы снова совпасть головой к голове.

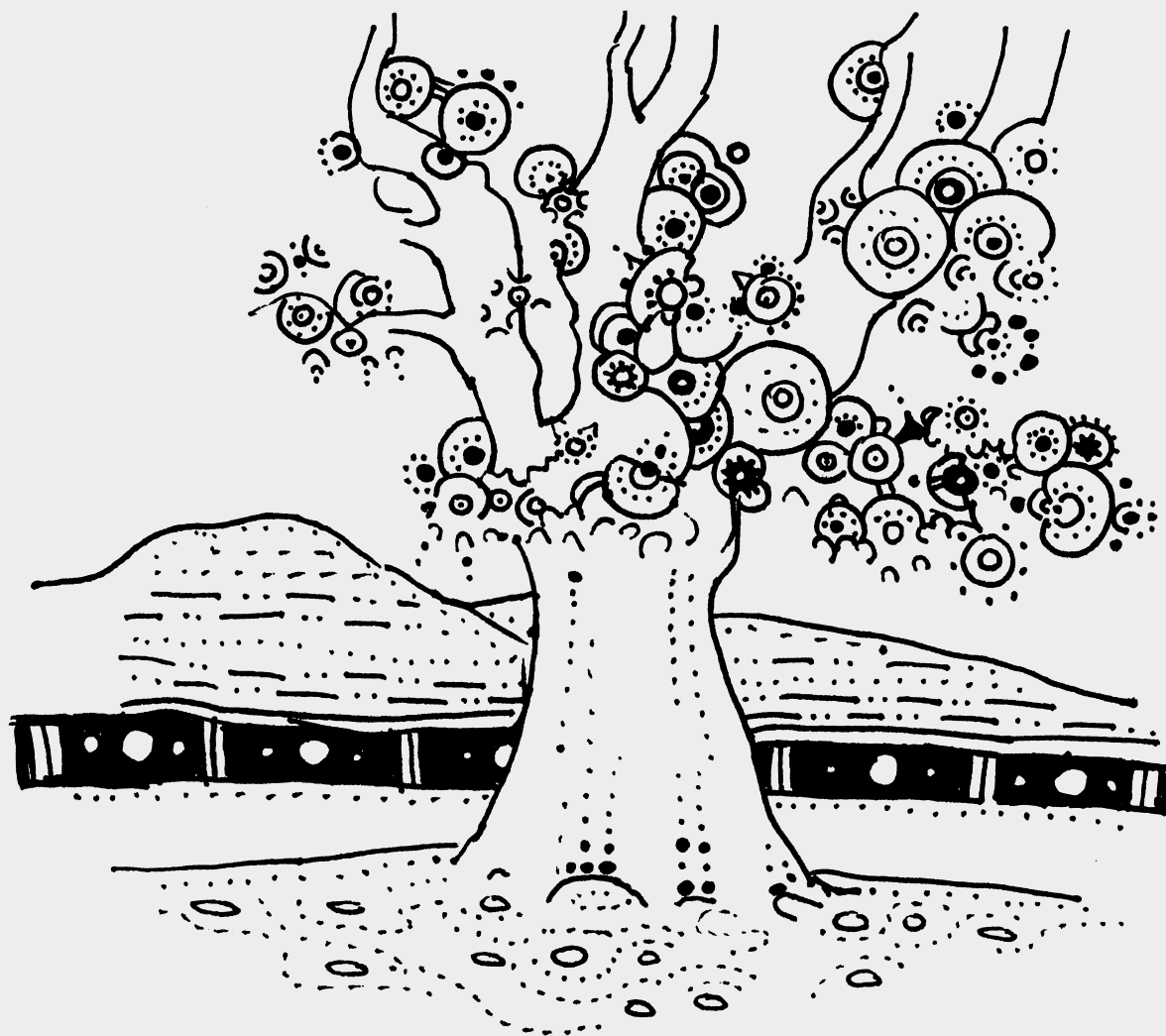

Ты при всех на меня накликаешь позор:
Я безбожник, я пьяница, чуть ли не вор!
Я готов согласиться с твоими словами,
Но достоин ли ты выносить приговор?

От излишеств моих — разве Ты обнищал?
Что за прибыль Тебе, если я отошал?
Я смиренно прошу, чтобы Ты, милосердный,
Нас пореже карал и почаще прошал.

Я однажды кувшин говорящий купил.
«Был я шахом! — кувшин безутешно вопил. —
Стал я прахом. Гончар меня вырвал из праха.
Сделал бывшего шаха утехой кутил».

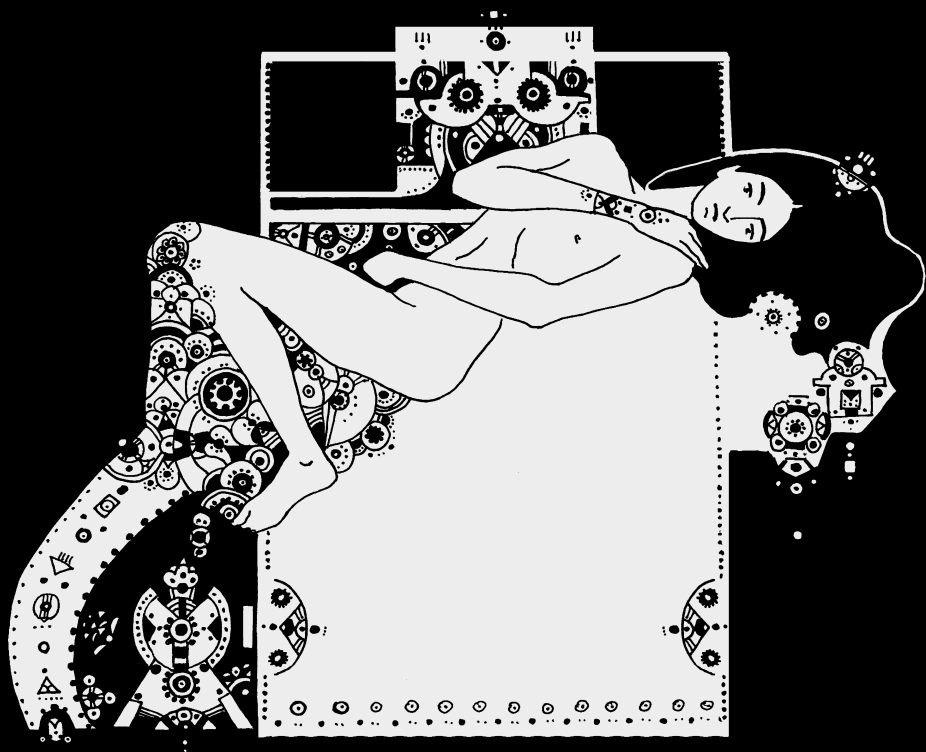

Из сиреновой тучи на зелень равнин
Целый день осыпается белый жасмин.
Наливаю подобную лилии чашу
Чистым розовым пламенем — лучшим из вин.

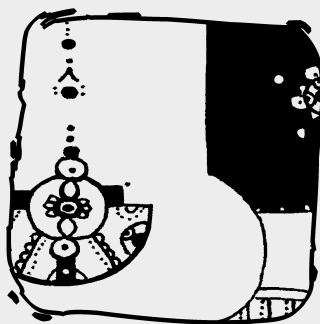

Знайся только с достойными дружбы людьми,
С подлецами не знайся, себя не срами,
Если подлый лекарство нальет тебе — вылей!
Если мудрый подаст тебе яду — прими!

Как прекрасны и как неизменно новы
И румянец любимой, и зелень травы.
Будь веселым и ты: не скорби о минувшем,
Не тверди, обливаясь слезами: «Увы!»

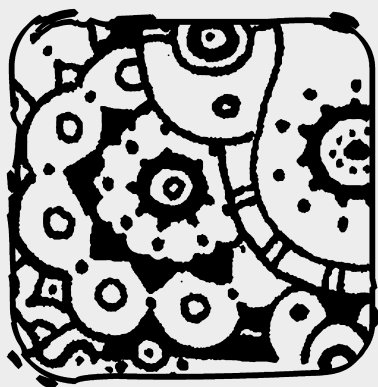

Страсть к неверной сразила меня, как чума.
 Не по мне моя милая сходит с ума!
 Кто же нас, мое сердце, от страсти излечит,
 Если лекарша наша страдает сама?

В поднебесье светил ослепительных тьма,
 Помыкая тобою, блуждает сама.
 О мудрец! Заблуждаясь, в сомнениях теряясь,
 Не теряй путеводную нитку ума!

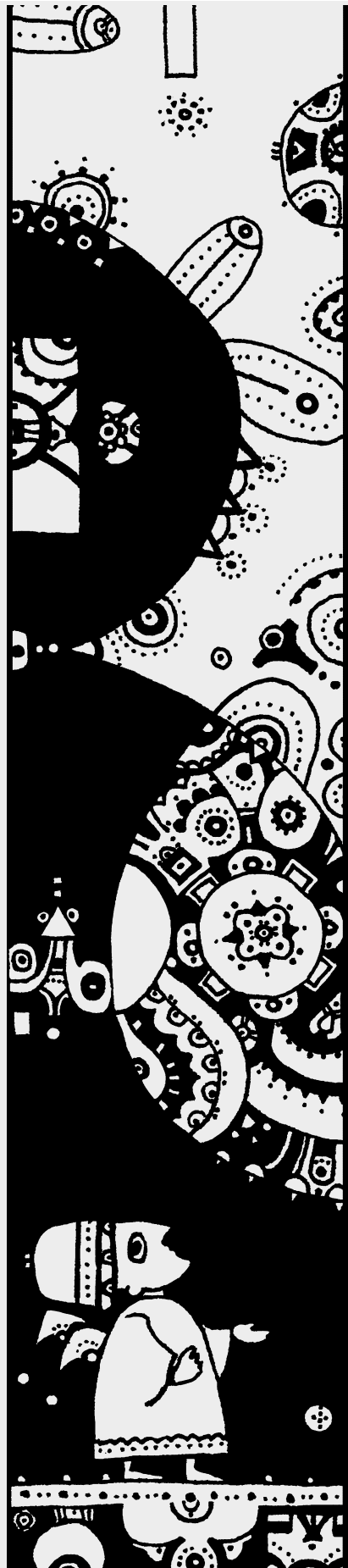
В окруженье друзей, на веселом пиру
 Буду пить эту влагу, пока не умру!
 Буду пить из прекрасных гончарных изделий
 До того, как сырьем послужить гончару.

Хоть мудрец — не скупец и не копил добра,
 Плохо в мире и мудрому без серебра.
 Под забором фиалка от нищенства никнет,
 А богатая роза красна и щедрa!

Все, что в мире нам радует взоры,— ничто.
 Все стремления наши и споры — ничто.
 Все вершины Земли, все просторы — ничто.
 Все, что мы волочем в свои норы,— ничто.

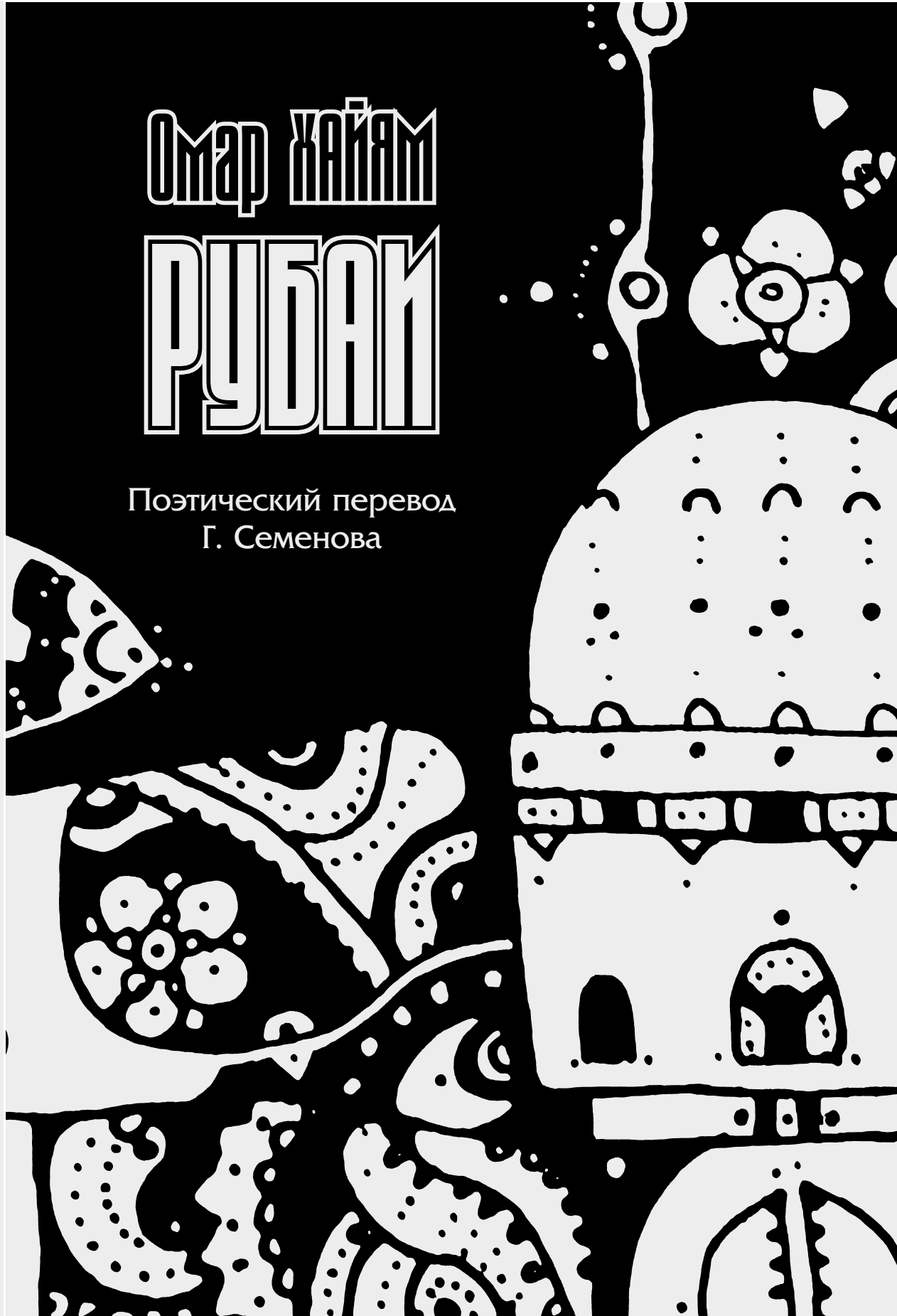

Когда глину творенья Аллах замесил,
Он меня о желаниях моих не спросил.
И грешил я по мере отпущенных сил.
Справедливо ль, что в рай меня Бог не впустил?

Омар Хайям РУБАИ

Поэтический перевод
Г. Семенова

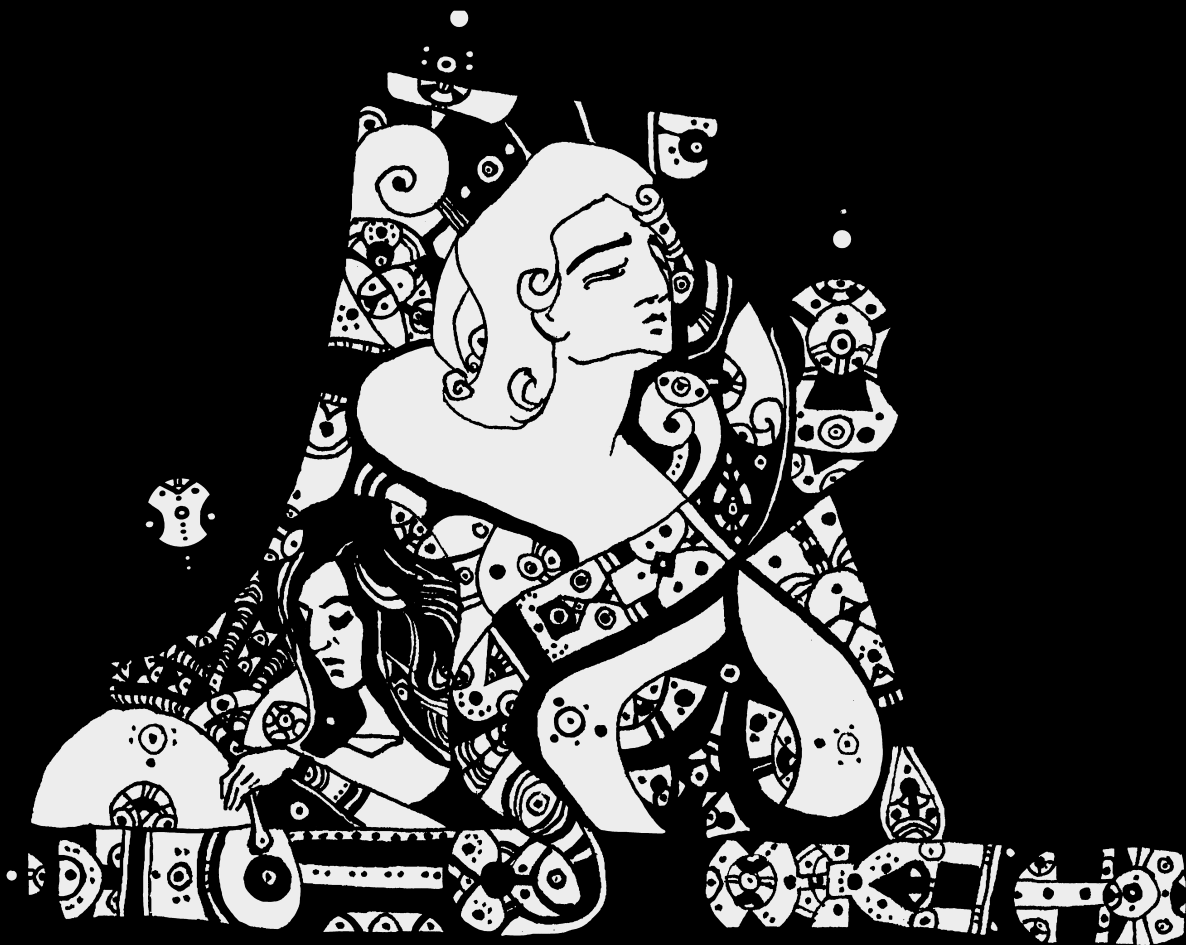
Омар ХАЙЯМ

РУБАИ

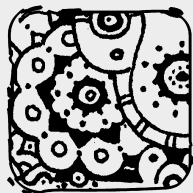
Поэтический перевод
Г. Семенова

Когда Вселенную настигнет день конечный,
И рухнут небеса, и Путь померкнет Млечный,—
Я, за полу схватив Создателя, спрошу:
«За что же ты меня убил, Владыка вечный?»

Благоговейно чтят везде стихи Корана.
Но как читают их? Не часто и не рьяно.
Тебя ж, сверкающий вдоль края кубка стих,
Читают вечером, и днем, и утром рано.

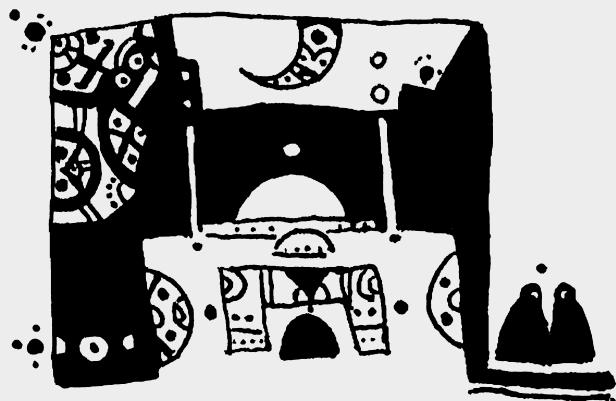
Ко мне ворвался ты, как ураган, Господь,
И опрокинул мне с вином стакан, Господь!
Я пьянству предаюсь, а ты творишь бесчинства?
Гром разрази меня, коль ты не пьян, Господь!

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Красой затмила ты Китая дочерей,
Жасмина нежного твое лицо нежней.
Вчера взглянула ты на шаха Вавилона
И все взяла: ферзя, ладьи, слонов, коней.

И сияние рая, и ада огни —
Мне мерещились на небе в давние дни.
Но Учитель сказал: «Ты в себя загляни —
Ад и рай, не всегда ли с тобою они?»

Если ты не слепой, мглу могильную зри!
Эту, полную смут, землю пыльную зри!
Сильных мира сего в челюстях муравьиных —
Этот мир, эту тризну обильную — зри!

Долго ль будешь ты всяким скотам угождать?
Только муха за харч может душу отдать!
Кровью сердца питайся, но будь независим.
Лучше слезы глотать, чем объедки глодать.

Знай: в любовном жару — ледяным надо быть.
На сановном пиру — нехмельным надо быть.
Чтобы уши, глаза и язык были целы, —
Тугоухим, незрячим, немым надо быть.

О, доколе ты по свету будешь кружить,
Жить — не жить, ненасытному телу служить?
Где, когда и кому, милый мой, удавалось
До потери желаний себя ублажить?

Омар ХАЙЯМ РУБАИ

Поэтический перевод А. Кушнера

Омар ХАЙЯМ

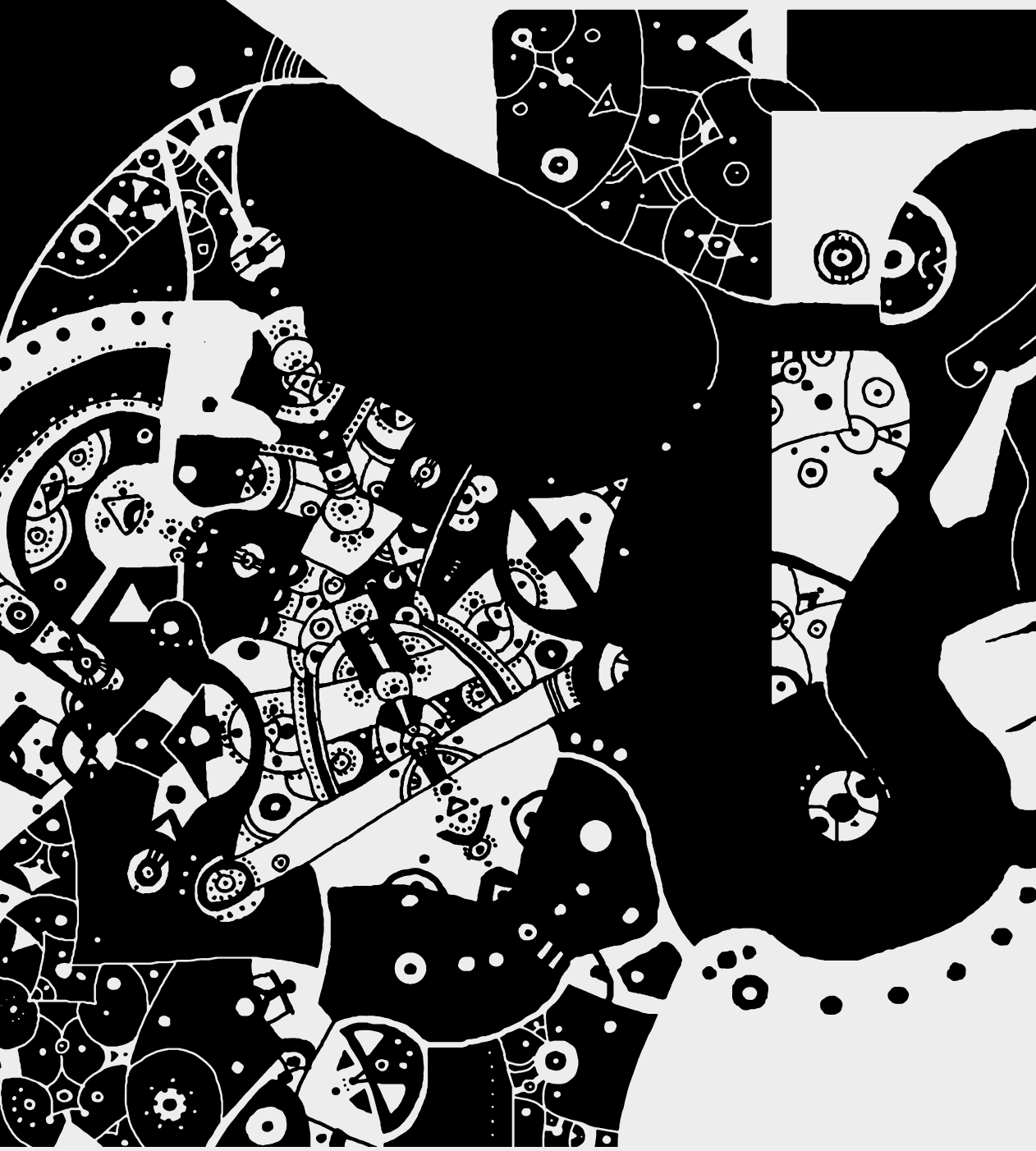
РУБАИ

Поэтический перевод
А. Кушнера

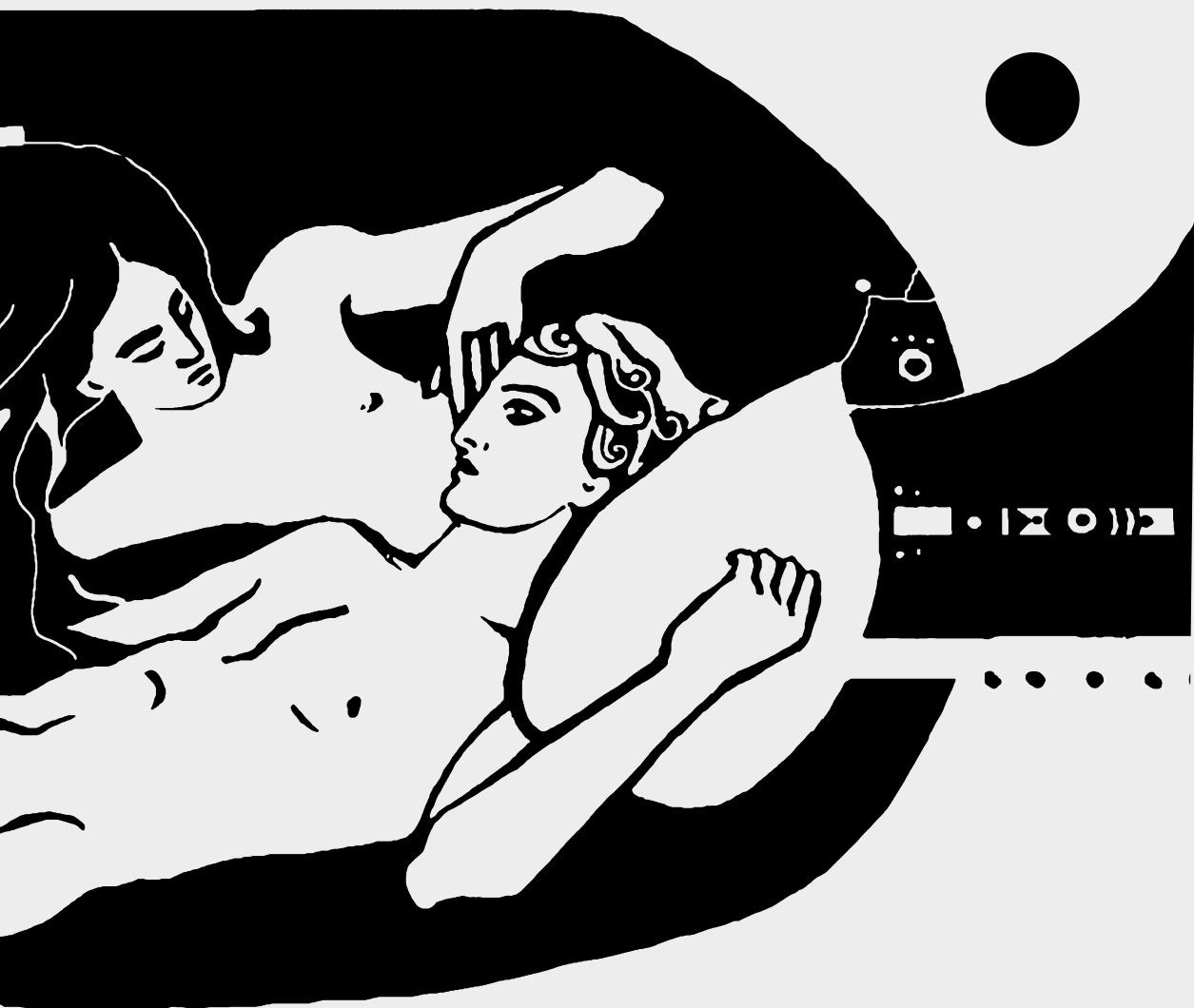

Как хотел, так себя ты и тешил всю жизнь,
Пил с друзьями и жен своих нежил всю жизнь.
Перед тем, как уйти, оглянулся — и что же? —
Все приснилось, как будто и не жил всю жизнь.

До того, как замрешь на последней меже,
В этой жизни подумать успеи о душе,
Ибо там, оказавшись с пустыми руками,
Ничего наверстать не успеешь уже.

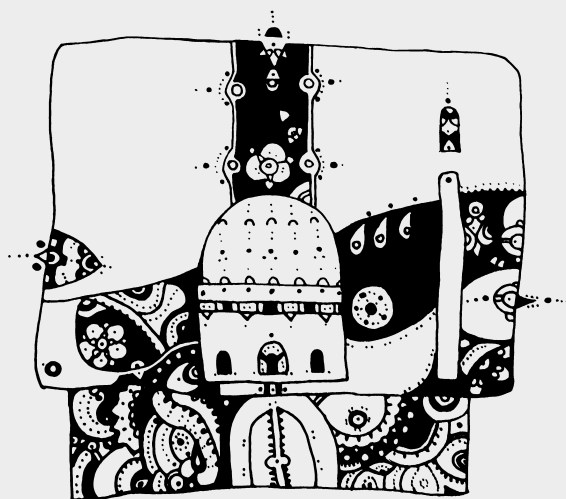
Возвеличит молва — то вина не твоя.
Полетит голова — то вина не твоя.
Ах, добро или зло приключится с тобою,
Вспомни эти слова — то вина не твоя.

Сердце! Пусть хитрецы, сговорясь заодно,
Осуждают вино, дескать, вредно оно.
Если душу отмыть свою хочешь и тело —
Чаше слушай стихи, попивая вино.

Думал, казий и муфтий мне смогут помочь
Верный путь обрести, скорби дух превозмочь,
Но, пожив, убедился, что эти всезнайки
Знают, друг мой, как я, так же мало точь-в-точь.

Жил ты, бедную душу грехами губя,
Без раскаянья жил, никого не любя,
И когда до своей доберешься могилы,
Отвернется, пожалуй, земля от тебя.

ТРАКТАТ

«О БЫТИИ
И ДОЛЖЕНСТВОВАНИИ»

мудреца Омара
Ибн Ибрахима
Ал-Хаййями

ТРАКТАТ
«О БЫТИИ
И ДОЛЖЕНСТВОВАНИИ»

мудреца
Омара Ибн Ибрахима Ал-Хаййями

Во имя Аллаха милостивого, милосердного.

Ответ Абу-л-Фатха Омара ибн Ибрахима ал-Хайями на письмо судьи и имама Абу Насра Мухаммада ибн Абда ар-Рахима ан-Насави, ученика аш-Шейх ар-Раиса, в котором он спрашивает о мудрости Творца в сотворении мира и в особенности человека и об обязанности людей молиться.

Хвала Аллаху милосердному и благодетельному и мир избранным Его рабам, в особенности господину пророков Мухаммаду и его чистому роду.

Абу Наср Мухаммад ибн Абд ар-Рахим ан-Насави, имам и судья провинции Фарс, в 473 году написал досточтимому господину доказательства истины, философу, ученому, оплоту веры, царю философов Запада и Востока, Абу-л-Фатху Омару ибн Ибрахиму ал-Хайями, — да освятит Аллах его душу! — письмо, содержащее соображения о мудрости благословенного и всевышнего Аллаха в сотворении мира и в особенностях человека и об обязанности людей молиться, дополненное многочисленными стихами, из которых сохранились только следующие:

— О восточный ветер, если ты соблюдаешь договор по отношению ко мне, провозгласи мир ученойшему ал-Хайями.

Смиренно поцелуй перед ним прах земли, так смиренно, как тот, кто пользуется дарами мудрости.

Он — мудрец, облака которого орошают живой водой истлевшие кости.

Он берет из философии о бытии и долженствовании то, благодаря чему его доказательства не нуждаются в вопросах «почему».

На это Хайям ответил следующим трактатом:

— О единственный, достославный и совершенный глава, да продолжит Аллах твое существование и продлит твою жизнь, да возвысит тебя и отвратит тебя от зла! Твои знания обильнее знаний всех моих сверстников, твои совершенства далеко превосходят их совершенства и твоя душа чище, чем их души. Поэтому ты знаешь гораздо лучше, что вопросы бытия и долженствования относятся к таким трудным вопросам, решение которых оказалось невозможным для большинства ими занимавшихся и их обсуждавших. Каждый из этих вопросов состоит из нескольких подразделений, каждое из этих подразделений нуждается в некоторых видах труднодостижимых критериев, основывающихся на различных утверждениях, вызывающих спор между теми, кто этим занимался. Эти два вопроса являются одними из завершающих вопросов высшей науки и первой философии, мнения говорящих о них очень противоречивы, а раз дело обстоит так, тем более было бы трудно говорить об этих вопросах, если бы ты не почтил меня предложением обсудить и поспорить по этим двум вопросам. Поэтому я не могу не заняться перечислением подразделений этих двух вопросов и всех их разновидностей и объяснением всех их доказательств, насколько я разобрал их и разработали их мои учителя и предшественники. Я буду краток, так как у меня мало времени и нет возможности расширить рассуждение, сделав его длинным, многословным и подробным. Насколько я знаю, твой ум и твоя интуиция — да охранит Аллах твои достоинства! — удовле-

творяются малым из многого и намеком из объяснения. Мои слова об этих вопросах будут как слова наставляемого, а не наставника, ученика, а не учителя. Я вдохновляюсь тем, что исходит из твоего благородства, и черпаю из твоего полноводного моря. Да продлит Аллах твое достоинство и да не лишит он нас твоего покровительства. Я прибегаю к помощи всевышнего Аллаха, благодетельного и дарующего справедливость.

Истинные существенные вопросы, употребляемые в искусстве философии, это три вопроса, являющиеся источником всех других вопросов.

Первый из них — это вопрос «есть ли это», т. е. вопрос о том, есть ли вещь, и о доказательстве этого. Например, если бы мы сказали: «Существует ли разум или нет?», — то ответ будет «да» или «нет».

Второй вопрос — «что это», т. е. вопрос об истине вещи и ее сущности. Например, если бы мы сказали: «Что есть истина разума?», — то ответ состоит в определении, описании, расчленении или разъяснении названия. Этот вопрос не требует от отвечающего выбора между отрицанием и утверждением, здесь отвечающий должен ответить то, что он хочет, из того, что он считает определением вещи или представлением о ней.

И третий вопрос — «почему», т. е. вопрос о причине, благодаря которой вещь существует и без которой эта вещь не существовала бы. Например, если бы мы сказали: «Почему существует разум?», — то ответ на этот вопрос также не требует от отвечающего выбора между двумя противоположностями. Но он должен дать ответ так, чтобы ни одна из частей его исчерпывающего ответа о причине этого не была бы альтернативой, за исключением того, что касается второго вопроса.

Между вопросом «что» и вопросом «почему» имеются соотношения, о которых говорится в «Книге доказательства» из «Книг логики». Каждый из этих вопросов подразделяется на различные виды, упоминать которые нам нет необходимости. Только упомянем, что вопрос «что» согласно первому подразделению разделяется на два вида. Упомянуть о них обоим необходимо, так как люди этого искусства имеют различные мнения об этом.

Один из двух видов вопроса «что» — это «что» истинное, говорящее об истине вещи. Этот вид следует за вопросом «есть ли», так как если мы не знаем, обладает ли вещь определенным существованием, мы не можем рассуждать о ее сущности, ибо то, что не существует, не обладает истинной сущностью.

Второй вопрос — «что» описательное, говорящее об объяснении названия, применяемого к данной вещи. Оно предшествует вопросу «есть

ли вещь», так как если нам не разъяснен смысл речи того, кто говорит: «Существует ли западная «унка» или нет?», — мы не можем ответить утвердительно или отрицательно. Поэтому необходимо, чтобы ответ, разъясняющий название, предшествовал вопросу «есть ли».

Так как некоторые из занимавшихся логикой не поняли этого подразделения вопроса «что» на два вида, это привело их к путанице и растерянности. Некоторые из них считают, что вопрос «что» следует за вопросом «есть ли», имея в виду истинный вид, некоторые считают, что он, вопрос «что», предшествует ему, вопросу «есть ли», имея в виду описательный вид.

Что касается вопроса «почему», то он следует за обоими последними вопросами [«что» и «есть ли»], так как если мы не знаем истины вещи и есть ли она, то не можем узнать и причины существования этой вещи.

Имеются и другие вопросы, например «какой», «как», «сколько», «когда», «где», но они являются случайными, говорят о случайных для данной вещи истинах, доказываемых с ее помощью, и, следовательно, при исчерпывающем исследовании включаются в истинные существенные вопросы, так что мы не нуждаемся в упоминании этих вопросов.

Существующее никогда не может быть без вопросов «что» и «есть ли», а также без определенности, так как то, что не обладает вопросом «есть ли» и определенностью, будет несуществующим, тогда как мы предложили его существующим, что нелепо. Также вещь никогда не может быть без истины и сущности, при помощи которой она определяется и выделяется из всего остального, так как то, что не имеет определения и не выделяется из всего остального, будет несуществующим, тогда как мы предложили его существующим, что нелепо.

Среди сущего могут быть такие вещи, которые не обладают вопросом «почему». Это необходимые вещи, которые не могут не существовать, и если мы предположим их несуществующими, то из этого необходимо вытекает нелепость. Вещь, действительно обладающая этим свойством, не имеет причины и вопроса «почему», следовательно, имеет место необходимость существования по самой своей сущности. Это — Единственный и Вечно Живой, являющийся причиной существования всего сущего, его щедрость и мудрость дарует всяческое благо и справедливость, велико его величие и священны его имена. Это вопрос, не относящийся к нашей цели. Если ты рассмотришь все существующие вещи и вопросы «почему» для них, то увидишь, что вопросы «почему» для всех вещей приводят к вопросам «почему», условиям и причинам, не имеющим ни вопросов «почему», ни условий, ни причин. Доказа-

тельство этого таково. Если спрашивается: «Почему АВ?», — мы говорим: «Потому что [А] С»; если спрашивается: «Почему АС?», — мы говорим: «Потому что [А] D»; если спрашивается: «Почему AD?», — мы говорим: «Потому что [А] Е», и так далее. Поэтому такое рассуждение необходимо приводит к причине, не имеющей причин, так как иначе мы получили бы бесконечную цепь или порочный круг, а и то и другое нелепо. На самом деле все причины существующих вещей приводят к причине, не имеющей причины. В божественной науке объясняется, что причина, не имеющая причины, есть Необходимо Существующий по своей сущности, Единый во всех отношениях и Свободный от всех видов недостатков. Все вещи существуют благодаря ему и приводят к нему. Отсюда ясно, что вопрос «почему» не может быть применен к любому сущему, его можно применить только к таким существующим вещам, несуществование которых не невозможно. К Единому Необходимо Существующему этот вопрос применить нельзя.

После предложения этих предпосылок и их краткого обсуждения перейдем к нашей цели — речи о бытии и долженствовании.

Мы говорим, что слово «бытие» применяется в нескольких значениях, и отбросим те значения, которые не относятся к нашей цели. Мы говорим, что бытие, о котором здесь идет речь, является существованием вещей, существование которых возможно и предположение о несуществовании которых не приводит к нелепости. Что касается вопроса «есть ли» по отношению к такой вещи, то, например, если говорится: «Имеются ли существующие вещи с указанным свойством или нет?», ответ будет «да». Если от нас требуют доказать наличие этих существующих вещей, то совершенно ясно, что чувства, необходимые наблюдения и заключения разума освобождают нас от каких-либо других доказательств, — к этой категории относятся все существующие вещи и свойства, которые были до нас, поскольку нашим телам и судьбам предшествовало небытие.

Что касается причины абсолютного бытия, то существующие вещи последовательно происходят в виде нисходящей цепи, от первого истинного начала, всемогущего и великого как по ширине, так и по длине. От его истинной чистой щедрости происходит все возможное. Таким образом, щедрость всевышнего Творца является причиной всего сущего. Если от нас потребуют ответа на вопрос «почему» о его щедрости, мы скажем, что она не допускает вопроса «почему», так как она необходима. Подобно тому как основа Необходимо Существующего не допускает вопроса «почему», этого вопроса не допускает и щедрость и все Его качества.

Из ряда этих вопросов вызывает сомнение самый трудный и самый важный вопрос в этой главе: почему существующие вещи не одинаковы по благородству? Знай, что этот вопрос, вызывающий смущение у большинства людей, так что почти нет такого мудреца, которого не охватило бы смущение по поводу этой главы. Я и мой учитель аш-шейх ар-раис Абу Али ал-Хусайн ибн Абдаллах ибн Сина ал-Бухари — да возвысит Аллах его достоинство! — обратили внимание на этот вопрос, и, быть может, нами это обсуждение доведено до удовлетворения наших душ, возможно, вследствие слабости наших душ, удовлетворяющихся недостаточным при приукрашенной наружности, а может быть, благодаря тому, что эта речь сильна по существу и ею нельзя не удовлетвориться. Подойдем к краю этого на пути намека и скажем, что истинное достоверное доказательство основывается на том, что существующие вещи не созданы всевышним Аллахом все вместе, а Он создал их в нисходящем порядке, отправляющимся от Него в виде цепи порядка. Первое творение есть чистый разум, являющийся самым благородным среди существующих вещей, вследствие своей близости к первому истинному началу. Затем таким же образом Он создал более благородное, спускаясь к более и более низкому, до тех пор пока Он в своем творении не дошел до самого низкого из существующих вещей — праха разложившегося сухого. Затем Он начал создавать, восходя от него к более благородным вещам, пока не дошел до человека, являющегося самым благородным среди сложных существующих вещей и последним из существующих вещей в мире бытия и тлена, а следовательно, самым близким к Творцу среди благородных созданий и самым удаленным от праха среди сложных благородных существующих вещей.

Всевышний смог создать эти сложные существующие вещи только в течение некоторого времени в силу необходимости избежать соединения взаимно противоположных, но встречающихся вместе свойств в одной вещи в одно время с одной стороны. Если скажут, почему Он создал несовместимые противоречия в существовании, ответ будет таков, что воздерживаться от большего блага из-за необходимости малого зла есть большое зло. Всеобщая истинная мудрость и всеобщая истинная щедрость дали всем существующим вещам присущее им совершенство без уменьшения доли хотя бы одной из них. Однако они в зависимости от их близости или дальности различаются по благородству. И это не следствие скупости Истинного, щедрого и великого, а потому что таково требование вечной мудрости.

Таков итог, и если бы я изложил его так, как излагает его одна из философских школ, то обнаружили бы его начала с помощью доказательства, которое повело бы тебя по пути достоверности исследования.

Что касается вопроса о долженствовании, то, возможно, он легче вопроса о бытии. Я также изложу его тебе — то, что я знаю об этом как ученик. Я говорю: вполне вероятно, что слово «долженствование» имеет различные значения в зависимости от его употребления. Я упоминаю то, что понимают под ним философы. Долженствование — это повеление, исходящее от всевышнего Аллаха, которое гонит людей к предназначенным для них совершенствам в их жизни, как первой, так и другой, отвращает их от несправедливости и гнева, совершения злодеяний, приобретения пороков, стремления к следованию силам тела, мешающим им следовать силе разума.

Что касается вопроса «есть ли» для долженствования, то этот вопрос включен в вопрос «почему» для него, так как вопрос «почему» для вещи содержит вопрос «есть ли» для них. Мы ответим на этот вопрос «почему» так: щедрый и великий Аллах создал род людской таким образом, что люди не могут приобрести свои совершенства иначе как посредством сотрудничества и взаимной помощи, так как если бы не были произведены их пища, их одежда, их жилища, — а это то, в чем они больше всего нуждаются для жизни, — они не могли достичь совершенства, а ни один из них не может самостоятельно произвести все, в чем он нуждается из средств жизни. Поэтому каждый из них должен взять на себя производство одного из необходимых средств жизни, что освобождает его от той тяжести, которая лежала бы на нем, если бы он один был нагружен многими делами. Раз дело обстоит так, люди вынуждены принять справедливый закон, по которому они делились бы между собой по справедливости. Такой закон может быть установлен только таким человеком, который наиболее силен разумом и наиболее чист душой, которого не занимают дела мира, помимо самых необходимых для жизни, который не стремится к господству и не подвержен страстям и гневу. Его забота состоит в стремлении удовлетворить тому, что повелевает всевышний Аллах установлением справедливого закона. Он чужд пристрастия и предпочтения одного другому и вершит суд между ними на равных началах. Он будет той истиной, душе которой внушено божественное вдохновение и созерцание ангелов, что не внушается людям более низкой степени. Он отличен тем, что заслуживает повиновения, и это отличие проявляется знаками и чудесами, свидетельствующими о том, что он послан своим господином, щедрым и великим.

Далее, известно, что отдельные люди различны по своей способности к добру и злу и к приобретению добродетелей и пороков, что объясняется как состоянием их тел, так и состоянием их душ. Большинство людей считают то, что им должны другие, необходимым и истинным и настаивают на выполнении этого права, не видя того, что они должны другим, каждый из них считает свою душу лучше душ многих людей и более достойной блага и власти, чем другие. Поэтому необходимо, чтобы законодатель пользовался бы поддержкой Аллаха, а не был бы бессилен вершить законный суд среди людей, побуждать одних проповедью, других — доказательством и рассуждением, некоторых — сердечным или телесным примирением, некоторых — устрашением и предупреждением, а некоторых — жестокими ограничениями или казнью.

Так как подобный пророк не может существовать во все времена, необходимо, чтобы установленные им законы оставались бы в течение некоторого времени — до тех пор, пока им не предназначено исчезнуть. Но справедливые законы не могут существовать без того, чтобы люди постоянно не вспоминали законодателя. Поэтому им предписано молиться, упоминая законодателя и Истинного, щедрого и великого, это повторяется для того, чтобы упоминание укрепилось благодаря постоянному повторению.

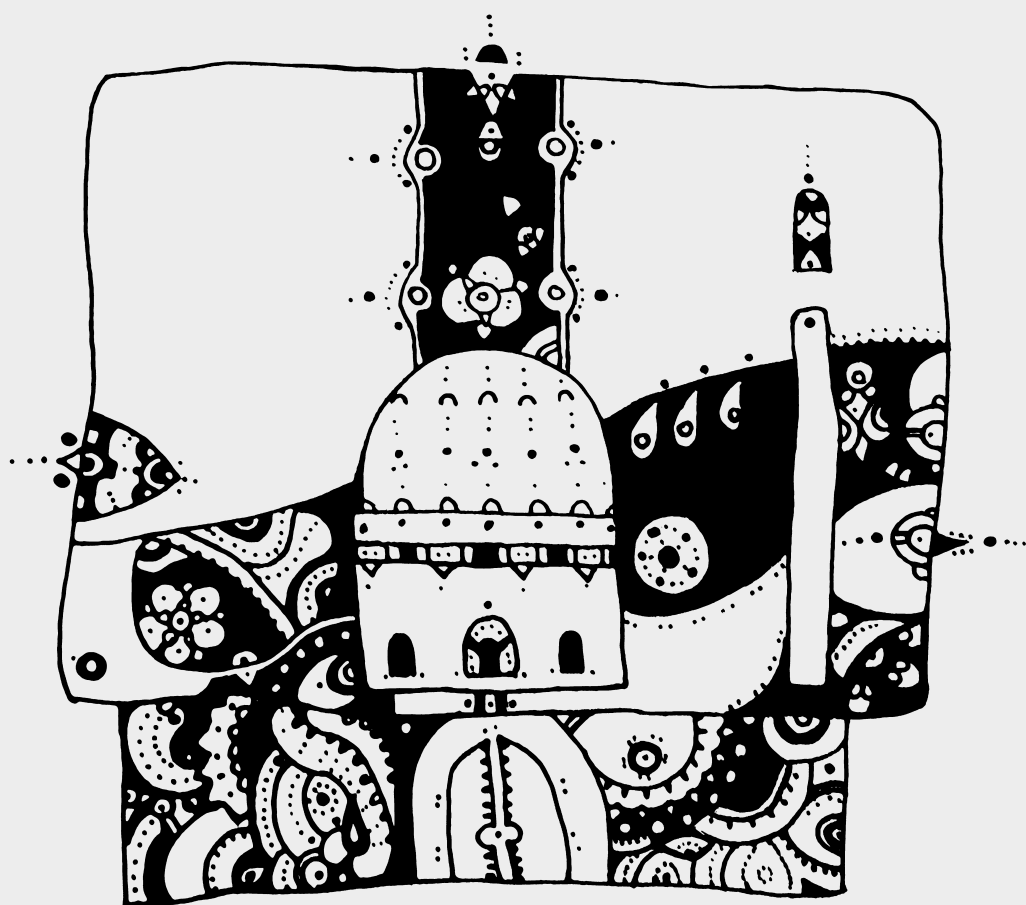
Тот, кто повинуется повелениям и запрещениям Аллаха и пророка, получает три пользы. Первая из них состоит в воспитании души приучением ее к воздержанию от страстей и обузданию силы гнева, помрачающей силу разума. Вторая из них состоит в приучении души к рассмотрению божественных деяний и воскресения на другом свете для побуждения ее к молитвам, спасающим от лукавого и приводящим к истине, к размышлению о Небесном Царстве, к признанию первой истины, т. е. Истинного, являющегося причиной существования всего сущего. Велико Его величие и священны Его имена, и нет божества, кроме Него, являющегося причиной всего существующего и расположенного цепью порядка, которую требует мудрость истины с помощью доказательства, основанного на чистом правиле, свободном от ложных выводов и софистики. Третья из них состоит в том, что люди помнят истинного законодателя и все принесенные им указания, обещания, устремления для установления справедливого закона между ними, — и таким образом между ними устанавливается справедливость и взаимопомощь и порядок мира продолжается в соответствии с тем, как этого требует мудрость великого всевышнего Творца. Таковы пользы от долженствования и поль-

зы от молитв. Тот, кто все это исполнит, получит награду на этом и на том свете.

Таким образом я рассматриваю мудрость Вечно Живого, Его милосердие и ослепительные чудеса.

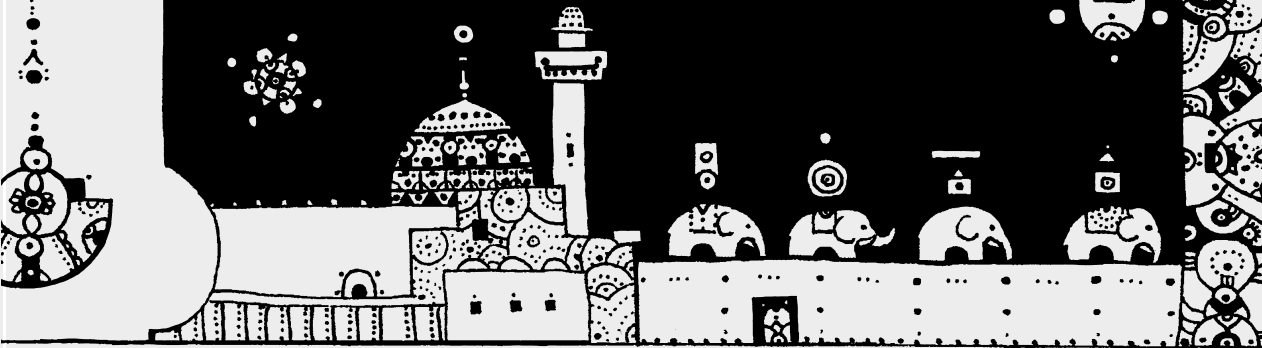
Вот то немного, что сейчас осенило меня. Я представляю это на твой высокий суд, о совершенный и единственный, для того, чтобы ты восполнил недостатки, устранил ошибки и поправил бы меня твоим благородным участием и любезной речью.

Всевышний Аллах лучше знает истину. Хвала Аллаху в начале, в конце, внутри и снаружи.

ОТВЕТ НА ТРИ ВОПРОСА:
НЕОБХОДИМОСТЬ
ПРОТИВОРЕЧИЯ В МИРЕ
ДЕТЕРМИНИЗМА
И ДОЛГОВЕЧНОСТИ

Дополнение
к «Трактату о бытии и долженствовании»

Далее, этот спор со мной по вопросу о необходимости противоречия возвысил мою славу, возвеличил мое дело и послужил причиной необходимости моей чистой благодарности всевышнему Аллаху, так как я не предполагал, что мне зададут такие вопросы, в которых содержится столь сильное сомнение.

Это состоит в следующем:

Если бы необходимость противоречия была возможно существующей, она имела бы причину и в конечном счете свелась бы к Необходимо Существующему самому по себе. Если бы она была бы необходимо существующей сама по себе, то необходимо существующих самих по себе было бы много, а было доказано, что Необходимо Существующее само по себе единственно во всех отношениях. Поэтому, если бы она была возможной, то ее причиной и Творцом было бы Единственное Необходимо Сущее, а вы категорически утверждали, что от него не может проистечь зла.

В ответ я говорю: имеется два вида определений для определяемых. Один вид называется существенным, это такое [определение], когда нельзя представить определяемое, не представив сначала этого определения. Это определение необходимо для определяемого без всякой внешней причины, как свойство быть животным для человека; это определение предшествует определяемому по существу, т. е. оно есть причина определяемого, а не его следствие, как животное по отношению к человеку и говорящее по отношению к нему же. Короче говоря, все части определения определяемого являются существенными определениями. Об этих понятиях уже говорилось.

Другой вид называется случайным, он противоположен первому, поскольку можно представить определяемое, не обладающее этим определением. Это определение не является причиной определяемого и не предшествует ему по порядку и по существу.

Этот вид разделяется на два вида, так как он бывает необходимым и неотделимым, как то, что человек способен мыслить, удивляться или смеяться, или отделимым в воображении, но не на самом деле, как чернота у ворона, так как чернота отделима от ворона только в воображении, а не на самом деле, или отделимым и в воображении и на самом деле,

как то, что человек является писцом или земледельцем. Это первичные виды определений.

Далее, необходимые определения, нужные для существующих вещей, имеются двух видов согласно первичному разумному делению: они бывают либо такими, что их необходимость вызывается другим, как необходимость смеяться для человека, которая необходима по причине необходимости удивляться; необходимость удивляться в свою очередь вызывается другой причиной; эта другая причина может быть либо необходимой, либо отделимой; но отделимое определение не может быть причиной необходимого определения; остается, что эта последняя причина также необходима. Если необходимость этой причины в свою очередь вызывалась другой причиной, речь повторилась бы и эти причины образовали бы либо бесконечную цепь, нелепость которой доказана, либо они образовали бы порочный круг, т. е. следствие стало бы причиной своей причины, что еще более нелепо, или привели бы к причине, не имеющей причины, и эта причина, или определение, была бы необходимо существующей для этого определяемого, как, например, свойство мыслить для человека. После представления этого и объяснения того, что некоторые определения являются необходимо существующими определениями для определяемых, обратимся к нашей цели.

Мы говорим, что существование относительно и распадается на два смысла, совершенно не совпадающие друг с другом, не совпадающие ни частично, ни полностью,— разница между этими тремя терминами (несовпадением, частичным совпадением и полным совпадением) известна из начал логики. Эти два смысла — это, во-первых, бытие в вещах, для которого среди людей название «существование» более правильно для всех, и, во-вторых, существование в душе, т. е. чувственное, фантастическое, воображаемое и разумное представление. Этот второй смысл полностью совпадает с первым, лишь поскольку познанные и представленные понятия существуют в вещах, так как существующее в вещах есть вещь. Но образ, схема или идея познанной или представленной вещи могут не существовать в вещах, как наше понятие человека: в душе и в вещах имеются различные понятия человека, поскольку человек есть вещь, но образ человека, существующий в душе, есть идея, не существующая в вещах. В этом и состоит различие между этими двумя существованиями. Таким образом, ясно, что различие между ними наиболее истинно, первично по своим причинам и следствиям, поэтому они называются несовпадающими, а не хотя бы частично совпадающими. Этот вопрос, хотя он и очень глубок и нуждается в большем исследовании, не скрыт от некоторых.

Если говорят, что свойство быть животным существует в человеке или что во всяком треугольнике три угла в сумме равны двум прямым, то мы подразумеваем под этим существованием не объективное существование, а существование в душе. Дело в том, что разумное представление человека таково, что представить человека можно, только если представить вместе с тем, что он есть животное, так как понятие животного необходимо для понятия человека. Точно так же нечетность необходима для тройки, так как тройку можно познать и представить только как нечетное число. Если что-нибудь невозможно познать и представить без какого-то свойства, это свойство является необходимостью для него, т. е. присуще ему не по какой-нибудь внешней причине, а есть необходимо присущее ему. Так, нечетность необходимо присуща тройке, а свойство быть животным необходимо присуще человеку, и таковы же все существенные свойства, являющиеся необходимо присущими определяемым.

Среди этих определений имеются такие, которые необходимо присущи вещи по той причине, что им предшествует другое определение, необходимо присущее ей, есть и такие, которые необходимо присущи вещи не по причине предшествующего другого определения. Таким же образом все необходимые определения являются необходимо присущими. Среди них имеются такие, для которых имеется причина в предшествующей необходимости, есть и такие, для которых нет причины в чем-либо, кроме сущности определяемого. Доказательством является то, что мы сказали выше.

Далее, если нечетность для тройки является необходимым свойством, необходимо присущим ей, нет необходимости, чтобы она существовала в вещах сама по себе, помимо того, что она в вещах необходимо присуща или, возможно, присуща вещи, так как она осуществлена в одной вещи, а если бы она существовала в вещах, это была бы другая вещь.

Свойства, не существующие в вещах, могут существовать в душе или разуме для определяемых, не существующих в вещах; нельзя сказать, что они существуют в вещах, подобно словам утверждающего, что пустота есть раскалываемое и растягиваемое расстояние, в которое стремятся тела, разрывающие его и движущиеся в нем из одного места в другое: эти свойства существуют в разуме, потому что пустота существует в представлении разума и не существует в вещах. Таким образом, существование определений для определяемых согласно первой цели является существованием в душе и в разуме, а не в вещах. Если говорят, что такое свойство необходимо присуще тому-то, это означает существование в разуме и в душе, а не в вещах. Таким же образом обстоит дело, если

говорят, что оно возможно присуще,— ты уже знаешь разницу между ними,— к какому бы свойству это ни относилось. Следовательно, существование в вещах отлично от существования вещи для другой вещи, это то несовпадение, о котором говорилось выше.

Далее доказательство основывается на том, что необходимость существования в вещах едина во всех отношениях и во всех свойствах оно является причиной существования всего существующего в вещах. Ты уже знаешь, что существование в душе не совпадает с существованием в вещах. Поэтому Тот, Чье величие велико,— причина всех существующих вещей.

Несуществование и его причины ясны некоторым. Я не хочу распространяться об этом.

Из всего этого ясно, что когда говорится: «Нечетность необходимо присуща тройке»,— это значит, что она присуща тройке не благодаря внешней причине или специальному творчеству Творца. То же относится ко всему существенному и необходимому. Возможно, что одна сущность является причиной другой сущности и одна необходимость является причиной другой необходимости, не имеющей причин, и эта сущность будет причиной в некотором смысле. Это утверждение не наносит никакого ущерба высказанному положению о том, что Необходимо Сущее по своему существу едино во всех отношениях, так как здесь существование есть бытие в вещах, а Необходимо Существующее в вещах едино, как мы разъяснили в других разделах. Это существование есть наличие вещи, независимо от того, является ли оно существованием в вещах или в душе. Короче говоря, все вещи, существующие в вещах, только возможны, за исключением Единственного Необходимо Сущего.

Что касается общего анализа вопроса, возможно, существующие вещи происходят из святого Сущего в правильном порядке. Далее, среди этих существующих вещей имеются такие, которые противоречат друг другу по необходимости, а не по специальному творчеству Творца. Когда имеется такое сущее, необходимо имеется противоречие, а когда с необходимостью имеется противоречие, то имеется необходимое несуществование, когда же имеется несуществование, с необходимостью имеется зло. Что касается того, кто говорит, что Необходимо Сущее сотворило черноту и жар и этим сотворило противоречие, так как если А есть причина В, а В есть причина С, А является причиной С, тот скажет: «Совершенно правильно, здесь нет путаницы». Однако разговор по этому вопросу приводит к цели, состоящей в том, что Необходимо Сущее сотворило черноту, и необходимо появилось противоречие. Нет сомнения, что Необходимо Сущее сотворило противоречие в ве-

шах случайно и не по своему существу. Оно не сотворило черноту как противоположность белизне. Оно сотворило черноту не как противоположность белизне, а как возможно существующую сущность, ибо все есть возможно существующая сущность, а всякая возможно существующая сущность создана необходимо сушим потому, что само существование есть благо. Но чернота есть сущность, возможная только как противоположность другой вещи.

Всякий, кто сотворил черноту, чтобы она была возможно существующей, тем самым случайно создал противоречие, и Творца черноты зло не касается никаким образом. Следовательно, первая цель есть высшая цель, она есть вечная истинная милость и состоит в создании блага. Но этот вид блага невозможен без зла и несуществования, которые присущи ему только случайно. Здесь же речь идет не о случайности, а о сущности,— и советую всем ученым, которых я знаю, прославлять того, чье достоинство свободно от угнетения и зла. Здесь имеются подробности, которые невозможно выразить, и сообщающий не может сообщить это, так как у него нет достаточной ясности для этого. Только глубокая интуиция может достичь того вдохновения, которое удовлетворяет совершенную душу и с помощью которого она вкушает наслаждения высокого разума.

Здесь есть еще один очень тонкий вопрос с точки зрения понятия божественности. Этот вопрос таков: почему Он сотворил это, если Он знал, что следствия этого состоят в несуществовании и зле? Ответ таков: например, в черноте есть тысяча благ и одно зло. Воздержание от создания тысячи благ из-за необходимости одного зла есть большее зло, так как отношение блага черноты к его злу больше отношения миллиона к единице. Поскольку дело обстоит так, то ясно, что зло, существующее в творениях Аллаха, случайно, а не по существу, и ясно также, что зла в первой философии очень мало, его отношение к благу с точки зрения количества и качества отсутствует.

Что касается вопроса о том, какое из двух учений ближе к истине (детерминизм или противоположное ему), то с первого взгляда и при внешнем рассмотрении кажется, что ближе к истине детерминизм, но на самом деле он колеблется в бессмыслице и погружается в выдумки, так что он очень далек от истины.

Что касается речи о долговечности и долговечном, то этим с жадностью занимались некоторые глупцы, не понимавшие истины, ибо долговечность есть не что иное, как определение существования в некоторый период времени, в течение которого существование не зависит от времени; долговечность существования содержит понятие времени.

Таким образом, существование является более общим, чем долговечность, и различие между существованием и долговечностью такое же, как между общим и частным.

Далее, удивительно, что те, которые говорят это, признают, что существование и существующее имеют один и тот же смысл в вещах, несмотря на то, что они различны в душе, а когда доходят до долговечности, то заблуждаются; что же касается полемического аргумента, приводящего их к первичной нелепости, то это, когда их спрашивают: «Обладает ли здесь что-нибудь долговечностью?» Если ответят «нет», им говорят: «Здесь ничего не остается, а что же, по-вашему, творит существующее и создает продолжение, творя в каждом из последовательных мгновений. Однако ваше доказательство основывается на отвержении последовательных мгновений. Но согласимся с вашим высказыванием ради терпимости». Если же ответят, что и Творец, следовательно, не долговечен, из этого следует худший вид нелепости. Я думаю, что они отвергнут это. Если же они ответят, что имеется нечто долговечное, их спросят, является ли эта долговечность долговечной, помимо ее самой, и, таким образом, может ли долговечность сама быть долговечной или недолговечной. Если она долговечна, она долговечна вследствие другой долговечности. Получилась цепь, что нелепо. Если же эта долговечность не долговечна, то как она может быть долговечностью? (Это также нелепо.) Им остается сказать, что долговечное долговечно благодаря непрерывным последовательным долговечностям в каждом из последовательных мгновений. Тогда от них требуют объяснить эту речь, им говорят: «Что означают эти последовательные долговечности?» Если в их понятиях долговечное есть долговечное, то эти понятия требуют, чтобы долговечное оставалось в течение некоторого периода времени, чтобы можно было определить, что оно долговечно. В противном случае долговечное и долговечность не имеют никакого смысла, несмотря на наличие последовательных существований. Ясно, что существование и долговечность имеют один и тот же смысл, причем долговечность есть не что иное, как продолжение существования или наличие у существующего свойства существования в течение некоторого периода времени, так как абсолютное существование может быть и на одно мгновение, а долговечность — на период времени. Таково направление спора с ними и победа над ними.

Поистине, по-моему, это неясно только тому, от чьего разума скрывается это количество познанного. Вот что осенило меня в настоящее время. Аллах знает все это лучше.

СВЕТ РАЗУМА

О ПРЕДМЕТЕ

ВСЕОБЩЕЙ НАУКИ

Сочинение
мудреца
Омара Ибн
Ибрахима
Ал-Хаййями

СВЕТ РАЗУМА О ПРЕДМЕТЕ ВСЕОБЩЕЙ НАУКИ

Сочинение мудреца
Омара Ибн Ибрахима Ал-Хаййями

Это — лучи, исходящие от престола царя философов и всезатопляющий чистый свет мудрости просвещенного, искусного, выдающегося, высокого, мудрого, великого, небесного, славного, достойного господина, доказательства истины и убеждения победителя философии и веры, философа обоих миров, господина мудрецов обоих востоков, Абу-

л-Фатха Омара ибн Ибрахима ал-Хайями, — да освятит Аллах его душу и успокоит его могилу! — о предмете высшей науки и первой философии и исследовании предметов исследования, — да ниспошлет Аллах благо на каждого, кто направит сердце, жаждущее истины, к истине, и да ниспошлет выгоду тем, кто предан путям, ведущим к правде! Он сказал, — да ниспошлет на него всемилостивый Господь облака своей щедрости, да затопит его в потоке своей милости!

Сущее, являющееся предметом первой философии, т. е. всеобщей науки, которой подчинены все науки, очевидно и не нуждается в представлении с помощью чего-то другого, предшествующего ему, так как оно является наиболее общей вещью. Сущее и подобное ему есть первоисточник представлений о всех вещах, а вещь также очевидна. Необходимо, чтобы сущее существовало в душе, и если говорят о том, что чем-то действительным является то, что не существует в вещах, то оно может существовать только в соответствии с тем, что ты познаешь существующее в разделении на существующее в вещах и в душе, и поскольку это существующее не существует в вещах, необходимо, чтобы оно существовало в душе. Вещь должна существовать, и притом существовать в одном из двух существований в вещах или в душе, если же этого нет, — это не вещь; нет вещи, которая не существовала бы с необходимостью в одном из двух существований.

К необходимым свойствам вещи принадлежит вещественность, не вздумай считать вещь или сущее воображаемым, если ты это сделаешь, ты попадешь в порочный круг. Поскольку сущее и вещь являются всеобщими, более первичным как предмет всеобщей науки является сущее, так как оно более очевидно.

Свойство существования вещи и существование ее — одно и то же, как взаимоотносимое и взаимоотношение. В самом деле, если бы существование было бы вещью помимо самого существующего, то оно необходимо существовало бы или в вещах или в душе. Но если бы существование существующего существовало бы в вещах, то существовало бы существование и этого существования, так как всякое существование нуждается в существующем, и так далее по цепи.

Точно так же, если бы существование было вещью помимо самого существующего, — а нет сомнения, что существование, считаешь ли ты его существующим в вещах или в душе, есть случайное явление, — оно было бы причиной свойства существования субстанции, так как субстанция становится существующей в силу своего существования, и если нет существования, то она не может существовать. Поэтому причина

существования субстанции необходимо является случайной. Однако твердо установлено, что все случайно. Поэтому причина существования есть субстанция, что вытекает из истины случайного, и объяснение становится круговым.

Таким же образом, если бы существование было вещью помимо самого существующего, в силу чего существующее становится существующим, то существование Творца также было бы вещью помимо его самого,— это то существование, противоположное несуществованию, о котором мы ведем здесь речь. Но тогда сам всевышний Творец был бы не единственным, а множественным, что нелепо.

Если же это вещь относительная, существующая в душе, то необходимо, чтобы у всякой вещи имелась истина, которой она характеризуется и отличается от других. Это утверждение первично и находится в соответствии с разумом, если у этой истины есть разум, т. е. если в некотором разуме получается впечатление от этой истины и этот разум относит указанную истину и сущность к полученному образу, существующему в вещах. Поэтому бытие в вещах является делом помимо самой этой сущности и истины и вещью помимо самого существующего. Если существующее в вещах не является этой сущностью, то эта сущность не может существовать в вещах сама по себе. Разум не может судить о вещи, если он не отвлечен от индивидуальных случайностей, и невозможно, чтобы эта отвлеченность находилась вне вещей. Так как дело обстоит именно таким образом, кое-кто из слабых мыслью стал думать, что познаваемая сущность стала сама по себе существовать в вещах, и в его сердце укрепилось мнение, что существование — вещь, существующая в вещах. Они проникаются этими нелепостями и невозможностями, необходимо возникающими при суждении, что существование — вещь помимо самого существующего. В этом случае необходимо, чтобы существующее в душе существовало как существование, чтобы это существование существовало в душе с помощью другого существования, и так далее по цепи до бесконечности.

В числе полемических аргументов, выдвигаемых в этом вопросе истинным направлением, противнику говорят: «Является ли существование, помимо самого существующего, существующим в вещах или же оно не существует в вещах?» Если бы он сказал, что оно не существует в вещах, это было бы подтверждением этого положения одного из направлений. Тогда спрашивают, говоря противнику: «Если ты считаешь, что существование, помимо самого существующего, не существует в вещах, то является ли оно существующим в душе или же оно не существует

в душе?» Если он скажет, что оно существует в душе, это положение подтвердится целиком. Если же он скажет, что оно не существует в душе, а при этом раньше он говорил, что оно не существует и в вещах, то тогда выходит, что оно абсолютно не существует, а об абсолютно несуществующем нет никакого знания и суждения, откуда с необходимостью вытекает, что это суждение ложно, а правильным и ясным является то, что существование есть свойство помимо познаваемой сущности, существующей в душе, но не в вещах.

Таким образом, существование существующего в вещах существует само по себе, и понятие о его существовании, помимо его самого, имеет место только после понимания его разумом, и, поистине, разум понимает это свойство только после того, как познает его и превращает в познанную сущность. Одним из сильных сомнений, вызываемых этим истинным мнением, представляющим собой предмет большого спора, является то, что если нас спросят, является ли абсолютное существование познаваемой сущностью или не является познаваемой сущностью, и если мы ответим, что оно не является познаваемой сущностью, это было бы нелепо, так как если бы оно не было познаваемой сущностью, существующей в душе, то было бы нелепым и наше утверждение, что существование в вещах есть вещь помимо самой сущности. А если бы мы сказали, что это — познаваемая сущность, мы тем самым пришли бы к выводу, что познаваемая сущность нуждается в существовании помимо ее самой, поэтому сущность существования нуждается в другом познаваемом существовании, которое было бы существующим в душе.

Ответ на это таков: познаваемая сущность нуждается в познаваемом существовании, чтобы она была делом, существующим в вещах, а не в душе, так как если ты скажешь, что сущность, существующая в душе, нуждается в существовании для того, чтобы она была существующей в душе, то ты постулировал первое требуемое, где ты говорил, что существующее нуждается в существовании.

Что касается речи тех, кто говорит: «Если существование прибавляется к тому, что не существует в вещах, то как оно прибавляется к существующему?» — то эта речь приукрашена и софистически расцвечена и нелепость ее осознается с двух точек зрения.

Первая из них. Речь идет о том, что если бы существование было прибавлено к несуществующему, то как оно могло бы быть прибавлено к существующему. Но это необходимо вытекает, если сказано, что суще-

ствующее существует благодаря существованию. Этот постулат — из тех, ошибочность которых вытекает из первого требуемого.

Вторая из этих точек зрения. Существование, прибавленное к познаваемому, есть познаваемое дело, существующее в душе. Заблуждающиеся не делают разницы между двумя существованиями — существованием в вещах и существованием в душе.

Если скажут: «Мы признаем, что прибавляются две части — осязаемая и познаваемая, так что существование есть вещь помимо сущности в душе», — мы ответим, что установление общего предиката предметов возможно только после того, как они познаны, а утверждение существования есть всеобщее утверждение, которое можно установить в качестве предиката только после того, как предмет познан.

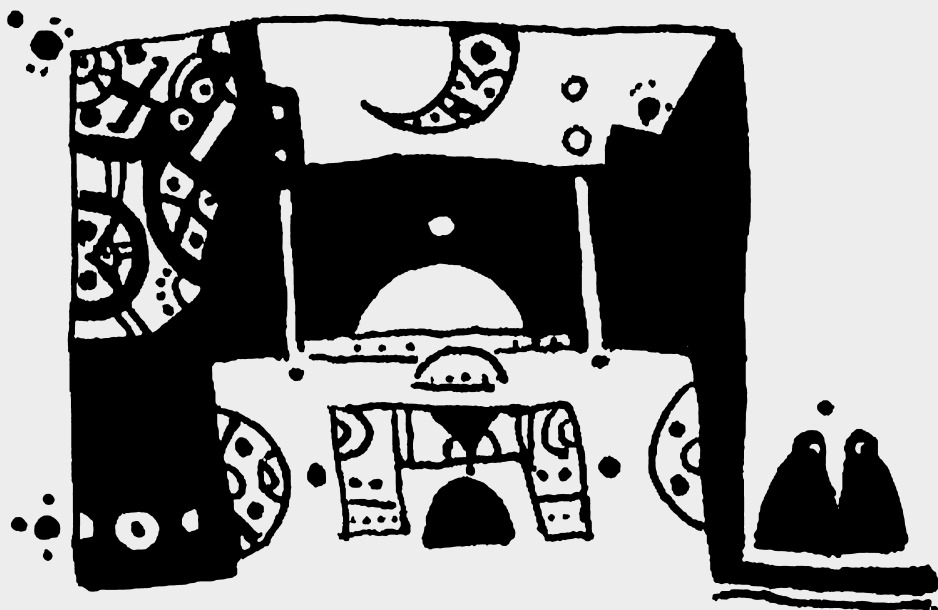
Равным образом условием этого является то, чтобы разум при познании предмета был бы единым, как Творец, а не делался бы в нем множественным, не выполняя таким образом этого условия.

Поистине тот, кто думает так, делает это вследствие своего невежества, ибо для нас нет познанного в чистом виде и оно невозможно, так как наши познания необходимо искажены воображением, которое воспринимает только единичное. Поэтому возможно, что мы что-нибудь вообразили и разум сделал здесь свое дело, т. е. отвлекся от индивидуальных случайностей, а душа не признает этого, и вследствие смешения этого познанного с воображением или вследствие близости их друг к другу считает, что это единично. Такое положение имеет место в большинстве случаев тогда, когда разум считает познаваемое единой вещью, и вследствие придания этому познаваемому единства и смешения его с воображением, думают, что это единично. Очевидно и верно, что существующее в вещах и его существование — одно и то же. Множественность достигается при его познании и превращении в познаваемую сущность, к которой добавляется то познаваемое понятие, которое называется существованием.

Как прекрасно сказал достославный ученый последнего времени — да будет мир над его могилой и освящена его душа! — в одном из своих рассуждений: «По-видимому, существование, представляющее собой сущность первой истины, является необходимостью». Он сказал это потому, что у абсолютной необходимости не может быть общего ни с каким видом. Далее он сказал, что существование, являющееся противоположностью несуществованию, о котором говорится по поводу всех вещей, является необходимым свойством этой сущности, и, если бы этот смысл был бы единым делом, его сделал бы множественным сам

Творец,— велико Его величие, Он намного выше, чем о Нем говорят неправедные люди!

По этому вопросу имеется много глубоких рассуждений, многочисленны учения и обильные исследования. Кого взяло за руку понимание и кого сопровождает помощь всевышнего Аллаха, тот встретит на своем пути единство, и здесь успокоится его разум, молим Аллаха о помощи, для того чтобы прийти к завершению. Хвала Аллаху во всех случаях.

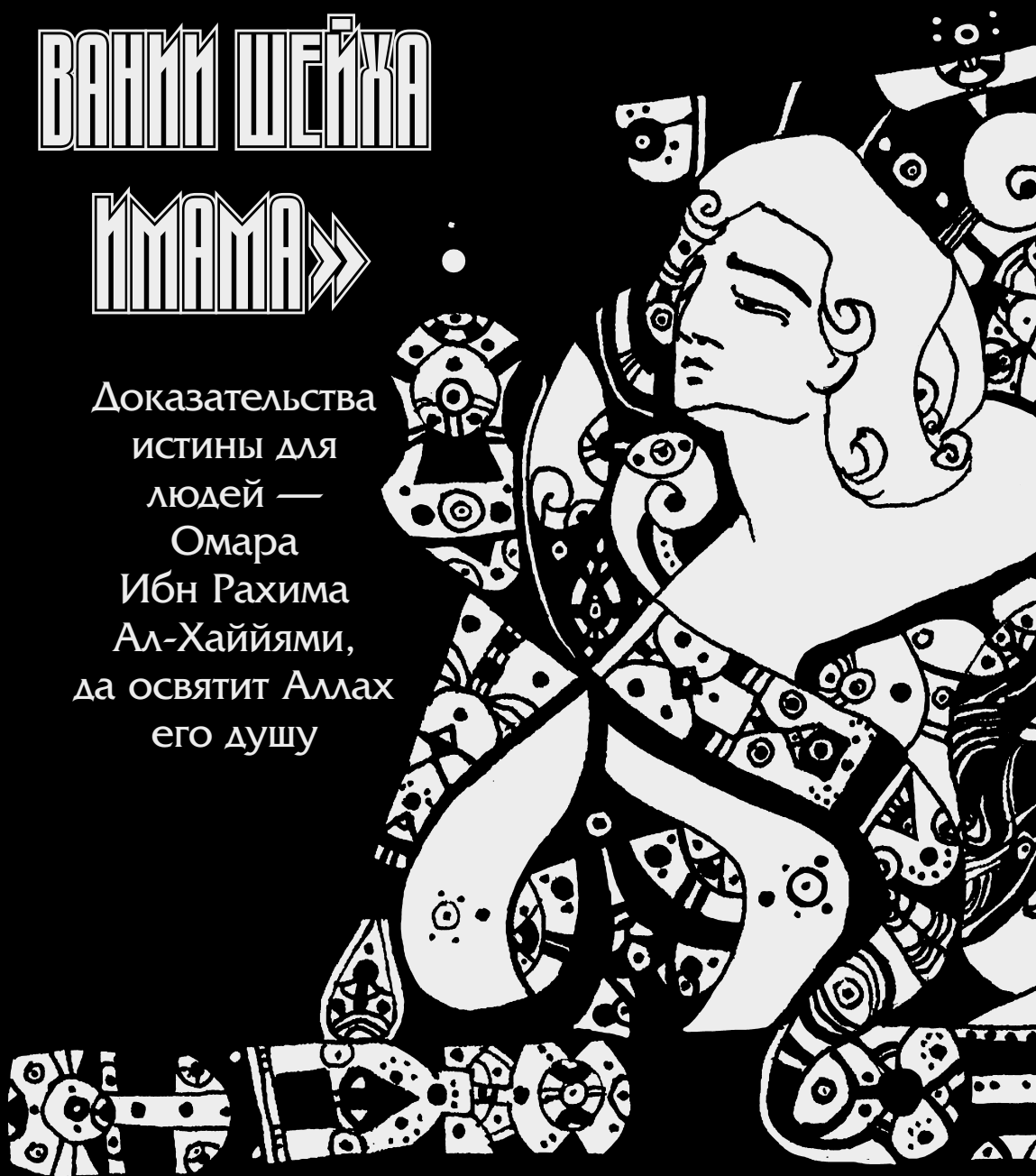

ТРАКТАТ

«О СУЩЕСТВО- ВАНИИ ШЕЙХА

ИМАМА»

Доказательства
истины для
людей —
Омара
Ибн Рахима
Ал-Хаййями,
да освятит Аллах
его душу

Трактат
«О Существовании
Шейха Имама»»

Доказательства истины для людей —
Омара Ибн Рахима Ал-Хаййями,
да освятит Аллах его душу

Во имя Аллаха милостивого, милосердного.

Хвала Тому, Чье величие велико и Чьи имена священные. Он сотворил все вещи, дал всем вещам число и перечислил их. Благословение Его пророку, избраннику Мухаммаду и его чистому роду.

Определения для определяемых имеются двух родов — род, называемый существенным, и род, называемый случайным. Случайные определения могут быть необходимыми для определяемого и не необходимыми, отдельными в воображении или в воображении и на самом

деле. И существенные и случайные [определения] подразделяются на два вида — вид, называемый относительным, и вид, называемый действительным.

Действительным [случайным] видом является, например, определение того, что тело черное, если оно [на самом деле] черное. Чернота есть действительное свойство, помимо самого черного, и является действительным определением. Доказательство этого действительного вида не нуждается в доводах, так как оно ясно как для разума, так и для воображения и ощущения.

Относительным случайным видом является, например, определение двойки как половины четверки, так как если бы свойство двойки быть половиной четверки существовало бы помимо самой двойки, для двойки имелось бы бесконечное число понятий, помимо ее самой. Доказательство основывается на невозможности этого.

Относительным существенным видом является, например, определение черноты как цвета, так как то, что она есть цвет, является существенным определением.

Доказательство того, что обладание цветом не является свойством, существующим помимо самой черноты и притом существующим в вещах, состоит в том, что, если бы это свойство существовало бы помимо самой черноты, оно обязательно являлось бы случайным свойством, поскольку чернота есть случайное свойство, но как она может быть случайным свойством другого случайного свойства?

Если бы свойство черноты было свойством обладания цветом, то свойство обладания цветом было бы свойством черноты, свойство обладания цветом существовало бы в вещах и было бы необходимо, чтобы, помимо его самого, оно было бы черным, что нелепо.

Значение нашего выражения «относительное определение» состоит в том, что когда разум познает какое-нибудь понятие, он разумно разделяет это познаваемое, познавая все его состояния, и если он найдет это понятие простым, а не множественным во всех существующих в вещах случайных свойствах и найдет для него определение, то он познает, что эти определения свойственны этому понятию относительно, а не по его существованию в вещах, ибо для разума достоверно, что для простой сущности, существующей в вещах, не может существовать в вещах подразделенность.

Поэтому для него достоверно, что случайное свойство не может быть свойством другого случайного свойства, и, следовательно, для него достоверно, что свойство данного случайного свойства не может быть свой-

ством того свойства, при помощи которого определено это случайное свойство.

Таковы предпосылки, допускаемые философами, однако некоторые из них не допускаются некоторыми философами, возможно, что именно об этих понятиях сказано во всеобщей божественной высшей науке.

Кто из обсуждающих этот предмет не понимает этих относительных определений, тот глубоко заблуждается, как некоторые современники, чинящие произвол, принимая эти состояния — свойство обладания цветом, случайное свойство и существование — за постоянные состояния, не определяющиеся ни существованием, ни несуществованием. Сомнение, которое привело их к этой грубейшей ошибке в самом большом и самом очевидном из первичных утверждений, состоит в том, что нет промежуточного между отрицанием и утверждением.

Это настолько ясно, что нет никакой нужды говорить об этом, опровергать или разрешать это вследствие нелепости этого: если бы они понимали относительные определения, то они не впали бы в это великое безумие.

Они говорят, что в вещах свойство обладания цветом не существует как нечто отличное от черноты. Но это разумное определение, возникающее в душе при исследовании разумом сущности черноты при внимательном рассмотрении ее состояний, ее общности с белизной в некоторых состояниях, а также существования и единственности.

По-видимому, вопрос существования труднее, чем остальные случайные свойства. Некоторые из людей истины сомневались в нем, поскольку они говорят, что, например, разумный человек обладает истиной и сущностью, в определение которой не входит существование, так что мудрый может познать понятие человека без понимания вместе с тем того, существует ли он или не существует.

Из этого необходимо следует, что его существование есть понятие, необходимое для него помимо его самого. Они говорят, что существование, свойство быть человеком, — это понятие, приобретенное им извне, тогда как свойство быть животным и свойство говорить присущи ему в силу его самого, а не по творению Творца и не по причине вызывающего причины, как будто Творец — велико его величие! — не сделал свойство быть человека телом, но сделал его существующим.

Далее, поскольку человек существует, он не может не быть телом. Они говорят: «Если дело обстоит так, то необходимо, чтобы существо-

вание было понятием, существующим в вещах помимо человека. Как же нет, когда это — понятие, вытекающее из другой причины».

Прежде чем углубиться в разрешение этого сомнения, приведем необходимое доказательство того, что существование является относительным понятием. Мы говорим, что если бы существование существующего в вещах было бы понятием помимо него, оно само было бы существующим.

Говорят, что всякое существующее существует вследствие существования, поэтому существование также существует вследствие существования, также его существование и так далее до бесконечности, а это нелепо. Если же говорят, что существование есть такое понятие, которое не определяется существованием, то отрицается обобщение, но нельзя отрицать одну из двух сторон, не сказав, существует ли оно или не существует.

Тогда мы требуем от них двух сторон противоположного и спрашиваем: «Существует ли в вещах существование или не существует?» Если они ответят «да», они необходимо придут к вопиющей нелепости; если они ответят «нет», станет ясно, что существование не существует в вещах. Это и есть предмет спора, и очень хорошо, что достигнуто согласие.

Затем спросим их второй раз, говоря: «Является ли существование разумным определением самого существующего или нет?» Если ответят «да», они необходимо должны признать, что существование является относительным суждением, а если ответят «нет», то существование является несуществующим ни в вещах, ни в душе. По-видимому, мудрые люди будут избегать подобного этому.

Некоторые говорят, что свойство существования не нуждается в другом существовании, так что оно существует без другого существования. Ответ говорящему это состоит в том, что хотя он хочет избегнуть цепи, он не избегнет ее и придет к нескольким нелепостям.

Мы спросим: «Существует ли указанное им существование или нет?» Если он ответит «нет», он согласится с нами и будет противоречить самому себе. Если он ответит «да», мы спросим его: «Существует оно вследствие другого существования или нет?» Если он ответит «да», то появится цепь до бесконечности, которой он не сможет избегнуть, и она необходимо приведет его к нелепости.

Если он ответит «нет», мы спросим: «Является ли существование, к которому ты пришел, вещью, имеющей какую-нибудь сущность или нет?» Если он ответит «нет», это будет бессмысленно и нелепо, а если

он ответит «да», мы скажем ему: «Ты признаешь существующую сущность, почему же тебе не признать это для каждого существующего и для каждой сущности, чтобы освободиться от этого противоречия и этих нелепостей.

Далее, если твое первое утверждение о том, что существующая белизна нуждается в существовании помимо него, правильно, это существование также, несомненно, нуждается в существовании помимо него, а это нелепо». Найдется и такой, который, запутавшись в этих небылицах, начнет городить еще более чудовищную чепуху. Тогда мы прекратим разговор с ним и остановим его другим способом.

Если свойство существования существует само по себе, а не по причине другого существования и обладает сущностью, сущность станет существующей,— тогда суждение о части будет приписываться целому, а это нелепо.

Но если дело обстоит так, сущность не станет существующей, а станет только относящейся к существующему, так что свойство части не будет приписываться целому. Точно так же, например, белизна есть белизна сама по себе, а если она приписывается телу, она уже не будет целой белизной, а станет белым, если же белизна сама была бы бела, тело не стало бы белым, а только относилось бы к какой-то белой вещи, подобно тому как простые люди называют белизну белой и говорят: «Это белый цвет» — однако это в переносном смысле, а не в действительности.

Поэтому, если о существовании говорят, что оно существует, это также не в действительности, а в переносном смысле, суждение об этом есть суждение в переносном смысле, и об этом нет спора. Знай, что это общий вопрос для всех наук, истина его почти не выявляется для исследователя, если же не так, то он знает ошибочность этого.

От одного из них я слышал, что он говорил, что существование существует и не нуждается в другом существовании, так же как человек есть человек благодаря свойству быть человеком и свойство быть человеком не нуждается в другом свойстве быть человеком для того, чтобы стать этим свойством.

Говорящий это не различает человека и свойство быть человеком, так как если свойство быть человеком определено тем, что оно есть человек, оно нуждалось бы в другом свойстве — быть человеком, но оно определяется тем, что оно есть свойство быть человеком. Разве он не сказал то же самое о существовании — что существование не определено, так как оно существует, ибо оно существует, не нуждаясь

в существовании. Но оно определено только тем, что оно есть существование, так что это опровергает нелепость. Это заблуждение — самое явное среди всех заблуждений, о которых говорится в этой главе,— да хранит нас всевышний Аллах от лжи и склонности к болтовне.

Что же касается разрешения сомнения людей истины, состоящего в том, является ли существование только понятием, вытекающим из причины, то если оно является только понятием, вытекающим из причины, как же оно может быть понятием, существующим объективно, помимо самого существующего, оставаясь таким и будучи следствием только этой сущности?

Таким образом, сущность также не существовала, а теперь существует и является следствием. Но сущность не нуждается в существовании и в отношении существования. Если бы сущность не существовала до своего существования, то как что-то может нуждаться в чем-то до своего существования, ведь нужда в чем-то есть свойство существующего, а не несуществующего?

Когда душа постигает эту сущность и познает все ее состояние, она разумно разделяет ее на различные определения, среди которых имеются и существенные и случайные, как если бы они совпадали с существованием во всех вещах из категории случайных. Несомненно, что существование есть понятие, существующее помимо самого познаваемого, но речь идет не об этом, а о существующем объективно.

Если затем разум исследует сущность, называемую свойством быть человеком, он знает, что свойство быть животным и свойство говорить присущи ей по ее сущности, а не по творению Творца, а существование присуще ей извне в том смысле, что если эта сущность была бы несуществующей, то ей было бы свойственно существование; необходимо рассмотреть ее свойства существования с точки зрения их зависимости от внешнего.

Я думаю, что все мудрые люди таковы, что от них не скроется это количество познанного. Кто же найдет себя недостаточным в этом смысле, тот должен знать, что уклонение произошло в результате воображаемой причины, и он должен упражняться и просить доброй помощи всевышнего Аллаха, дающего на все ответ. Однако рассмотрение определений и исследование их состояний является самым важным для разбирающегося в этих вопросах.

Необходимо Сущий в своем величии является такой сущностью, которую нельзя представить иначе, как существующей, и свойство существования которой для разума вытекает из сущности этого, а не из творения

Творца. Если бы свойство существования было бы понятием, существующим помимо его самого, то в его сущности, поскольку она является необходимой сущностью, была бы множественность, а по приведенному доказательству Необходимо Сущий по своему существу один во всех отношениях и ему ни в коем случае не присуща множественность, за исключением относительной множественности, которая, по-видимому, бесконечна по своему числу, но относительная множественность никоим образом не делает множественной сущность. Итак, все свойства Необходимо Сущего являются относительными, никакое из них не является действительным.

Возможно, что знание его действительно, т. е. действительно получение образов познаваемого в его сущности, однако все они необходимо являются возможно существующими. Об этом просто говорится в другом месте, посмотри там.

Узнав, что существование относительно, так же как единство и другое познаваемое, ты узнал, что и несуществование с точки зрения познания и его состояния относительны.

Как может несуществование быть действительным, если оно не является познаваемым понятием, а всякое познаваемое понятие существует только в душе, и поэтому сущность несуществования, т. е. понятие о нем, существует только в душе?

Речь о том, познается ли несуществование по существу или по случайному свойству, нас не касается, истина же такова, что она познается по случайному свойству.

После исследования этих понятий знай, что все возможно существующее имеет сущность для разума, которую разум познает, не относя к ней свойства существования, и вместе с тем он познает, что свойство существования присуще ей извне.

Если свойство существования присуще ей извне, то необходимо, чтобы свойство ее несуществования было бы присуще ей по ее сущности. Но свойство, присущее вещи по ее сущности, предшествует по порядку ее свойству, присущему ей извне.

Таким образом, свойство несуществования, присущее возможно существующей сущности, предшествует по порядку свойству ее существования.

Мы говорим, что возможно существующая сущность категорически не может быть причиной существования без того, чтобы не быть несуществующей, или средством, или чем-нибудь другим, являющимся возможно существующим.

Так, если А возможно, пусть А есть причина существования В и известно, что В есть возможно существующее. Но всякое возможно существующее осуществляется только тогда, когда его существование становится необходимым. Тогда В становится необходимо существующим, а А не было необходимо существующим.

Таким образом, возможно существующее, с одной стороны, есть возможно существующее, а с другой стороны, есть необходимо существующее, однако возможность его существования присуща ему по его сущности, а необходимость его существования является следствием.

Тогда А есть причина необходимости существования В, а это нелепо, так как недопустимо, чтобы возможно существующая сущность была бы причиной необходимо существующего. По поводу этого доказательства имеются споры и сомнения, в частности, следует ли из того, что А стало причиной существования В, необходимость А, подобно тому как огонь является причиной загорания дерева в силу своего жара, а другие свойства огня не являются причинами загорания? Примеры этого многочисленны.

Ответ состоит в том, что жар есть причина загорания, а не сущность огня, жар не может находиться только в таком предмете, как огонь. Таким образом, загорание относится к огню с той точки зрения, что он есть носитель действующей причины, а не с той точки зрения, что он сам действует.

Если бы сущность огня сама действовала бы, то все его свойства приводили бы к загоранию и в особенности такие существенные или необходимые свойства, которые неотделимы от сущности огня. Мы говорили, что сущность А, поскольку она необходима, вызывает необходимость В.

Если мы говорим, что она необходима, эта необходимость является условием того, что А является некоторой причиной, а не данной причиной. Разница между условием, при котором причина является некоторой причиной, и условием, при котором она является данной причиной, состоит в том, что сама причина необходимости В является сущностью А при любом условии; это условие, принимая во внимание необходимость А, присущую ему извне, не отрицает в нем возможности, присущей ему по его сущности.

Как можно отрицать необходимые свойства? Таким образом, сущность А, являющаяся возможно существующей при условии ее необходимости, является условием существования.

Следовательно, возможность имеет значение в осуществлении необходимости недопущения существования. Как может быть иначе, если она является необходимым условием действующей причины и в то же время из нее следует осуществление сущности А? Как это может быть в том, необходимость чего вызывается А?

Но если допустить отрицание возможности сущности А, причем А — необходимо существующее, доказательство было бы явно порочным, так как это условие присуще А по его сущности и отрицать это нельзя никоим образом.

Если кто-нибудь из говорящих сомневается в том, что причиной необходимости В является необходимость А, а необходимость А не может существовать, то если не так, его предметом является А, так же как жар, являющийся причиной загорания, может существовать только в предмете.

Если необходимость А является причиной необходимости В, а сущность вызывается возможностью, то это такая возможность, которая необходима для предмета необходимости А, участвующего в осуществлении необходимости.

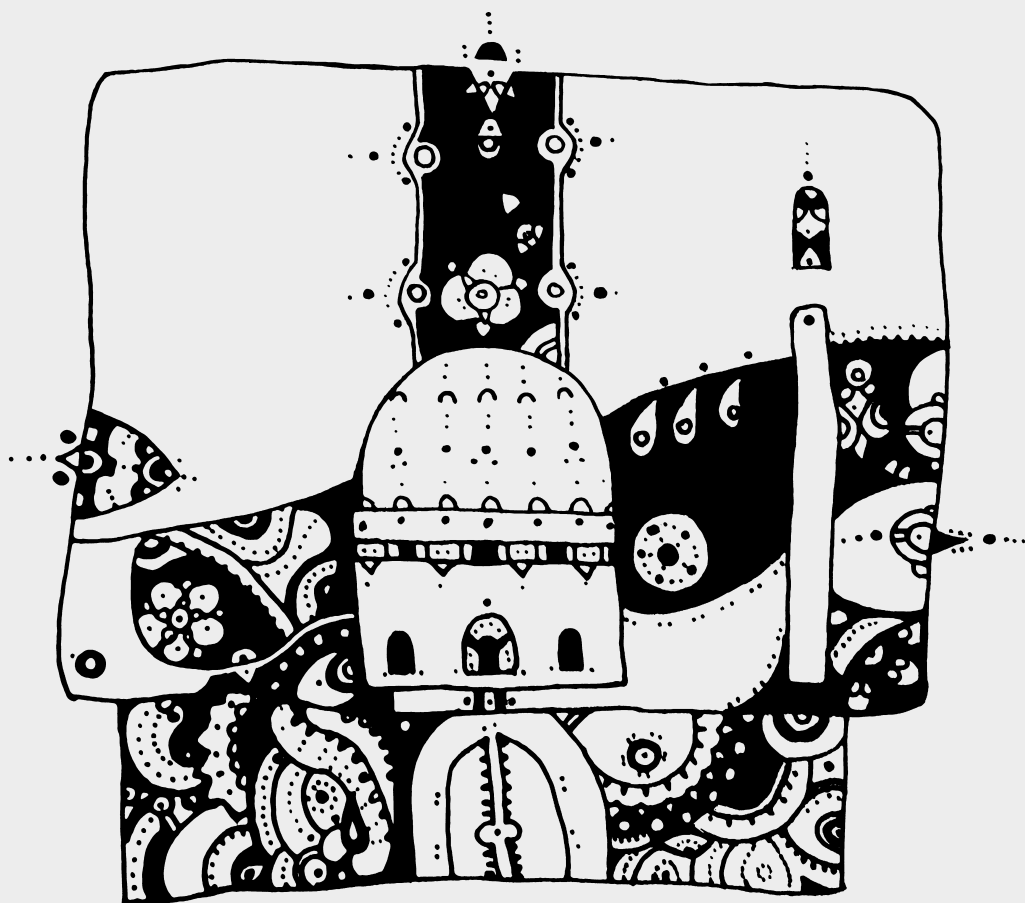
Ответ таков: необходимость А, согласно доказанному, не является существующей в вещах, она относительна, а относительное, существующее в душе и не существующее в вещах, не может быть причиной сущности, существующей в вещах, как движение жара огня, ибо жар огня существует в вещах, а тогда загорание, происходящее от жара, не было бы действительным, оно было бы недействительно.

Сказанное будет понятно в подробностях после следующего раздела: если необходимость А, о которой думают, что она есть причина необходимости В, существовала бы в вещах, она была бы необходимостью и для сущности А, участвующей в осуществлении необходимости, так как действующая причина для своего существования нуждается в материи и не действует без материи, а материей необходимости А является сущность А. Тогда сущность А участвовала бы в осуществлении необходимости и ее необходимость, являющаяся возможностью и, следовательно, несуществованием, также участвовала бы в этом, что нелепо.

Ясно, что все сущности сами вытекают из сущности первого Истинного Начала — велико его величие! — в последовательности цепи порядка, и все они являются благами, никоим образом не содержащими зла. Поистине, зло, являющееся хулой, или его необходимость происходит от необходимости противоречия, что ты узнал подробным образом. Аллах намного выше, чем о Нем говорят неправедные люди и еретики.

На все воля Аллаха. Он опекает нас, Он — лучший из помощников. Хвала Аллаху, являющемуся первым началом, и благословение Аллаха господину нашему Мухаммаду и его прекрасному чистому роду.

«Трактат о существовании», сочиненный досточтимым ученым Омаром ибн Ибрахимом ал-Хайями, да будет Аллах милосерден к нему, закончен пятого числа месяца раби ал-аввал 484 г. (1091 г. от Р. Х.).

Трактат Омара Ал-Хайями

«О ВСЕОБЩНОСТИ

СУЩЕСТВОВАНИЯ»

Трактат Омара Ас-Хаййами

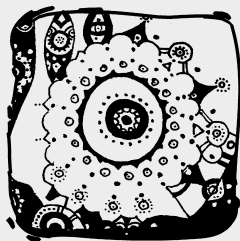
«О всеобщности

существования»

Во имя Аллаха милостивого, милосердного.

Так говорит Абу-л-Фатх Омар ибн Ибрахим ал-Хайями: «Когда я приобрел счастье службы праведному господину Фахр ал-Мулку, сыну Муаййида ал-Мулка, и он одарил меня своими милостями, он потребовал от покорного слуги памятку о всеобщей науке. Это сочинено как трактат для удовлетворения этой просьбы. Если ученые и философы подойдут со справедливостью, они найдут, что это краткое более полезно, чем все тома. Пусть всевышний Аллах дает успех в осуществлении цели всякого, клянусь его благом и щедростью».

Раздел 1. Знай, что все существующие вещи, кроме самого всевышнего Творца, одного рода, все это субстанции. Субстанция бывает двух видов — телесная и абсолютная. Первым из слов, означающих общее, является субстанция, а если ты разделишь это на два вида, одно слово есть тело, а другое — абсолютное. Общее сущее имеет только эти три названия — субстанция, тело и абсолютное, так как, кроме всевышнего Творца, субстанция есть только это. Один вид общего делим, а другой — неделим, делимое это тело, а неделимое — абсолютное. Между делимым и неделимым имеется различие в отношении порядка. Абсолютное в отношении порядка подразделяется на два общих вида, один называется разумом, а другой — душой, каждый из них имеет десять ступеней. Части общего разума бесконечны. Первая из них — это творящий разум, первое следствие необходимо сущей первой причины и причина всего сущего, находящегося под ним, это господин общего сущего. Второй разум — господин высшего неба, третий разум — господин неба небес, четвертый разум — господин неба Сатурна, пятый разум — господин неба Марса, шестой разум — господин неба Юпитера, седьмой разум — господин неба Солнца, восьмой разум — господин неба Венеры, девятый разум — господин неба Меркурия, десятый разум — господин неба Луны. Для всякого разума есть душа, так как разум не бывает без души, а душа — без разума. Каждый из разумов и душ, являющихся господами небес, движет свое небо, причем душа движет деятельностью, а разум — любовью. Поэтому разум выше и достойнее, чем душа, и ближе к необходимо сущему.

Раздел 2. Надо знать, что когда мы говорим, что душа движет небо деятельностью, а разум движет душу любовью, мы говорим, что душа уподобляется разуму, хочет достичь его, и взаимоотношения души и разума и являются причиной движения неба.

Это движение требует исчисления частей неба и приводит к числам, необходимым для общего. Полное число необходимо бесконечно, потому что конечное число есть часть, так как оно может быть получено делением пополам и является или четным или нечетным, и если оно четное, оно превышает нечетным, а если оно нечетное, оно превышает четным, так что четное и нечетное являются частями числа. Отсюда следует, что общее не может быть конечным, а полное число несомненно принадлежит к общим.

Надо знать, что общее сущее, являющееся вечным, представляет собой следствие необходимого сущего, первое из них творящий разум, затем общая душа, затем общее тело. Тело бывает трех видов: небеса, матери и рожденные! Каждый из них делится, и его части бесконечны по возникновению и исчезновению, только небеса и светила не возникают и не исчезают. Под ними находятся матери, первая из которых огонь, затем вода, затем земля. Из рожденных первое — минералы, затем растения, затем животные, затем человек. Человек принадлежит к роду животных, но выделяется речью, в отношении которой он превосходит животных.

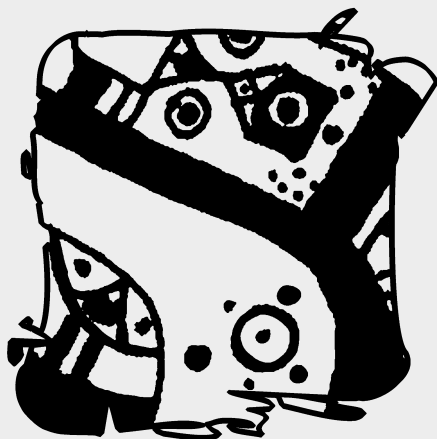
Порядок сущего подобен порядку букв алфавита, каждая из которых происходит из другой буквы, находящейся над ней. Только «алиф» не происходит от другой буквы, так как он является первопричиной всех букв и не имеет предыдущей, но имеет последующую. Если кто-нибудь спросит, какое число наименьшее, мы ответим «два», так как единица не есть число, у всякого числа имеется предшествующее и последующее. Говорят, что единица на единицу есть единица, единица на два есть два, единица на три — также три, а дважды два — четыре, [так как единица предшествует двум, а следует за ними три, а затем четыре]. То же самое для всех чисел. Поэтому необходимо сущее есть единица — не как число, так как единица не есть число, ибо она не имеет предшествующего, но она необходимо есть единица как первопричина. Следствием его является разум, следствием разума — душа, следствием души — небо, следствием неба — матери, следствием матерей — рожденные, и каждое из них есть причина того, что под ним, и следствием того, что есть причина другого. Это называется цепью порядка. Человек является совершенным человеком, только если он признает эту цепь порядка и знает, что все ее посредствующие господа — небеса, матери и рожденные — являются причинами его существования, но не однородны с ним, так как он однороден с Тем, Чье величие велико. Таким образом мы пришли к самой достойной вещи после разума и души,

т. е. начала, и если человек отличает начало от конца, он должен знать, что его разум и душа однородны с общим разумом и душой, а остальные господа чужды ему, и он чужд им. Поэтому он должен стремиться к однородным с ним, так как он не может быть вдали от родственных субстанций, иначе он должен испытывать постоянную пытку. Известно, что тело не имеет никакого отношения к абсолютному и истина субстанции человека абсолютна и неделима, а тело делимо. Определение тела таково: у него имеется длина, ширина, глубина и другие акциденции, как линия и поверхность, на которых оно находится. Определение абсолютного таково: у него нет длины, ширины и т. д., оно — источник вещей и определяет их формы. Оно — не точка, не линия, не поверхность, не тело, не характеризуется другими акциденциями — качеством, количеством, отношением, местом, временем, состоянием, обладанием, действием и страданием. Оно не является ничем из этого, оно — вполне самостоятельная субстанция. Доказательство того, что оно — субстанция, в том, что оно определяет форму, а форма — акциденция, акциденция же не может определяться акциденцией, а только субстанцией. Поэтому это — субстанция, оно не является телом, оно — мера и неделимо, так как мера неделима. Эта субстанция должна быть чиста от свойств тел. Под этими свойствами мы имеем в виду ее близость с телами; эта близость может иметь место только с однородными телами, это и является причиной ее уничтожения.

Раздел 3. Знай, что разум самостоятелен в постижении познаваемого, а душа при понимании истины познаваемого нуждается в разуме. Необходимыми свойствами души являются гордость и величие, по этой

причине она не похожа на разум. Доказательство этого — в том, что душа при понимании никогда не завидует разуму, так как душа считает, что у нее больше способности к пониманию, чем у разума. Но ее понимание приблизительное и совсем не истинно. Это сходство души и разума стихийно, его следы проявляются в ощущениях. Таким образом, душа, которая достойнее, чем тело, не свободна от сомнения, тело же всегда обладает сомнением. Тело состоит из материи и формы и обладает качествами, которые в общем даны ему душой, а в частностях даны телесными причинами. То, что мы сказали о частностях, нуждается в разъяснении, так как это весьма кратко. Всеобщая душа дает душу частному, а небо дает элементы рожденным и человеку, являющемуся частным случаем рожденных. Его качества дают и душа, и небо, и элементы, и рожденные, поэтому самомнение этого больше, чем у других вещей.

Раздел 4. Знай, что древние не углублялись в частности, так как частности преходящи и мимолетны. Они занимались общим, так как общее постоянно и наука о нем прочна. Кто знает общее, необходимо будет понимать и частное.

Знай, что общее бывает пяти видов: род, вид, подразделение, особенность, акциденция. Каждый из этих видов сам по себе является общим. Так, например, род есть единое общее слово, охватывающее множество. Тело и субстанция также являются общим, каждое из них охватывает множество. Субстанция — это слово, означающее все познаваемое, за исключением всевышнего Творца. Субстанция бывает двух видов —

растущее и нерастущее. Растущее бывает двух видов — животное и неживотное. Животное бывает двух видов — говорящее и неговорящее. Здесь можно найти родовое место, под которым нет другого вида, — говорящее животное. Остальные виды — промежуточные, и каждый из промежуточных видов по отношению к тому, что под ним, есть род, а по отношению к тому, что над ним, есть вид. Там, где они являются видом, — они частное по отношению к своему общему. Таким образом, каждый из них есть и общее и частное. Так, например, субстанция является родом по отношению к своему виду, ее виды — животные и неживотные. Животные являются родом по отношению к своему виду, их виды — говорящие и неговорящие. Знай, что субстанция — это общее, охватывающее все существующие роды; подразделение есть такое общее, с помощью которого можно отделить род от рода и вид от вида. Так, например, животное — это одно слово, включающее говорящее и неговорящее, говорящее — это подразделение, выделяющее человека, который отличается от других животных речью. Сравнивай другие вещи таким же образом. Особенность — это такое свойство, которое нельзя отделить от ее субстанции ни воображением, ни разумом, ни действием, как, например, влажность от воды, если ты отделишь влажность от воды, она перестанет быть водой, или жар от огня, сухость от земли, тонкость от воздуха.

Общих акциденций девять видов — количество, качество, отношение, место, время, состояние, обладание, действие и страдание, — все это акциденции. Количество означает «сколько», качество — «как», отношение — «что к чему», место — «где», время — «когда», состояние — «каким образом», обладание — «чей», действие — «что делает», страдание — «что испытывает».

Все это приводят и в состояние движения, и в состояние покоя — и небеса, и матери, и рожденные. То, что приводит их в эти состояния, человек называет живой водой. Для всех частных предметов возможны и состояния движения и состояния покоя. Тому, кто изучает эти предметы, эти слова должны быть известны. Однако истинные причины этих состояний лучше всего находить людям на основе обследования и доказательства, принимая во внимание то, какова цель и каково место этих состояний.

Знай, что каждое слово, которое говорится, когда слушающий является слугой, называется повелительным, а тот, кто слушает, называется подчиняющимся. Или же слово является просительным, это слово говорится подчиняющимся повелевающему. Или же суждение является ус-

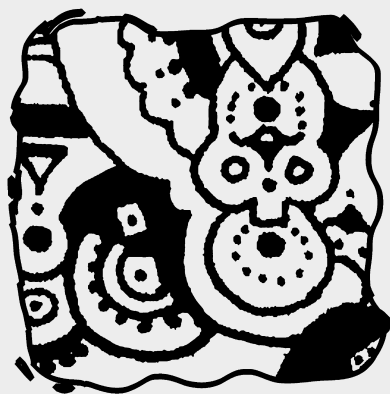
ловным, когда один говорит «так», а другой говорит — «нет, так». Или же слово является синонимом, это такое слово, которое имеет и другую форму. Имеется и еще одно слово — омоним, это такое слово, которое имеет два или больше значений.

Раздел 5. Знай, что действия человека бывают только двух видов и оба являются акциденциями: мгновенные и долговременные. Они появляются у человека по причине гнева, страсти или желания, движения или покоя. Все это бывает двух видов — приятные и неприятные, например, гнев и ненависть неприятны, а привязанность или любезность приятны. То, что проходит и быстро исчезает, называется мгновенным, а то, что остается на долгое время, называется долговременным. Так, если человек изучает, он долгое время не забывает. Приятные и неприятные свойства могут оставаться в человеке или исчезать. Если что-либо исчезает, это акциденция и никогда не касается достоинства человека.

Для доказательства существования Творца, велико Его величие, надо знать, что вещей, мыслимых человеком, имеется только три вида: они бывают или необходимы, или возможны, или невозможны. Необходимая вещь — это то, что не может не существовать. Возможное — это то, что может существовать и не существовать. Если ты доказал возможное, оно становится необходимо в силу необходимости невозможного, и если говорят, что что-то есть, его существование возможно только

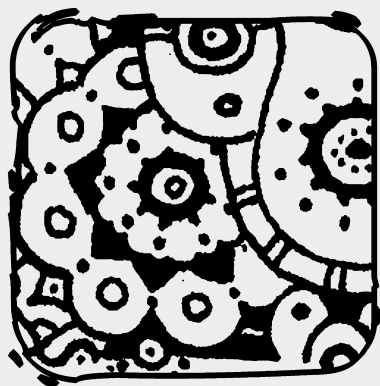
в воображении людей. Вещь, существование которой всегда и во всех отношениях необходимо,— это Творец,— священы Его имена! Вещь, существование которой возможно,— это все существующее, кроме всевышнего Творца. Вещь, существование которой невозможно, не существует. Аллах знает лучше.

Раздел 6. Знай, что все существующее бывает двух видов — один необходимо существующий, это всевышний Творец, другой — возможно существующий, который также бывает двух видов: один субстанция, т. е. такая существующая вещь, которая не нуждается в содержании; второй — акциденция, т. е. существующая вещь, нуждающаяся в содержании. Субстанция бывает двух видов — тело и бестелесное. Тела одинаковы и равны по телесности, но действия тел различны: некоторые холодны, некоторые жарки, некоторые — растения, некоторые — минералы. Разные действия не могут быть совмещены в одном теле, не нуждаются в доказательстве действия и силы в теле, по причине различия которых в нем появились бы эти различия.

Философы называли некоторые из этих действий свойствами. Это несколько не удивительно: так, магнит притягивает железо, а огонь обладает способностью производить одним пламенем сто тысяч таких же огней, причем эти огни не уменьшаются. Если бы люди не видели огня и если бы благодаря многократному созерцанию эта удивительность и странность не исчезли, они считали бы тело огня самым странным и самым удивительным. Но люди не удивляются этому действию огня и знают, что в огне имеется сила, являющаяся причиной сожжения и на-

гревания. Также они должны представлять себе, что в теле магнита имеется сила, действие которой состоит в притяжении железа. Кто представляет себе истинно это понятие, будет избавлен от многих трудностей.

Последний раздел. Знай, что те, которые добиваются познания Господа, чистого и высокого, подразделяются на четыре группы:

Первые — мутакаллимы, которые согласны с мнением, основанным на традиционных доказательствах. Этого им хватает для познания всевышнего Господа, Творца, имени Которого свяшенны.

Вторые — это философы и ученые, которые познают при помощи чисто разумного доказательства, основанного на законах логики. Они никоим образом не удовлетворяются традиционными доводами. Однако они не могут быть верны условиям логики и ослабевают.

Третьи — это исмаилиты и талимиты, которые говорят, что путем познания Творца, Его существования и свойств является только весть праведника, так как в доказательствах познания есть много трудностей и противоречий, в которых разум заблуждается и ослабевает, поэтому лучше так, как требует речь праведника.

Четвертые — это суфии, которые не стремятся познать с помощью размышления и обдумывания, но очищают душу с помощью морального совершенствования от грязи природы и телесности, и когда субстанция очищена, она становится наравне с ангелами, и в ней поистине проявляются эти образы. Этот путь лучше всего, так как мне известно, что ни для какого совершенствования нет лучшего, чем достоинство Господа, отчего нет ни запрещения, ни завесы ни для какого человека. Они име-

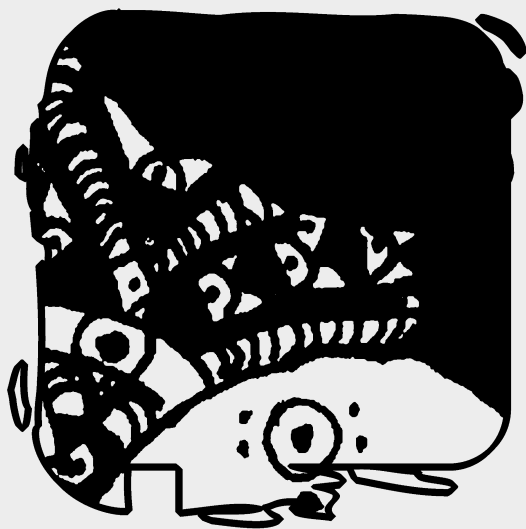
ются только у самого человека от грязи природы, и если бы эти завесы исчезли, а запрещения и стены были бы удалены, истины вещей стали бы известны и казались бы, как они есть. Господин всего бытия, лучшие поклоны и молитвы ему, указал на это, говоря: «В дни вашей жизни у вашего Господа есть вдохновения, только вы должны их познать».

Учения Гермеса, Агамемнона, Пифагора, Сократа и Платона таковы, что души, находящиеся в телах людей, обладают недостатками, колеблются и переходят из одного тела в другое до тех пор, пока они не станут совершенными, и когда они становятся совершенными, они теряют связь с телами. Это называется метемпсихозом; если же души переходят в тела животных, это называется метаморфозой, если они переходят в растения, это называется усыплением, а если они переходят в минералы, это называется окаменением. Таковы разряды, соответствующие у них нисходящим ступеням ада.

Трактат окончен во славу всевышнего Аллаха и с Его прекрасной помощью. Благословение Аллаха нашему господину и пророку Мухаммаду и его чистому роду.

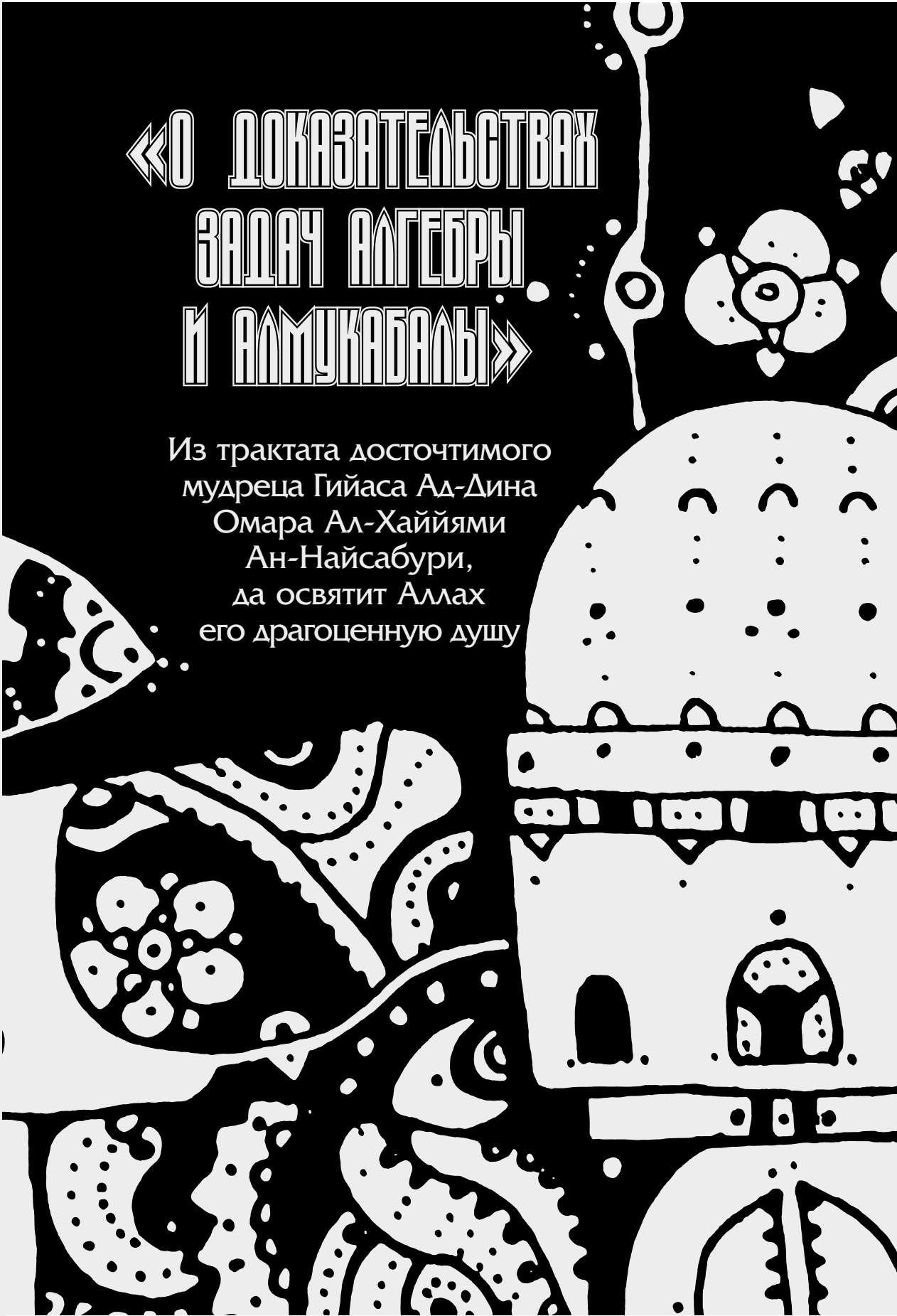
Приписка на полях рукописи этого трактата:

«Скажи умным, что мистически влюбленным Путь показывает их экзистическое наитие, а мышление не есть путеводитель».

«О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ ЗАДАЧ АЛГЕБРЫ И АЛМУКАБАЛЫ»»

Из трактата досточтимого
мудреца Гийаса Ад-Дина
Омара Ал-Хаййями
Ан-Найсабури,
да освятит Аллах
его драгоценную душу

«О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ ЗАДАЧ АЛГЕБРЫ И АЛМУКАБАЛЫ»

Из трактата досточтимого
мудреца Гийаса Ад-Дина
Омара Ал-Хаййями
Ан-Найсабури,
да освятит Аллах
его драгоценную душу

Во имя Аллаха милостивого, милосердного.

Хвала Аллаху, господину миров, и благословение всем Его пророкам.

Один из поучительных вопросов, необходимый в разделе философии, называемом математикой, это искусство алгебры и алмукабалы, имеющее своей целью определение неизвестных, как числовых, так и измеримых. В нем встречается необходимость в некоторых очень сложных видах предложений, в решении которых потерпело неудачу большинство этим занимавшихся. Что касается древних, то до нас не дошло сочинение, в котором они рассматривали бы этот вопрос: может быть, они искали решение и изучали этот вопрос, но не смогли преодолеть

трудностей, или их исследования не требовали рассмотрения этого вопроса, или, наконец, их труды по этому вопросу не были переведены на наш язык. Что касается позднейших, то среди них ал-Махани предложил проанализировать предпосылку, принятую Архимедом в четвертом предложении второй книги его «Книги о шаре и цилиндре», при помощи алгебры. Он пришел к уравнению, содержащему кубы, квадраты и числа, которое ему не удалось решить, несмотря на то, что он долго размышлял о нем. Поэтому считалось, что это решение невозможно, пока не явился Абу Джафар ал-Хазин, решивший это уравнение при помощи конических сечений. После него некоторые из этих видов были нужны многим геометрам, и один геометр решал один из этих видов, а другой — другой. Но никто из них не говорил ничего ни о перечислении этих видов, ни об изложении случаев каждого вида, ни об их доказательствах, за исключением двух видов, которые я укажу.

Я же, напротив, всегда горячо стремился к тому, чтобы исследовать все эти виды и различить среди этих видов возможные и невозможные случаи, основываясь на доказательствах, так как я знал, насколько настоятельна необходимость в них в трудностях задач. Но я был лишен возможности систематически заниматься этим делом и даже не мог сосредоточиться на размышлении о нем из-за мешавших мне превратностей судьбы. Мы были свидетелями гибели ученых, от которых осталась малочисленная, но многострадальная кучка людей. Суровости судьбы в эти времена препятствуют им всецело отдаться совершенствованию и углублению своей науки. Большая часть из тех, кто в настоящее время имеет вид ученых, одевают истину ложью, не выходя в науке за пределы подделки и притворяясь знающими. Тот запас знаний, которым они обладают, они используют лишь для низменных плотских целей. И если они встречают человека, отличающегося тем, что он ищет истину и любит правду, старается отвергнуть ложь и лицемерие и отказаться от хвастовства и обмана, они делают его предметом своего презрения и насмешек. Аллах помогает нам во всех случаях, Он наше прибежище.

Поскольку всевышний Аллах даровал мне благо, я хочу посвятить себя его сиятельству нашему славному и несравненному господину, судье судей имаму господину Абу Тахиру, да продолжит Аллах его возвышение и повергнет тех, кто питает против него зависть и вражду. Я отчаялся увидеть столь совершенного во всех практических и теоретических качествах человека, сочетающего в себе и проницательность в науках и твердость в действиях и усилиях делать добро всем людям. Его присутствие расширило мою грудь, его общество возвысило мою славу, мое

дело выросло от его света, и моя спина укрепились от его щедрот и благодарений. Благодаря моему приближению к его высокой резиденции я почувствовал себя обязанным восполнить то, что я потерял из-за превратностей судьбы, и кратко изложить то, что я изучил до мозга костей из философских вопросов. И я начал с перечисления этих видов алгебраических предложений, так как математические науки более всего заслуживают предпочтения. Я ухватился за веревку помощи всевышнего Аллаха, надеясь, что Он дарует мне успех в доведении до конца размышлений как по этому вопросу, так и по вопросу, которым занимались передо мной в науках более важных, чем другие. Я опираюсь на Его прочную поддержку, потому что Он господин исполнения молитв и к Нему нужно прибегать во всех случаях.

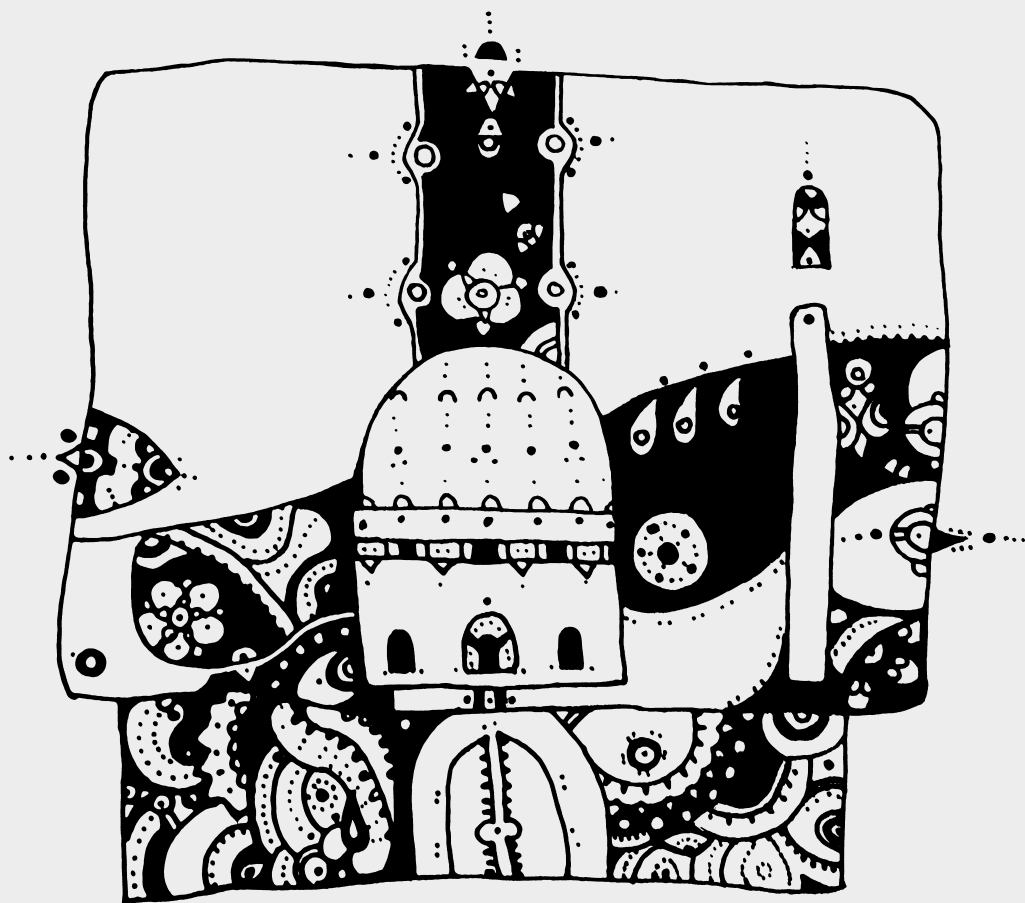
Я утверждаю, что искусство алгебры и алмукабалы есть научное искусство, предмет которого составляют абсолютное число и измеримые величины, являющиеся неизвестными, но отнесенные к какой-нибудь известной вещи, по которой их можно определить. Эта вещь есть или количество или отношение, не связанное ни с чем другим. В это ты должен глубоко вникнуть. Цель этого искусства состоит в нахождении соотношений, связывающих его предмет с указанными данными. Совершенство этого искусства состоит в знании методов изучения, посредством которых можно постигнуть способ определения упомянутых неизвестных, как числовых, так и геометрических.

Величин, т. е. непрерывных количеств, имеется четыре вида: линия, поверхность, тело и время, как это изложено кратко в «Категориях» и подробно в «Первой философии». Некоторые рассматривают место как подразделение поверхности, подчиненное роду непрерывного количества, но исследование опровергает это мнение и подтверждает, что место есть поверхность в некотором положении и обстоятельствах, определение которых — вне нашего предмета. Время не принято считать предметом алгебраических задач, но если бы это было сделано, это было бы допустимо.

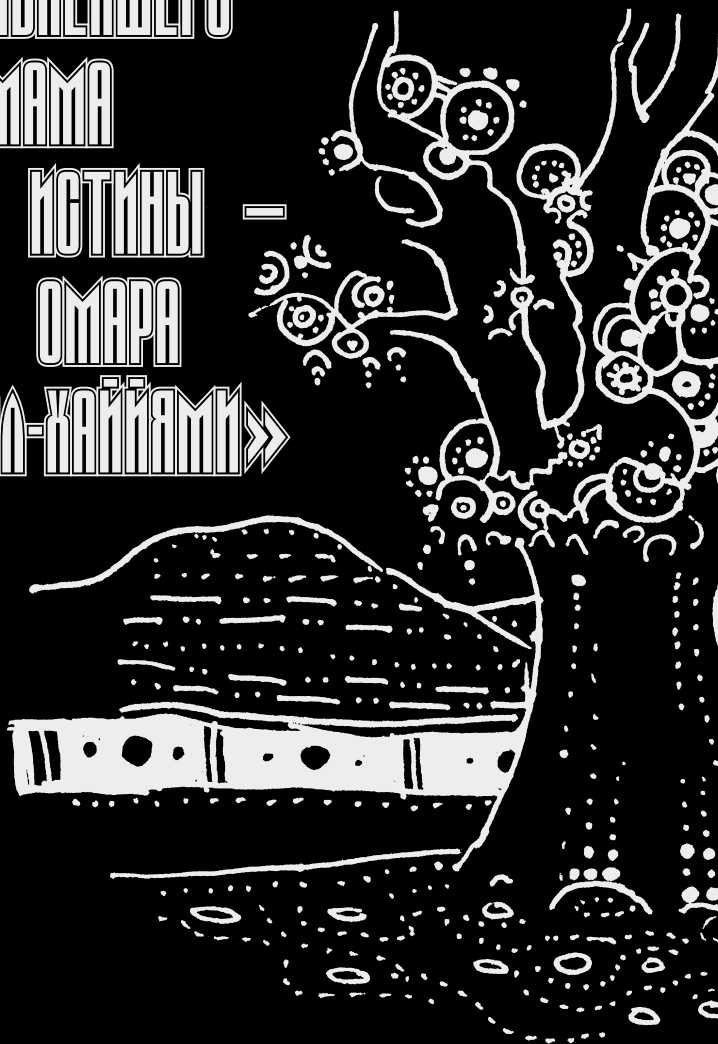
Обычно алгебраисты называют неизвестную, которую хотят определить, вещью, ее произведение на себя — квадратом, произведение ее квадрата на нее — кубом, произведение ее квадрата на себя — квадратом-квадратом, а произведение ее куба на ее квадрат — квадратом-кубом, произведение ее куба на себя — кубом-кубом и так далее сколько угодно. Из книги Евклида «Начала» известно, что все эти степени пропорциональны, т. е. единица относится к корню, как корень к квадрату и как квадрат к кубу; следовательно, число относится к корням, как

корни к квадратам, как квадрат к кубам и как кубы к квадрато-квадратам и так далее сколько угодно.

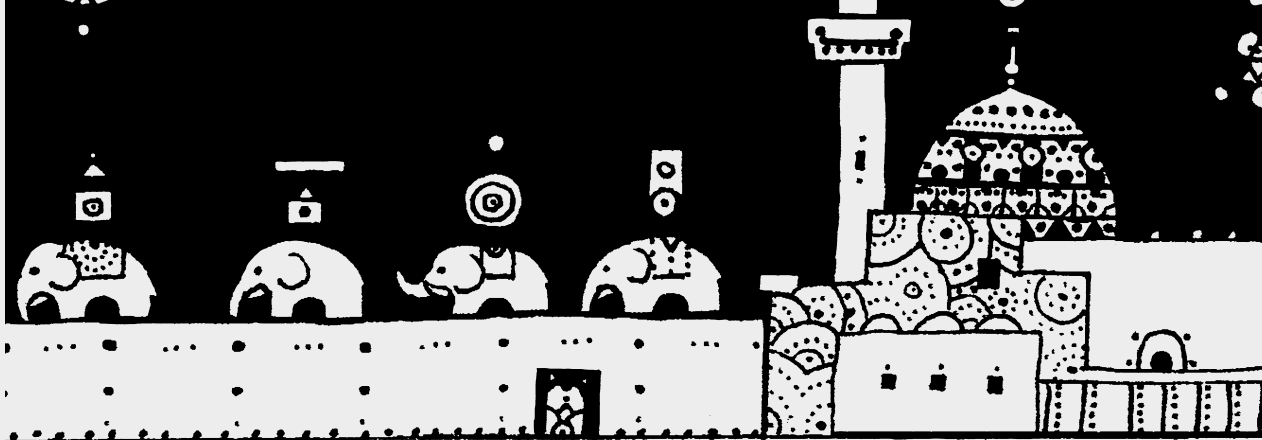
Следует знать, что этот трактат может быть понят только теми, кто хорошо знает книги Евклида «Начала» и «Данные», так же как две книги сочинения Аполлония «Конические сечения». Тот, для кого один из этих путей к знанию закрыт, не сможет проложить путь к его изучению. Мне с трудом удалось ограничиться в этом трактате ссылками только на три названных мной сочинения.

Из трактата
«КОММЕНТАРИИ
К ТРУДНОСТЯМ
ВО ВВЕДЕНИЯХ КНИГИ
ЕВКЛИДА В ТРЕХ КНИГАХ,
СОЧИНЕНИЕ СЛАВНЕЙШЕГО
ШЕЙХА ИМАМА
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИСТИНЫ —
АБУ-А-ФАТХА ОМАРА
ИБН ИБРАХИМА АЛ-ХАЙЙАМИ»

Из трактата
«КОММЕНТАРИИ К ТРУДНОСТЯМ
ВО ВВЕДЕНИЯХ КНИГИ ЕВКЛИДА
В ТРЕХ КНИГАХ, СОЧИНЕНИЕ
СЛАВНЕЙШЕГО ШЕЙХА ИМАМА
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИСТИНЫ —
АБУ-А-ФАТХА ОМАРА
ИБН ИБРАХИМА АЛ-ХАЙЙАМИ»»

Во имя Аллаха милостивого, милосердного.

Хвала Аллаху, Господину милости и милосердия, мир избранным Его рабам и в особенности государю пророков Мухаммаду и всему его чистому роду.

Изучение наук и постижение их с помощью истинных доказательств необходимо для того, кто добивается спасения и вечного счастья. В особенности это относится к общим понятиям и законам, к которым прибегают для изучения загробной жизни, доказательства существования души и ее вечности, постижения качеств, необходимых для существования Всевышнего и Его величия, ангелов, порядка творения и доказательства пророчеств государя пророков, повелениям и запрещениям которого повинуются все творения в соответствии с соизволением всевышнего Аллаха и силой человека.

Что же касается частных предметов, то их нельзя расположить в одном порядке, так как их причины бесчисленны, вследствие чего разум творений не может понять их полностью,— можно понять только то, что постигается чувствами, воображением и мыслью.

Раздел философии, называемый математикой, является самым легким из всех разделов с точки зрения представления и доказательств. Что касается арифметики, это совершенно ясно. Что же касается геометрии, то это также ясно для того, кто обладает здравым смыслом, проницательным умом и острой интуицией. Этот раздел философии сообщает нам гибкость, укрепляет соображение, приучает нас ненавидеть недоказанное, так как его исходные положения общеизвестны, доказательства легки, в нем воображение помогает разуму и мало противоречивого.

Из «Книги доказательств» науки логики известно, что в каждом искусстве, основанном на доказательствах, рассматривается некоторый предмет и его случайные и существенные свойства и имеются предпосылки, на которых основываются доказательства,— это или аксиома, как целое больше части, или доказанное в другом искусстве, или посту-

лат, не доказываемый в этом искусстве, но служащий для определения его предмета. Такие предпосылки имеются и в таком искусстве, в котором невозможно действительное определение предмета и самое установление таких определений, но этот предмет все же можно описать некоторым удовлетворительным образом. Эти вопросы весьма подробно разбираются в «Книге доказательства» искусства логики, куда и следует обращаться.

Я всегда страстно желал тщательно рассмотреть эти науки и исследовать их. Одни их разделы я предпочитаю другим и в особенности предпочитаю книгу «Начала» о геометрии, так как эта книга является основанием всей математики, а принципы геометрии являются принципами всей математики. Что касается точки, линии, поверхности, угла, круга, прямой линии, плоской поверхности и тому подобных принципов, то их установлением и истинным определением занимаются те, кто владеет общей наукой философии.

Точно так же такие предпосылки, как деление величин до бесконечности и проведение из данной точки к любой другой точке прямой линии и тому подобное, не являются аксиомами и не очевидны без доказательства. Это также дело философа.

Что же касается таких постулатов, как квадрат, пятиугольник, треугольник и тому подобное, то автор книги дает во введении только номинальные определения и обосновывает эти постулаты в самой книге. В то же время он приводит без доказательства большой постулат: всякие две прямые линии, пересекающие прямую линию в двух точках, если продолжить их в одну сторону, с которой их внутренние углы меньше двух прямых углов, пересекаются с этой стороны. Напротив, если это принять, это будет вопрос геометрии, который может быть доказан только в ней. Это необходимо для геометра, который — хочет он этого или не хочет — имеет право основывать что-либо на нем только после его доказательства.

Мне известны многие, размышлявшие над этим сочинением и разрешившие его неясности, но совершенно не уделившие внимания этому вопросу, вследствие его трудности, как, например, Герон и Евтокий из древних. Что же касается таких позднейших ученых, как ал-Хазин, аш-Шани, ан-Найризи, которые пытались доказать это, то никому из них не удалось представить строгого доказательства, каждый из них основывался на том, что является не более легким допущением, чем доказываемое. Если бы экземпляры этих сочинений не были так многочисленны и если бы знакомых с этими сочинениями не было так много, я привел бы здесь

это и показал бы их постулаты и причины их ошибок; ты очень легко можешь узнать это из их строк.

Далее, мне известно сочинение Абу Али ибн ал-Хайсама, озаглавленное «Разрешение сомнений в первой книге». Вначале я не сомневался, что он занимался этой предпосылкой и доказал ее, но когда я с радостью начал читать это сочинение, я обнаружил, что автор намеревался поместить этот постулат во введении к книге среди других принципов, не нуждающихся в доказательстве, что привело его к чрезвычайным затруднениям. Он изменил определение параллельности и сделал странные вещи, совершенно не в духе этого искусства. В частности, он говорил: «Если прямая линия, перпендикулярная к другой прямой линии, движется по ней, сохраняя перпендикулярность к этой линии, то ее второй конец образует прямую линию и образованная таким образом линия параллельна неподвижной линии». Далее, он берет эти две линии, двигает их, что совершенно не в духе этого искусства, и создает эти трудности и неприемлемые вещи для того, чтобы оправдать помещение этого постулата во введении. Эти слова ни в каком случае не имеют отношения к геометрии. Как может линия двигаться по двум линиям, сохраняя перпендикулярность к ним, и откуда следует возможность этого? Какое отношение имеется между геометрией и движением и что следует понимать под движением? Согласно ученым несомненно, что линия может существовать только на поверхности, а поверхность — в теле, т. е. линия может быть только в теле и не может предшествовать поверхности. Как же она может двигаться отвлеченно от ее предмета? Как линия может быть образована движением точки, в то время как она предшествует точке по своему существу и по своему существованию?

Ибн ал-Хайсам говорит, что Евклид во введении к XI книге определяет сферу подобным образом, а именно говорит: «Сфера получается при вращении полукруга после его возвращения в исходное положение». В ответ мы скажем, что известно действительно ясное определение сферы — она есть телесная фигура, ограниченная одной поверхностью, внутри которой имеется такая точка, что все прямые линии, проведенные из нее к ограничивающей поверхности, равны. Но Евклид по небрежности опустил это определение. В книгах «Начал», трактующих о телах, много небрежностей и доверия к опыту изучающего, приобретенному им до занятий этим. Если бы это определение имело какой-нибудь смысл, мы могли бы определить круг следующим образом: круг есть плоская фигура, получающаяся при вращении прямой на плоской поверхности, причем один ее конец закреплен на своем месте, а другой

возвращается в свое исходное положение. Но, отвергая определения такого рода, дающие место движению, и устраняя все, что не может быть включено в основания этого искусства, мы должны отвергнуть такие сочинения, чтобы не впасть в противоречие с законами доказательств, правилами и общими понятиями книг по логике. Далее, определение сферы у Евклида не совпадает с определением у этого мужа, так как Евклид знал и не недопустимое определение этой вещи, эта вещь определяется многими другими способами, и его неприемлемое определение не является предпосылкой ни для чего значительного, в то время как этот муж Ибн ал-Хайсам старается сделать этот вид неприемлемого определения предпосылкой для обоснования того, что нельзя обосновать без доказательства. Между определениями этих мужей имеется большая разница. Таковы неясности во введении к I книге.

Что касается неясностей во введении к V книге, в которой говорится об отношениях и их видах и о пропорциях и их разновидностях, они состоят в том, что неизвестен истинный смысл пропорции с точки зрения геометрии, о котором мы будем говорить во II книге этого трактата.

Мы не нашли никого, ни среди древних, ни среди позднейших, кто говорил бы о смысле пропорции удовлетворительно с философской точки зрения. Кое-что я нашел только у Абу-л-Аббаса ан-Найризи, который много говорил о смысле отношения и пропорции. Вначале я думал, что его изложение удовлетворительно, но прочтя и обдумав его, я увидел, что оно нуждается во многих предпосылках, которые опускаются или не упоминаются, так что оно также страдает многими недостатками, о Аллахе, может быть, из-за отсутствия нескольких страниц, которые мы, если будет угодно Аллаху, восполним.

Во введении к этой книге он, Евклид, помещает без доказательства утверждение о составных отношениях, говоря: «Для всяких трех величин отношение первой к третьей составлено из отношения первой ко второй и отношения второй к третьей».

Заметив недостатки в этих трех местах, невразумительно изложенных и не исправленных, я решил их исправить. Сейчас я молю всевышнего Аллаха о жизни и успехе и крепко держусь за веревку Его помощи. Я составил этот трактат в трех книгах: первая из них — о параллельных линиях и разрешении относящихся к ним сомнений, вторая — об истинном смысле отношений величин и об их пропорциях, третья — о составном отношении и всем, что к нему относится.

Аллах помогает нам во всех случаях, Он наше прибежище, наша надежда, наш лучший помощник.

Омар Хайям РУБАИ

Поэтический
перевод
Л. Некоры

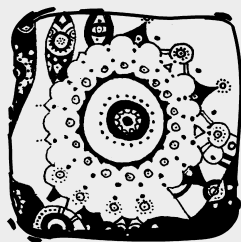
Омар ХАЙЯМ

РУБАИ

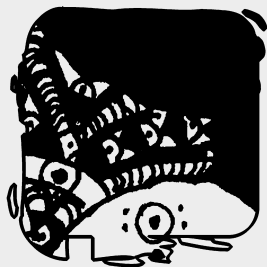
Поэтический перевод
Л. Некоры

Наш мир — Творца ошибку, плохой приют на час —
 Ты скрась вином, улыбкой и блеском милых глаз...
 Что спорить, мир предвечен иль создан был для нас.
 Пусть он и бесконечен, да нам конец сейчас.

Грозит нам свод небесный бедой — тебе и мне,
 И надо ждать разлуки с душой — тебе и мне.
 Приляг на мягком дерне! В могиле суждено
 Питать все корни собой — тебе и мне.

Как чаша, опрокинут над нами небосвод,
Он все живое давит и разум наш гнетет.
А посмотри, как нежно слились, уста к устам,
В лобзанье чаша с кубком, хоть кровь и там течет.

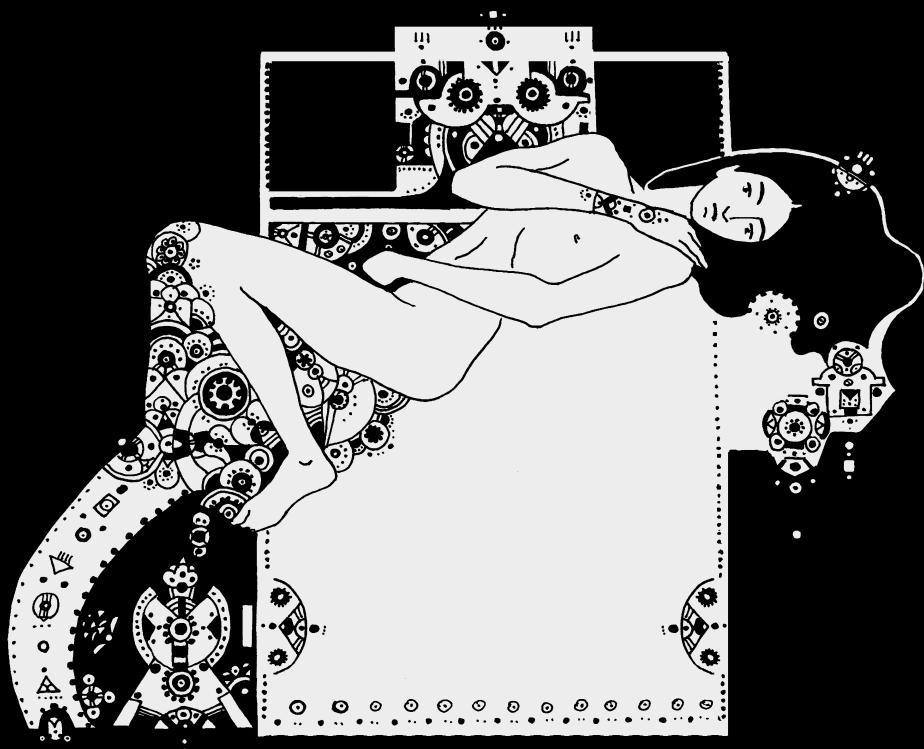
Заря! Дай чашу с ярким, как пурпур роз, вином;
Сосуд же доброй славы о камень разобьем.
Что за мечтой тянуться? Хочу я здесь перстом
Твоих кудрей коснуться и лютни струн потом.

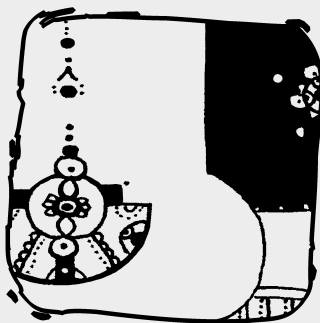
Иди зарей весенней к ручью — меже полей,
С друзьями иль подругой, небесных дев милей;
Пей утреннюю чашу... Свободен будешь ты
От призраков и страхов, мечетей и церквей.

Придя в кабак обратно, мы все — еще пьяней;
С молитвой пятикратной простились мы:
Бог с ней! И к фляжке длинношеей, где булькает вино,
Вытягиваем шеи все мы — еще длинней.

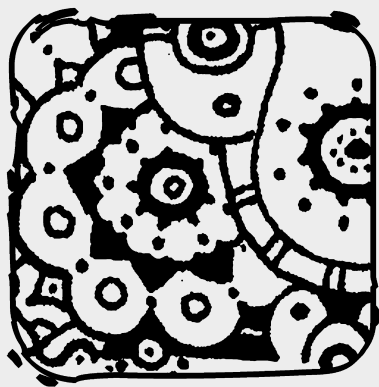

Налей! Вино — целитель сердечных ран — забот,
Наперсник тех, кто знает любви печаль и гнет.
Милей его обманы и пьяные мечты,
Чем этот череп мира, нависший небосвод.

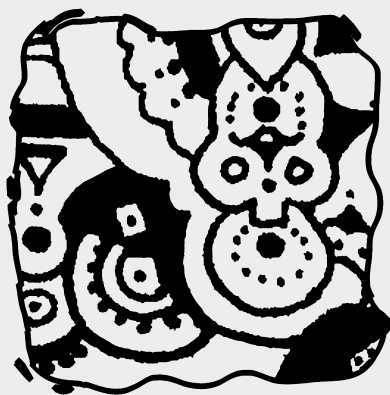

О мальчик! Каждой каплей вина, пролитой в прах,
Огонь тоски залил в сокрытых там очах.
Хвала Аллаху! Можем и сами мы с тобой
Изгнать напитком дивным из сердца скорбь и страх.

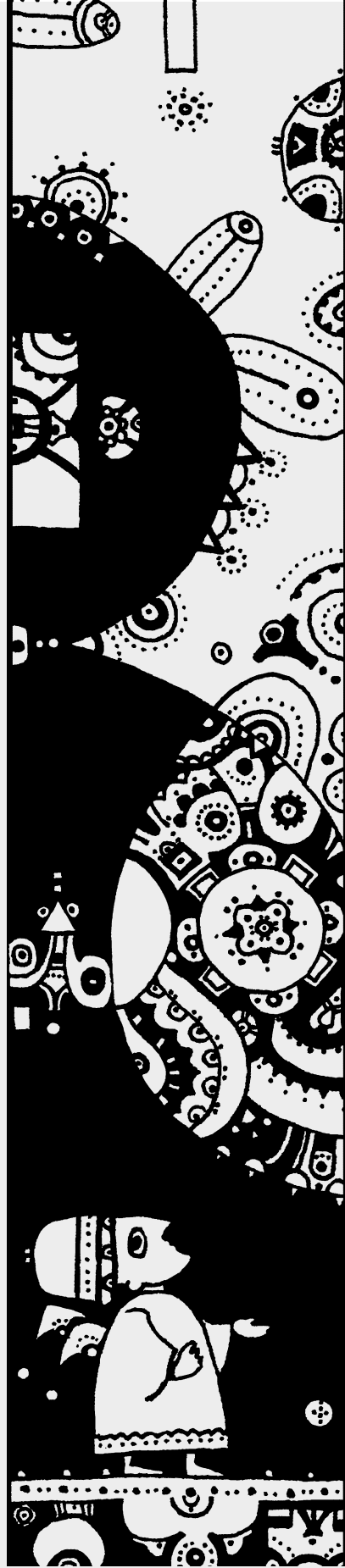
И я, седобородый, в силок любви попал,
И вот в руке сверкает искрящийся бокал!
Рассудок терпеливый мне сшил халат заслуг,
А рок мой прихотливый все в клочья изорвал.

Противоядье скорби, рубин целебных лоз
Душист, как мускус черный, и ал, как пурпур роз.
Подай вина и лютню, и обезвредим мы
Смертельный яд печали, отраву едких слез.

Раскаянья обеты забыли мы теперь
И наглухо закрыли для доброй славы дверь.
Мы вне себя; за это ты нас не осуждай:
Вином любви мы пьяны, не лоз вином, поверь!

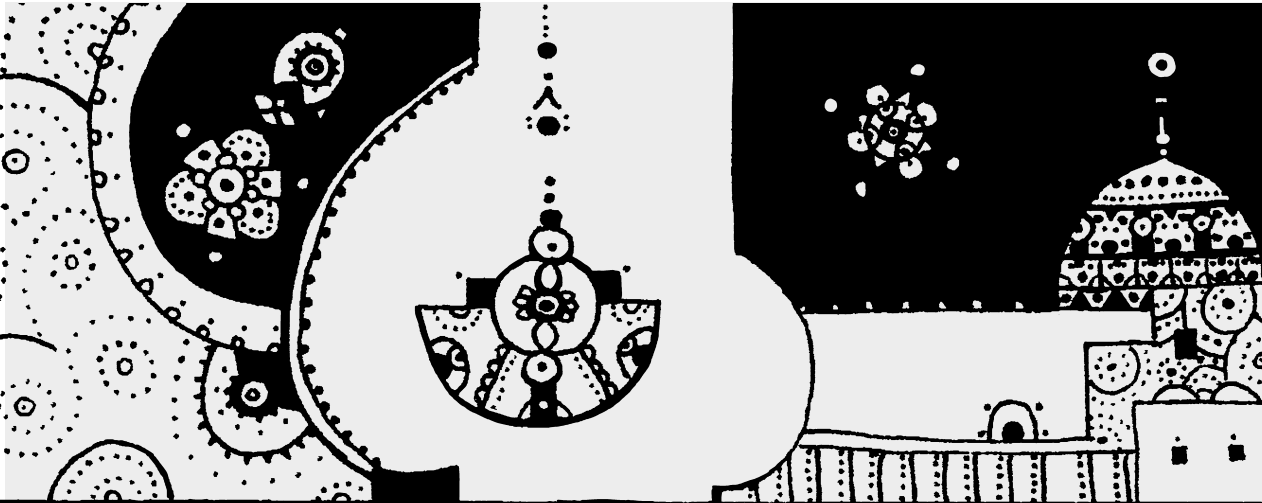
Быть может, алость розы — застывший пурпур вин;
Вино в прозрачном кубке — расплавленный рубин;
Вода — алмаз текучий; быть может, диск луны
Покров для лика солнца, и свет везде един.

Ты — дух животворящий, ты — чистое вино,
От всех скорбей целенье в тебе одном дано.
Еще мне две-три чаши! Как можно говорить,
Что лучшее лекарство больным запрещено.

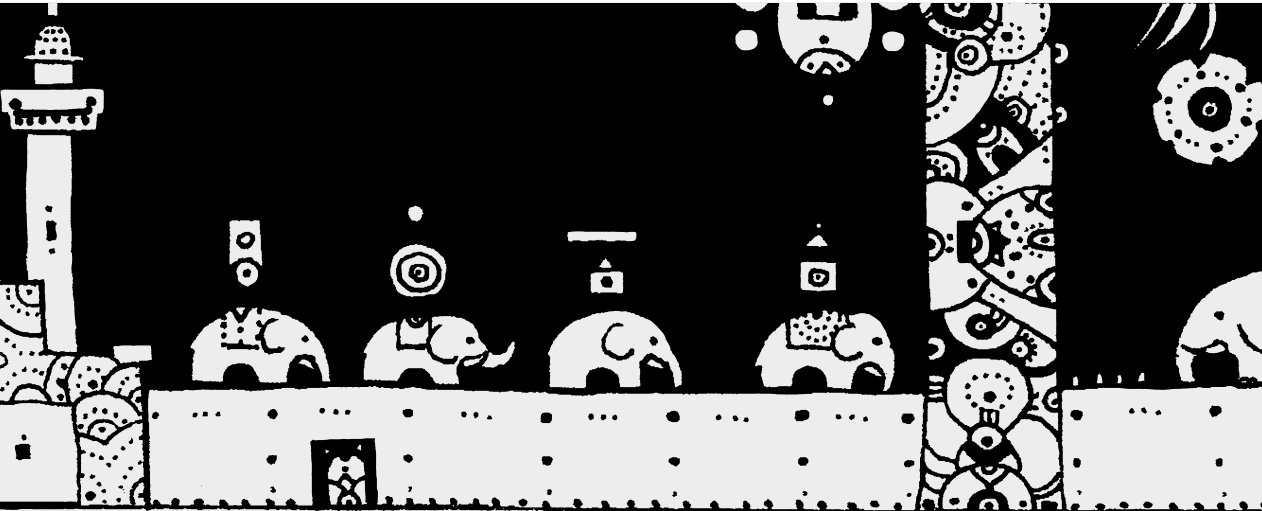
Стеклянный кубок полон вина живой игрой
И стал подобен телу с кипучею душой.
Кто грузен, вял, недвижим, тот недостойн нас;
Но этот грузный кубок теперь нам не чужой.

Пока твой не смешали с гончарной глиной прах,
Пока другим не служишь ты кружкой на пирах,
Пей сам, скорее, чаше! Про яд и рай забудь...
Нет времени нам думать о всяких пустяках.

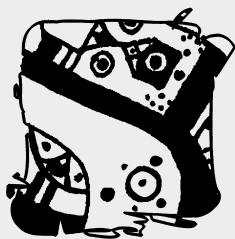
Свершить здесь омовенье ты можешь лишь вином,
А им не смыть порухи на имени твоём. Да что там!
Покрывало воздержности святой
В лохмотья изодралось, и дыр мы не зашьём.

О горе, горе сердцу, где жгучей страсти нет,
Где нет любви мучений, где грез о счастье нет!
День без любви — потерян; тусклее и серей,
Чем этот день бесплодный, и дней ненастья нет.

За постным Рамазаном и праздник настает:
Здесь сказочник веселый собрал вокруг народ;
А там носильщик с мехом тяжелым на плече,
Толкая всех прохожих, для нас вино несет.

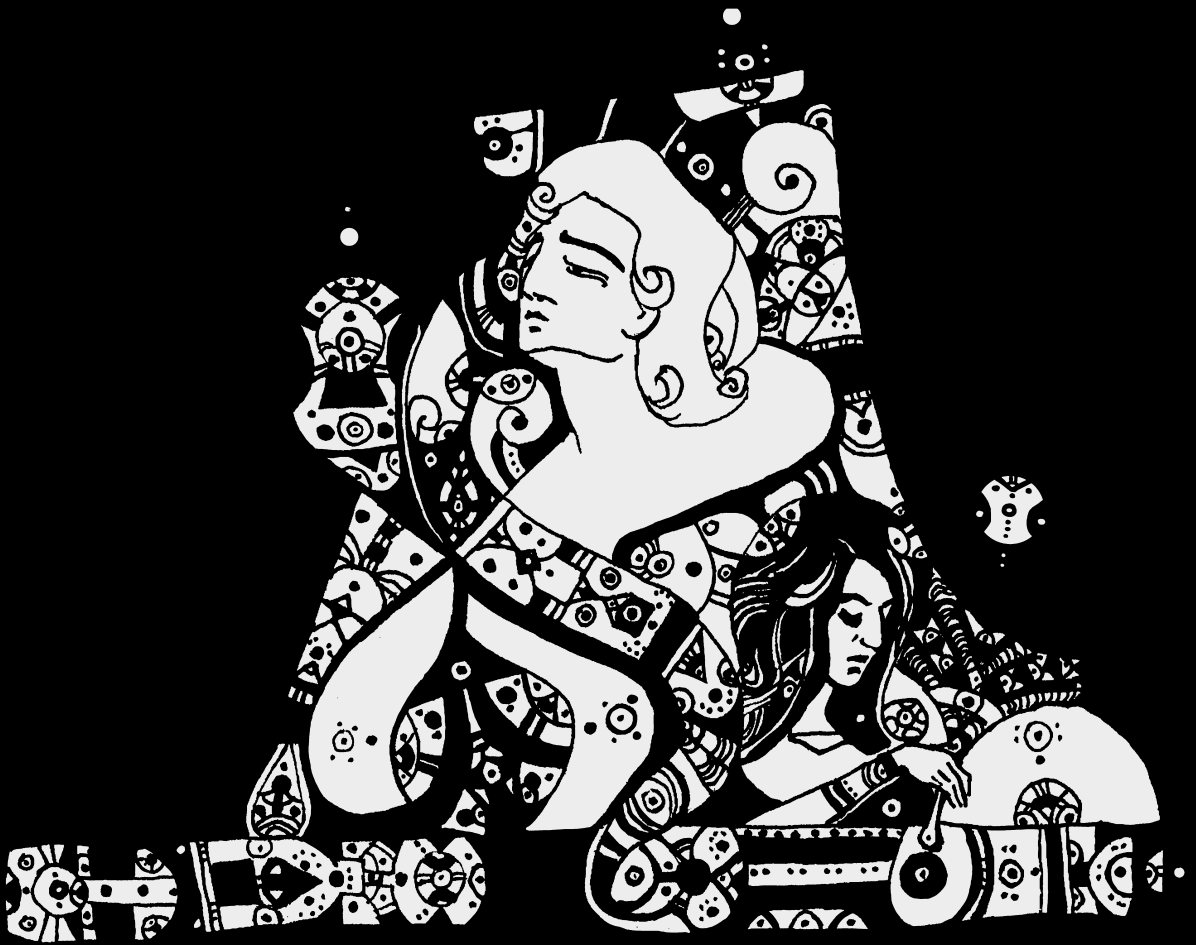

Для тех, кто умирает, Багдад и Балх — одно;
Горька ль, сладка ли чаша, мы в ней увидим дно.
Ущербный месяц гаснет — вернется молодым,
А нам уж не вернуться... Молчи и пей вино!

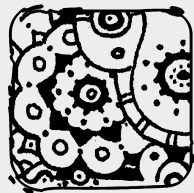

В свой час горит на небе лучистых звезд венец,
Восходит и заходит и меркнет наконец.
За пазухой у неба, в карманах у земли
Запас рождений новых... Ведь вечно жив Творец.

Когда-то просвещал нас синклит седых бород,
Когда-то восхищал нас и нашей мысли плод...
А что в конце осталось? Последний вывод вот:
Сюда прилив примчал нас, отсюда вихрь несет.

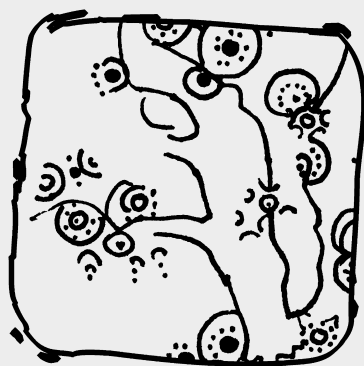

К Нему идти ты хочешь? Оставь жену, детей,
И все, что мило сердцу, и близких, и друзей,
Все устрани, что может связать тебя в пути:
Чтоб двигаться свободно, все путы рви скорей.

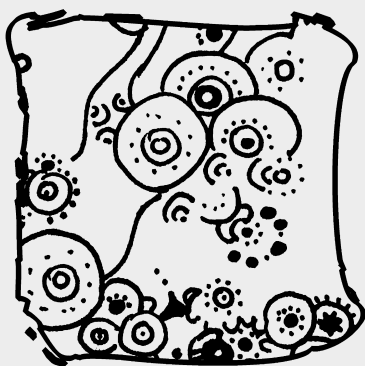

Освободись, о сердце, от плена чувств земных,
От радостей любовных, от горестей пустых.
Иди к дервишам, сердце, присядь на их порог...
И ты, быть может, станешь святым среди святых.

Скажу тебе, коль хочешь мой выслушать совет:
Нарядом лицемерья не обольщай наш свет.
Земная жизнь — мгновенье, другая — без конца,
Продать за миг всю вечность? Да в этом смысла нет.

Скинь ризы показные! Не поступай как тот,
Кто платье покупает, а тело продает.
Рогожею прикройся — и вот под ней тебя
Неведомая миру порфира облечет.

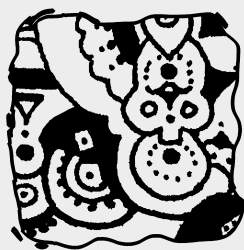
Вращаясь, свод небесный нас давит и гнетет,
Пустеет мир и многих друзей недостает.
Чтоб вырвать хоть мгновенье у рока для себя,
Забудь о том, что было, и не гляди вперед.

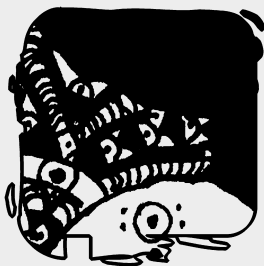
К чему печаль нам служит? Смелее, веселись!
Неверен рок? Себе будь вернее, веселись!
Весь мир ничто? Тем лучше! Вообрази скорей,
Что нет тебя, и действуй вольнее, веселись!

Не лучше ли за кубком тебе всю мысль отдать,
Чем тупо пред михрабом поклоны отбивать?
О первый и последний, о сущность всех существ!
Дай мне блаженство, муки, что сам захочешь дать!

Из жемчуга молений я четок не связал,
И праха прегрешений с лица я не стирал,
Надеюсь на спасенье лишь потому, что я
Единого ни разу двумя не называл.

Мои заслуги точно все до одной сочти,
Грехов же, ради Бога, десятки отпусти:
Их ветреность раздует все адские огни;
Уж лучше, ради праха пророка, все прости.

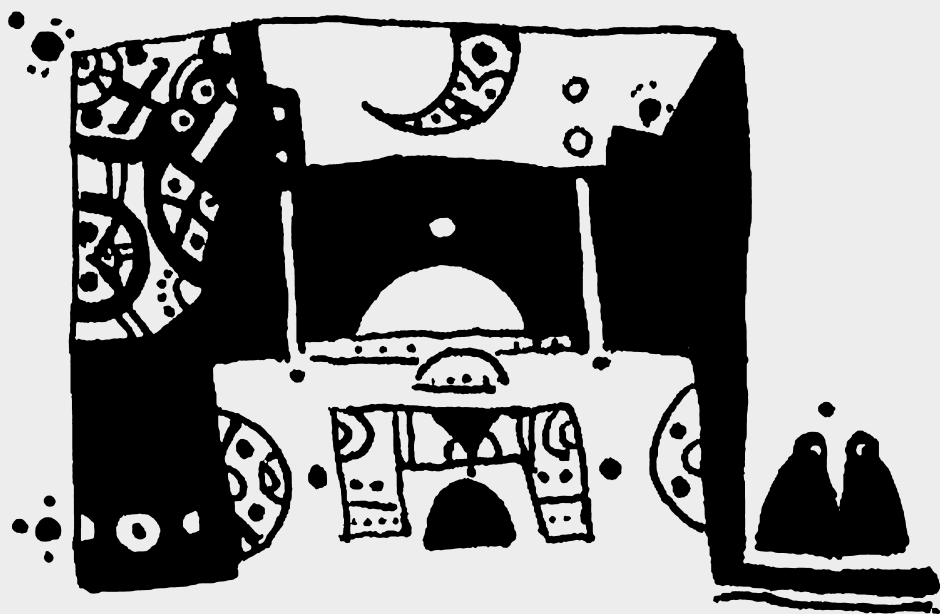

Для мудрости высокой «Хайям» палатку шил,
Сгорел в горне печали и труд не довершил.
И ножницами скрепы палатки срезал рок,
А продавец надежды ее задаром сбыл.

И слева мне и справа твердят: не пей, Хайям!
Вино враг веры правой, сок лоз — отравы нам.
Вино — враг веры правой? Так пей же кровь лозы,—
Ведь кровь врагов лукавых нам пить велит ислам.

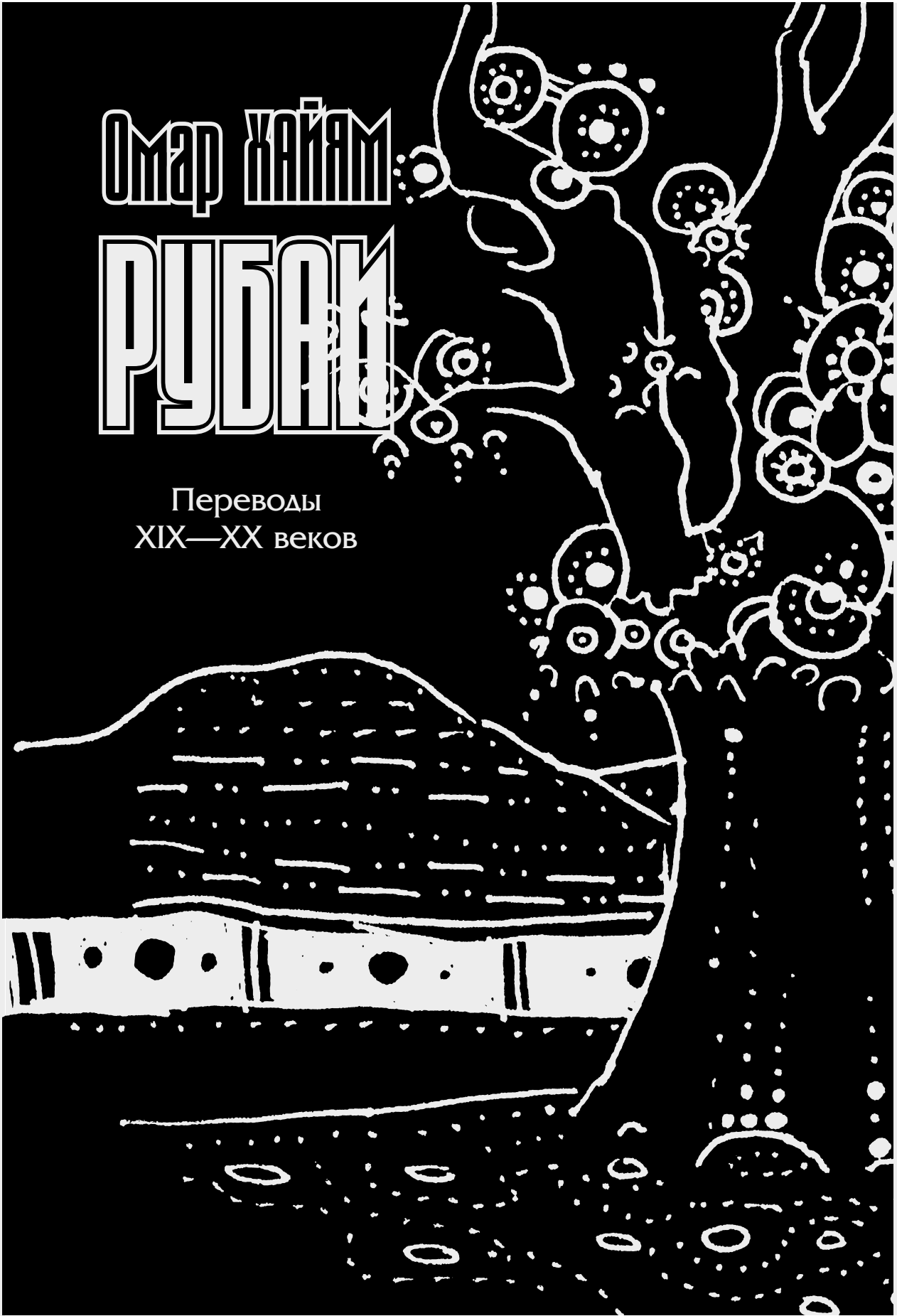

Где корм, а где ловушка, не мог я рассмотреть;
Влечет хмельная чаша, влечет к себе мечеть...
А все ж с такой подругой и с кубком огненным
Уместней мне не в келье, а в кабачке сидеть.

Омар Хайям РУБАИ

Переводы
XIX—XX веков

Омар ХАЙАМ

РУБАИ

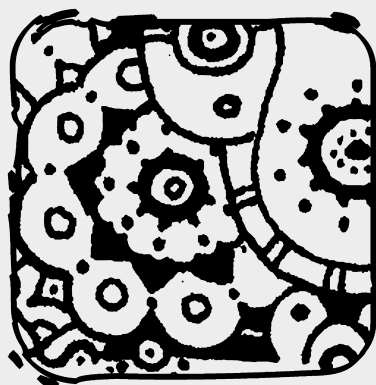
Переводы
XIX—XX веков

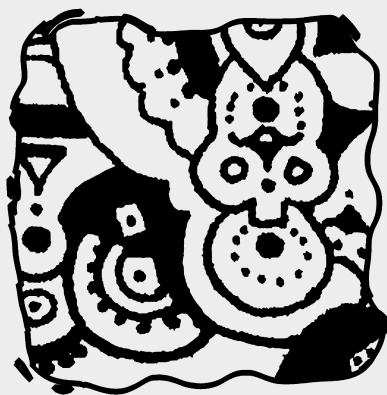
Увы, неблагоприятен небосвод!
Что ни захочешь — все наоборот.
Дозволенным господь не одаряет,
Запретного — и дьявол не дает.

Увы, не много дней нам здесь побыть дано,
Прожить их без любви и без вина — грешно.
Не стоит размышлять, мир этот — стар иль молод:
Коль суждено уйти — не все ли нам равно?

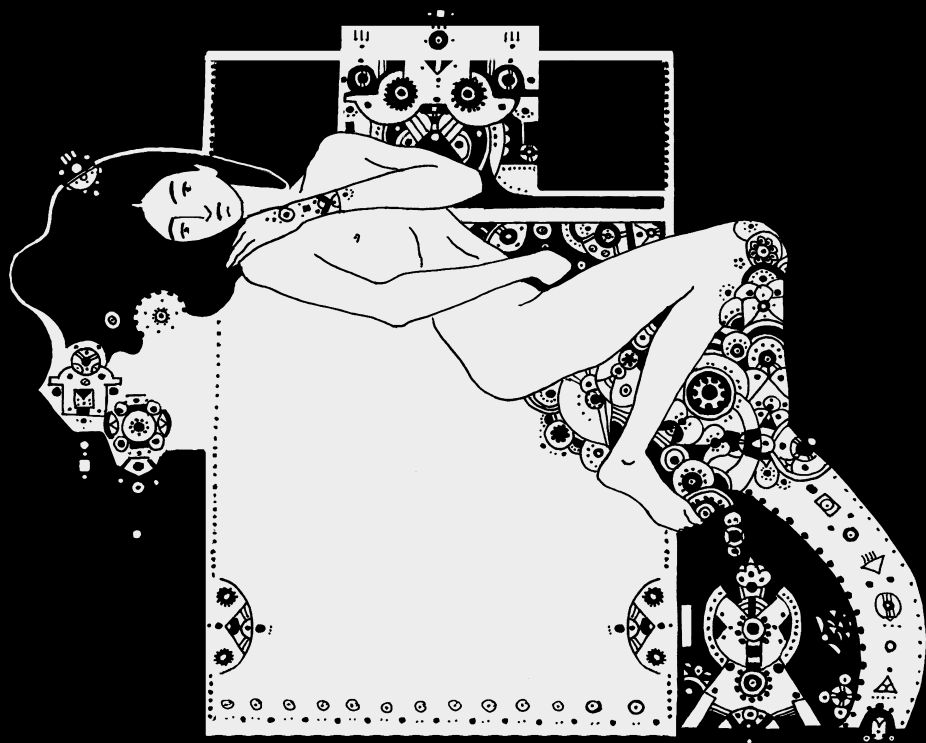
Упреков не боюсь, не опустел карман,
Но все же прочь вино и в сторону стакан.
Я пил всегда вино — искал улады сердцу,
Зачем мне пить теперь, когда тобою пьян!

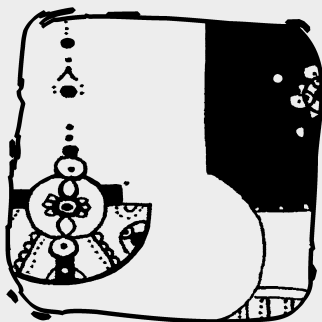
Утром роза раскрыла под ветром бутон,
И запел соловей, в ее прелесть влюблен.
Сядь в тени. Этим розам цвести еще долго,
Когда будет наш горестный прах погребен.

Хайям! О чем горюешь? Весел будь!
С подругой ты пируешь — весел будь!
Всех ждет небытие. Ты мог исчезнуть,
Еще ты существуешь — весел будь!

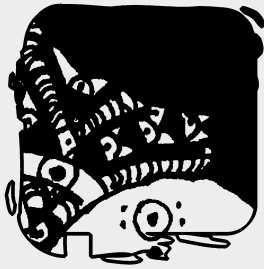
Цель вечная движенья миров вселенной — мы.
 В глазу рассудка ясном зрачок мгновенный — мы
 Похож на яркий перстень летящий круг миров.
 На перстне этом быстром узор нетленный — мы.

Что жизни караван! Он прочь уходит.
 Нам счастья удержать невмочь — уходит.
 О нас ты не печалься, виночерпий,
 Скорей наполни чашу — ночь уходит.

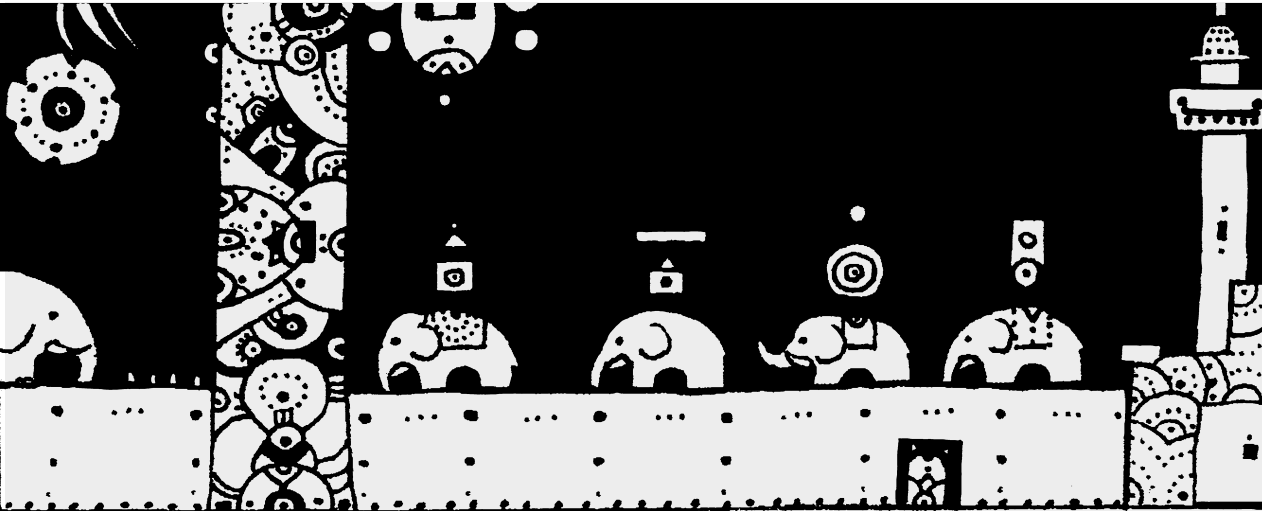
Этой чаше рассудок хвалу воздает,
С ней влюбленный целуется ночь напролет.
А безумный гончар столь изящную чашу
Создает и об землю без жалости бьет!

Я вчера наблюдал, как вращается круг,
Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
Лепит чашу гончар из голов и из рук,
Из великих царей и последних пьянчуг.

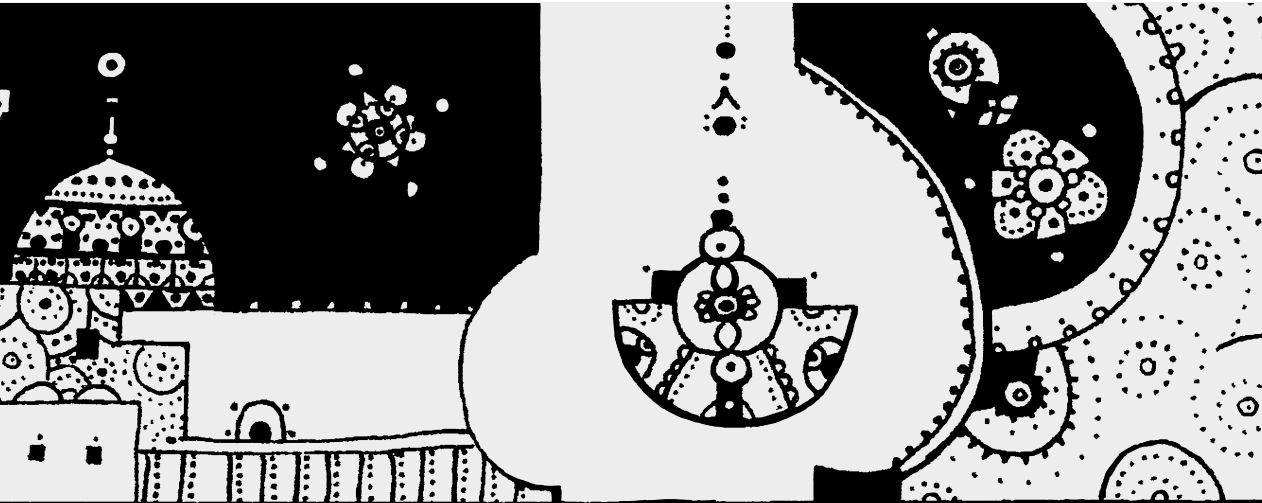
Я раскаянья полон на старости лет.
Нет прощения мне, оправдания нет.
Я, безумец, не слушался божьих велений —
Делал все, чтобы только нарушить запрет!

Бог дает, Бог берет — вот и весь тебе сказ,
Что к чему — остается загадкой для нас.
Сколько жить, сколько пить — отмеряют на глаз,
Да и то норовят недолить каждый раз.

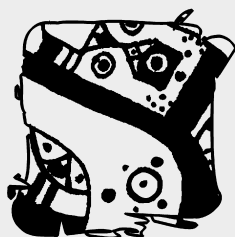
Будешь в обществе гордых ученых ослов,
Постарайся ослом притвориться без слов,
Ибо каждого, кто не осел, эти дурни
Обвиняют немедля в подрыве основ.

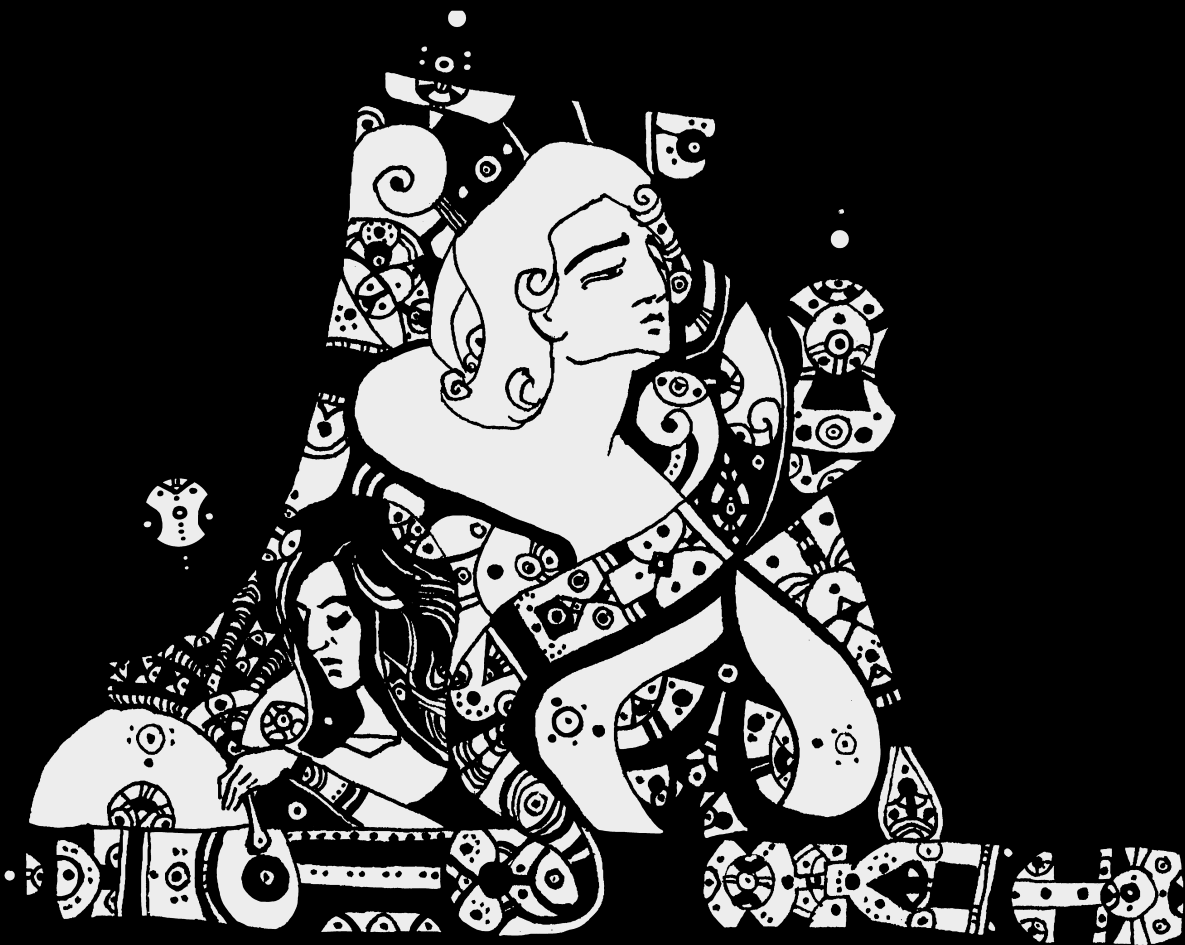
Бык Землю держит испокон веков,
Телец — вверх, за толщей облаков.
Вглядись глазами разума — увидишь
Ты сборище ослов меж двух быков.

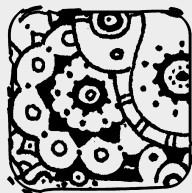
В день, когда оседлали небес скакуна,
Когда дали созвездиям их имена,
Когда все наши судьбы вписали в скрижали, -
Мы покорными стали. Не наша вина.

В этом мире глупцов, подлецов, торгашей
Уши, мудрый, заткни, рот надежно зашей,
Веки плотно зажмурь — хоть немного подумай
О сохранности глаз, языка и ушей!

Веселись! В мире все быстротечно, мой друг.
Дух расстанется с телом навечно, мой друг.
Эти чаши голов, что столь гордо мы носим,
На горшки перелепят беспечно, мой друг.

Где сонмы пировавших здесь до нас?
Где розы алых уст, нарциссы глаз?
Спеши, покамест плоть не стала прахом,
Как прах твой плотью раньше был сто раз.

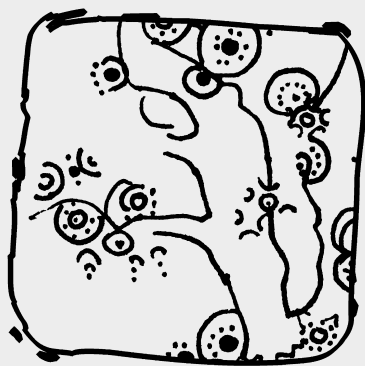
Грозит нам свод небесный бедой — тебе и мне,—
И надо ждать разлуки с душой — тебе и мне,
Приляг на мягком дерне! В могиле суждено
Питать все эти корни собой — тебе и мне.

Да пребудет вино неразлучно с тобой!
Пей с любой подругой из чаши любой
Виноградную кровь, ибо в черную глину
Превращает людей небосвод голубой.

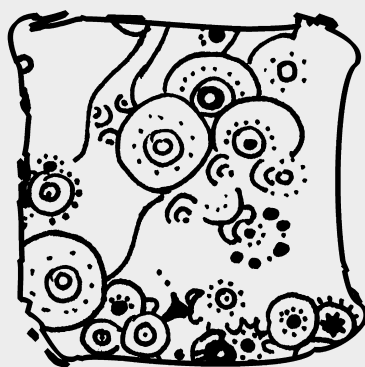

Дай кувшин вина и чашу, о, любимая моя,
Сядем на лугу с тобою и на берегу ручья!
Небо множество красавиц, от начала бытия,
Превратило, друг мой, в чаши и в кувшины — знаю я.

Держит чашу рука, а другая — Коран:
 То молюсь до упаду, то до смерти пьян.
 Как лишь терпит нас мраморный свод бирюзовый —
 Не кафиров совсем, не совсем мусульман.

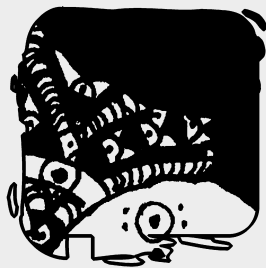

Если все государства вблизи и вдали,
 Покоренные, будут валяться в пыли —
 Ты не станешь, великий владыка, бессмертным.
 Твой удел не велик: три аршина земли.

Жизнь мгновенная, ветром гонима, прошла,
 Мимо, мимо, как облако дыма, прошла.
 Пусть я горя хлебнул, не хлебнув наслажденья, —
 Жалко жизни, которая мимо прошла.

Жизнь пронесется, как одно мгновенье,
Ее цени, в ней черпай наслажденье.
Как проведешь ее — так и пройдет,
Не забывай: она — твое творенье.

И старые, и юные умрут,
Чредой уйдут, побыв недолго тут.
Нам этот мир дается не навеки,
Уйдем и мы, и те, кто вслед придут.

Из всего, что аллах мне для выбора дал,
Я избрал черствый хлеб и убогий подвал,
Для спасенья души голодал и страдал,
Ставши нищим, богаче богатого стал.

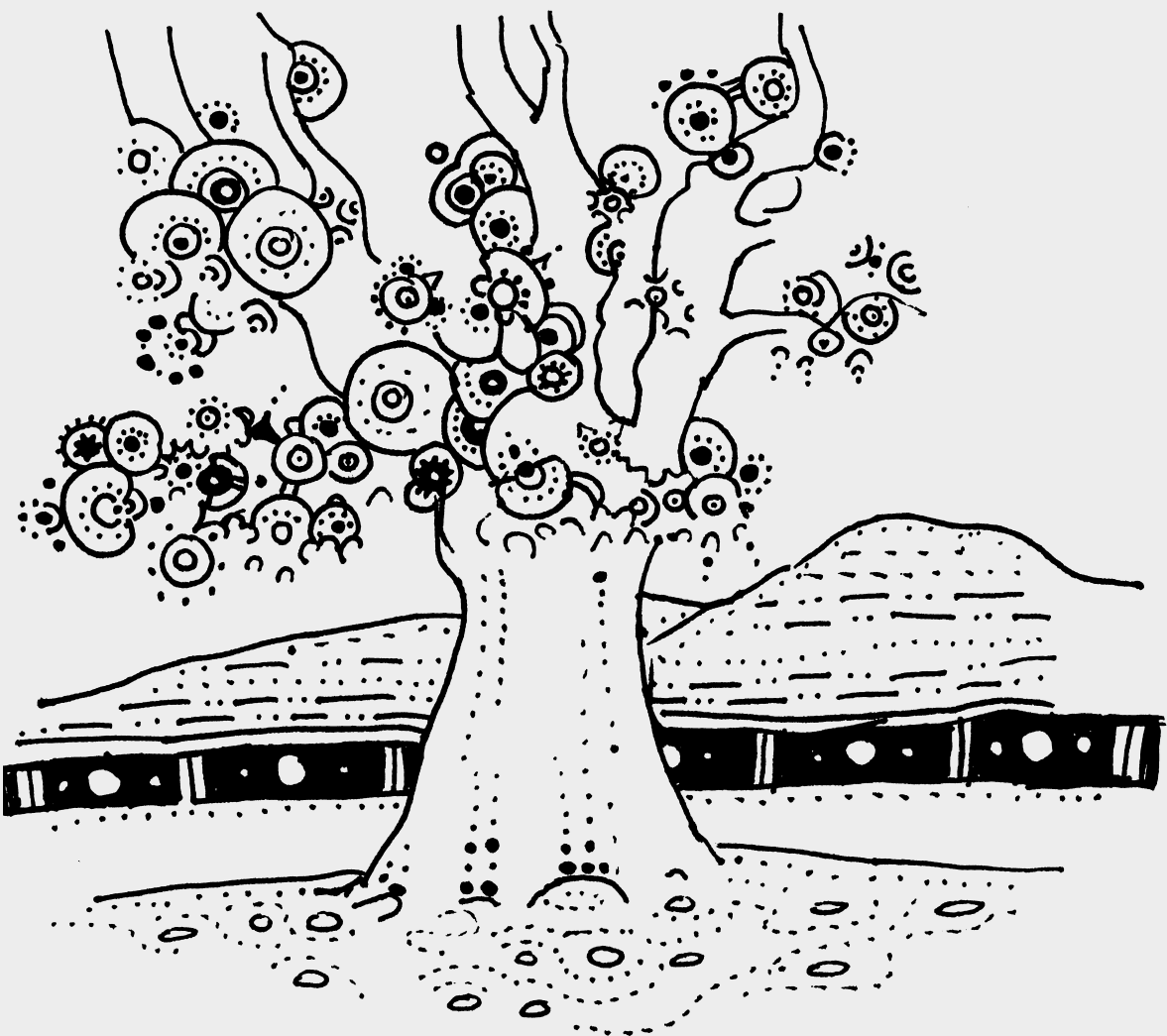
Известно, в мире все лишь суета сует:
Будь весел, не горюй, стоит на этом свет.
Что было, то прошло, что будет — неизвестно,—
Так не тужи о том, чего сегодня нет.

Как знать, подруга, что нас завтра ждет.
В ночь лунную забудем день забот.
Испей вина, еще ведь не однажды
Луна взойдет, а нас уж не найдет.

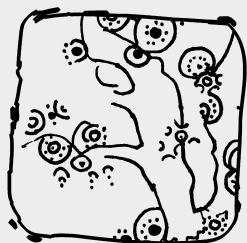
Когда вырвут без жалости жизни побег,
Когда тело во прах превратится навек —
Пусть из этого праха кувшин изготовят
И наполнят вином: оживет человек!

Когда фиалки льют благоуханье
И веет ветра вешнего дыханье,
Мудрец — кто пьет с возлюбленной вино,
Разбив о камень чашу покаянья.

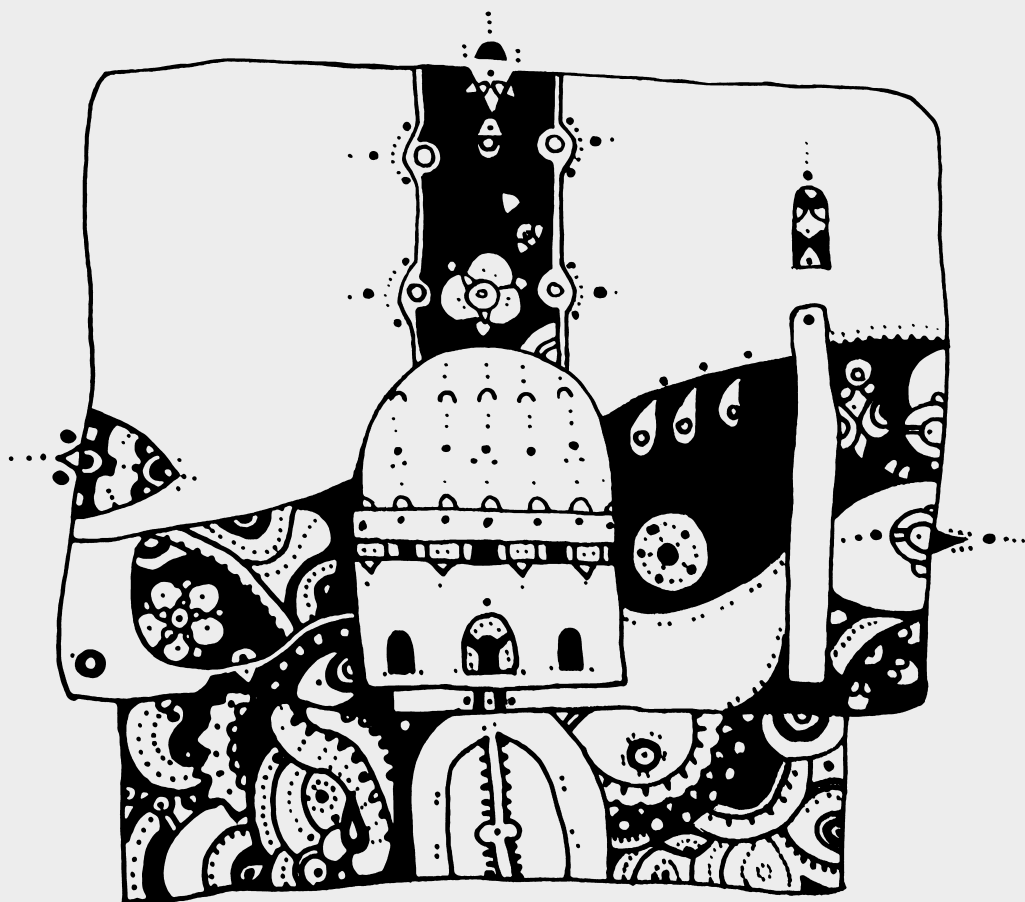

Коли есть у тебя для житья закуток
В наше подлое время и хлеба кусок,
Если ты никому не слуга, не хозяин —
Счастливы ты и воистину духом высок.

Коль есть красавица, вино и чанга звон
И берег над ручьем ветвями осенен,
Не надо лучшего, пусть мир зовется адом.
И если есть эдем, поверь, не лучше он!

Лишь твоему лицу печальное сердце радо.
Кроме лица твоего — мне ничего не надо.
Образ свой вижу в тебе я, глядя в твои глаза,
Вижу в самом себе тебя я, моя отрада.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэтический перевод К. Бальмонта	5
Поэтический перевод И. Тхоржевского	13
Поэтический перевод К. Герра	79
Поэтический перевод Ф. Корш	87
Поэтический перевод В. Мазуркевича	91
Поэтический перевод П. Порфинова	95
Поэтический перевод И. Умова	103
Поэтический перевод В. Величко	113
Поэтический перевод Г. Плисецкого	143
Поэтический перевод Г. Семенова	193
Поэтический перевод А. Кушнера	199
Трактат «О бытии и долженствовании» мудреца Омара Ибн Ибрахима Ал-Хаййями	205
Ответ на три вопроса: необходимость противоречия в мире детерминизма и долговечности (дополнение к «Трактату о бытии и долженствовании»)	216
«Свет разума о предмете всеобщей науки». Сочинение мудреца Омара Ибн Ибрахима Ал-Хаййями	223
Трактат «О существовании шейха Имама». Доказательства истины для людей — Омара Ибн Рахима Ал-Хаййями, да освятит Аллах его душу	231
Трактат Омара Ал-Хаййями «О всеобщности существования»	243
«О доказательствах задач алгебры и алмукабалы». Из трактата досточтимого мудреца Гийаса Ад-Дина Омара Ал-Хаййями Ан-Найсабури, да освятит Аллах его драгоценную душу	255
Из трактата «Комментарии к трудностям во введениях книги Евклида в трех книгах, сочинение славнейшего шейха имама доказательства истины — Абу-л-Фатха Омара Ибн Ибрахима Ал-Хаййями»	261
Поэтический перевод Л. Некоры	267
Переводы XIX—XX веков	285

Художнє видання

Омар Хайям

Рубаї

(Російською мовою)

Серія «Краса розуму»

Підписано до друку 22.02.2010.

Формат 70х100/16. Папір офсетний. Друк офсетний.

Ум. друк. арк. 2,35. Наклад 5000 прим. замовлення №

З ПИТАНЬ ПРИДБАННЯ КНИГ ЗВЕРТАЙТЕСЬ:

Тел.: (057) 7-149-173, 7-149-386

61005 м. Харків, пл. Повстання, 7/8

ТОВ «Аргумент Принт»

Е-mail: info@argprint.com.ua

topman2@argprint.com.ua

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

Тел.: (057) 7-149-173, 7-149-386

61005 г. Харьков, пл. Восстания, 7/8

ООО «Аргумент Принт»

Е-mail: info@argprint.com.ua

topman2@argprint.com.ua